

М.АЛЕКСАНДРОВ

Сеть
Индры

Максим Александров

**Сеть Индры. Сеть
Индры, Мистерия
о Геракле, рассказы, стихи**

«Издательские решения»

Александров М.

Сеть Индры. Сеть Индры, Мистерия о Геракле, рассказы, стихи / М. Александров — «Издательские решения»,

Все мы в Пути. Кто-то идёт сам, кого-то несут волны обстоятельств. Дорогам нет числа, а цель — за пределами обычного человеческого понимания. Но карта миров едина для прошлого, настоящего и будущего, для сознательного и бессознательного. Герои мифов — это мы сами и наши современники. В книгу вошли художественные произведения автора, написанные на рубеже веков.

Содержание

Вместо предисловия	7
Сеть Индры	8
Часть 1	9
Глава 1. Свиток	10
Глава 2. Пророки	22
Глава 3. Баал	30
Глава 4. Серый дом	46
Глава 5. Воспоминания	57
Глава 6. Свершилось	71
Глава 7. Пробуждение	79
Часть 2	96
Глава первая	97
Глава вторая	100
Глава третья	105
Глава четвёртая	111
Глава пятая	115
Глава шестая	117
Глава седьмая	118
Комментарии	119
Мистерия о Геракле	125
Глава 1	126
Глава 2	128
Глава 3	131
Глава 4	136
Глава 5	140
Глава 6	144
Заключение. 12-е путешествие Геракла	148
География Камалоки	150
Записки из Авичи	150
Бабочка	153
Самайн	155
Игра	160
Гордыня	165
Парк	171
Битва с дьяволом	175
Миниатюры	181
Сказочки для Марка2	182
Реалисты	182
Покупка	183
Откуда на земле появились мыши	183
Летний полдень	184
Когда Бога ещё не было	184
Змий	184
Комета	185
Вознесение	186
Случайные встречи	187

Тётя и призраки	187
Мана	188
Просветление	188
Чаша	189
Встреча	189
Гриб	190
Отравитель	190
Женщина и святой	191
Водяной	191
Дзяды	192
Атеист	192
Дао электричек	193
Апокрифы	195
Бытие 1	195
Каин	195
Потоп	196
Иерихон	196
Адресат и отправитель неизвестны	197
Письмена на рысьей шкуре	200
Мистерия	202
Названия деревень	205
Имя дождя	208
Стихи разных лет	211
Сезоны	214
Романтическое	220
Неромантическое	225
Другой стороной	231
Послесловие	237

Сеть Индры Сеть Индры, Мистерия о Геракле, рассказы, стихи

Максим Александров

В оформлении книги использованы иллюстрации из средневековых рукописей.

Вместо предисловия

Отзывы читателей (из соцсетей):

Для меня эта книга – причём не только собственно роман «Сеть Индры», но и все тексты, входящие в этот сборник – это, прежде всего, инструмент для работы с сознанием, объект медитации. Смыслы, заложенные в ней, кажется, неисчерпаемы. Постоянно открывается что-то новое, и ты вдруг начинаешь понимать что-то очень важное и интересное в тексте, чего не видел до того. Сеть Индры, да...

Что касается этой книги как литературного произведения... Я мало сведущ в литературном искусстве, поэтому компетентно судить о художественных достоинствах не могу – могу лишь как рядовой читатель. Чтение текста доставляет реальное наслаждение, самым своим слогом, мягким и текучим, живым и глубоким. На самом деле – это огромная редкость, когда язык книги и ход мысли автора приносит такое удовольствие. Это буквально пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать. Можно сидеть и просто смаковать.

Порекомендовать эту книгу могу решительно всем. Кто-то, безусловно, останется от неё в недоумении: это как заглянуть в толстую и явно интересную книгу на незнакомом языке. Всё так занимательно и картинки удивительные, но, ни шиша не понятно. Кому-то она обязательно понравится. Но предугадать заранее – кто станет поклонником этой книги – я не берусь. Я видел случаи, когда даже маленькие дети слушали её с восторгом.

Олег Павлов

Что сказать?... Книга, к которой я обращаюсь, когда бывает беспокойно на сердце, и странная тревога томит и зовет... Книга, которую я люблю читать по вечерам, ложась в постель, останавливаясь на распахнувшейся наугад странице.... Удивительная светлая книга, читая которую вдруг понимаешь, что обыкновенная зеленая лягушка, живущая в садовой бочке, на самом деле – Звезда. «И светит всем в доме»... А Божье царство – здесь и сейчас, совсем близко – живет и дышит, и растет и ширится.

Юлия Жамальдинова

Соприкосновение с путниками из «Сети...» дарит читателю самые разные образы – космической музыки, запутавшейся в струнах мироздания; вечного странника, старающегося вырваться из колеса бесконечно повторяющихся событий; столкновения двух неподвластных человеческому уму сил, которое оказывается всего лишь актом творения чего-то нового. А нашему воображению останется только сплести все символы в увлекательную и запоминающуюся историю...

Татьяна Климова

Сеть Индры роман

Часть 1

Никогда я ещё не слышал рассказа, где было бы столько разных происшествий, случившихся с таким количеством разнообразных персонажей.

– Скажите, а вы сами имеете представление, о чём вы рассказываете? – спросили мы его тут. Он сказал «нет», но поручился, что каждое его слово – чистейшая правда, потому что его тётка всё это видела собственными глазами.

Джером К. Джером Пирушка с привидениями

Глава 1. Свиток

Фрагмент 1.

Раби Ицхак был недоволен днём. День проскользнул между пальцев как трёхгрошовая монета. Скрип тележного колеса вывел его из задумчивости. «Частности затемняют смысл, – произнёс он, – и недостойно сожалеть о потерянном».

Козы щипали чахлую траву у дороги, вечер надвигался, как грозовая туча.

В стороне от дороги он заметил человека, сидящего на камне. Тот был без шапки, седые волосы его были всклокочены, чёрный плащ небрежно брошен на траву. Подойдя ближе, Ицхак увидел, что это Лёв Цви – раби из Праги. В левой руке тот держал свиток, в правой подкову.

– Раби! – воскликнул Ицхак – уж не принесло ли Вас ветром? Когда вчера западный ветер повалил плетень у самого дома старого Лейб-Шимона, я подумал: наверное, такой сильный ветер принесёт нам какие-нибудь новости. Но никак не думал, что это будете Вы!

Лёв Цви поднял голову. Он был так лёгок, что Ицхак испугался, что раби опять унесёт ветром, как пух от одуванчика.

– Ицхак, – сказал Лёв Цви, – этот ветер – Божий ветер. Вчера у меня был конь, сегодня осталась подкова. Только что я был в мирах светов НаРаНХай, а теперь держу в руках этот свиток.

Они пошли сквозь поля в надвигающемся сумраке, и их тени скользили за ними.

– Вам надо выпить мёду, раби, – говорил реб Ицхак, – пойдёмте в трактир и попросим горячего мёда.

– Частности затемняют смысл, – говорил он, – Моше оставил нам Тору, Ари открыл «Зоар». Этого нам хватит до дней Машиаха. Зачем нам ещё один свиток?

Лёв Цви молчал.

В полутёмном трактире они слушали треск поленьев.

– Возможно, это ошибка с Его стороны – негромко сказал Ицхак.

– Не нам исправлять Его ошибки – глухо отозвался Лёв Цви.

Только через несколько минут, после того, как почтенные раввины ушли, трактирщик заметил забытый ими свиток. Он выскочил, чтобы догнать гостей, но они словно растворились в ночи.

Текст 1

Главное, пиво здесь дешёвое. И ещё свобода. Свобода – это когда можно спать до двенадцати, и ни одной московской рожи на улице, и луг у речки в жаркий денёк – это луг, а не пастбище для машин и не тюленьё лежбище. А ещё тишина, на стуче ходиков и кваканье лягушек настоящая. И на площади соловей поёт, а по улицам утки ходят. Откроешь окно, а там туман, или солнце из-за холма, или, там, воробьи, а не... сами знаете что. И чай свежий, и никого над душой.

– Дай топор, дров наколю!

– Не дам, отдыхай.

И следить, как луч ползёт по пыльному ковру, и мириады миров-пылинок носятся в бесконечном пространстве комнаты.

И люди здесь интересные. К примеру, Бесштанов.

Матвей Савельич Бесштанов всегда готов поделиться своим счастьем с окружающими. «Рудик! Голубчик ты мой! – восклицает он, хватая тебя за рукав. – Это был самый обычный камень, но я всё-таки решил его перевернуть. Ведь никогда не знаешь, что будет, если ты перевернёшь камень. И что же? Боже мой! Там оказались рунические письмена!»

С детства Матвей Савельич любил ковыряться по склонам и карьерам и разглядывать камни. Он собрал их огромное количество – самых разных и удивительных камней. Он находил каменные архивы древних цивилизаций и каменные протезы, каменные генераторы и окаменевшие покрывающие, камни со следами динозавров и камни, оплавленные при посадке летающих тарелок, языческих идолов и стреляные гильзы в куске угля. Однажды он нашёл окаменевшую газету миллионлетней давности и разобрал почти половину текста, писанного почему-то по-арабски. А стариннейший еврейский свиток с пророчествами о конце света Матвей Савельич как-то просто подобрал в траве, прогуливаясь по парку.

По древним текстам Матвей Савельич настоящий специалист – он прочёл их все. Письмена этрусков, хараппские иероглифы, кохау ронго ронго он щёлкает как орешки, вооружась старым русско-немецким словарём. Ежегодно Матвей Савельич совершает научные революции. Он закрыл как поддельные все старые цивилизации, зато открыл множество новых. К примеру, раскопал в окрестностях Вышгорода на Александровом Погосте гиперборейское городище и даже реконструировал гиперборейский язык, оказавшийся удивительно похожим на украинский. А роясь там же в поисках гробницы Чингисхана, нашёл могилу Пруса – брата Августа-кесаря.

И если мир ничего не узнал об этих удивительных открытиях, то меньше всего в этом вины самого Матвея Савельича. Если у вас есть немного времени, он с удовольствием расскажет, как обивал пороги Рыбакова и Петракова, Лихачёва и Лигачёва, Янина и Янаева, Фоменко и Доренко, и как академик Рыбаков, взяв его под руку, тихо и наставительно объяснил, чтобы он придержал свои открытия при себе, потому, что хотя всё и было не так, как пишут в учебниках, но остальным про это знать не надобно. Потому как тут задействована такая большая политика, что смертным и не подступится. В другом варианте рассказа Рыбаков грозно кричал из-за стола: «Да как ты посмел! Эти надписи сам Грозный запретил расшифровывать!» И ударом кулака разбивал пепельницу.

И потому Матвей Савельич публикует в местной газете только самые безобидные из своих открытий. Но, конечно, побеседовать о них Матвей Савельич любит.

Меня он впервые изловил в одно в меру прекрасное утро. Совершая по своему обыкновению утреннюю пробежку, Бесштанов зорким взглядом краеведа сразу приметил незнакомую фигуру с мольбертом, хмуро обозревавшую окрестности с высоты кургана. Подойдя, он вкрадчиво взял меня под локоток и начал говорить в своей обычной манере, переходя сразу к сути вопроса: «Как Вы думаете, почему Александр Сергеевич назвал своего героя Руслан? Вы ведь знаете, что Пушкин был пророком, и волхвом в 17-ом поколении, он ничего просто так ни делал. Вы, понятно, скажете, что корень здесь „Рус“, как скажем в „Рустам“ – т.е. рус там. А что в таком случае означает – „лан“? Ну что? А?» Тут он сделал эффектную паузу, напряжённо глядя на собеседника, словно пытаясь воззвать к моему лингвистическому дарованию.

А внизу речка вяло размышляла о том, как ей не хочется впадать в Волгу и что надо сделать ещё несколько петель среди этих живописных холмов. И что хорошо бы вообще никуда не впадать, а вот так вот лежать неподвижно и греть серебристые кольца на солнышке.

А в воздухе застыла стрекоза, и ей тоже не хотелось никуда лететь, а хотелось висеть себе неподвижно. А мне, измученному бурно проведённой ночью, не хотелось думать что такое «лан». И я промолчал и мудро сделал, потому что вскоре без малейших усилий со своей

стороны узнал и что такое «лан», и что такое «усл», и что значит «сла» и много других удивительных вещей.

«Стрекоза» – подумал я, кажется, нечаянно вслух. Мой собеседник замолчал на какое-то мгновение, а потом я узнал в каких случаях древние русичи употребляли корень «оз», а также об оссиях, стране Оз, жидомасонах и кабалистическом значении номера 03.

«Река, – напряжённо наморщив лоб, подумал я, – река! Река речёт. Что делать? Речь! – я потряс головой – Речь кого? Не мальчика, но мужа. Мужа чьего? Речьего!» Так как этот лингвистический монолог я опять по рассеянности произнёс вслух, странный лектор с перепутанной бородёнкой поглядел на меня с нескрываемым интересом, и – о благодетель! – предложил пивка.

Тут уж я слегка отыгрался.

– А знаете ли Вы, – спросил я, – что великий австрийский учёный Зигмунд Фрейд доказал, что каждый человек по натуре своей – жид? Но затем в процессе, так сказать, социализации, этот внутренний id всячески маскируется. Однако кое у кого, прячь его не прячь, он так наружу и выпирает. И называются такие люди... нет, это вы неправильно подумали. К национальности это никакого отношения не имеет. Называются такие люди невротики, в отличие от обычных людей, которые называются вротики. Потому что..., – тут я с некоторой обидой заметил, что собеседник меня не слышит, а просто улыбочиво пережидает.

– Голубчик вы мой, – сказал Бесштанов ласково, – голубчик вы мой, когда наступит конец света, а это случится очень скоро, никто не станет разбирать, еврей вы или не еврей.

От него-то я и узнал подлинную историю Вышгорода.

Документ 1

М. С. Бесштанов

Тайны вышгородских подземелий.

Лет примерно 150 тому назад решила дворянка Козодавлева, вдова коллежского асессора, углубить свой погреб. Начав копать, рабочие вскоре наткнулись на белокаменную кладку древнего свода. Под домом ассessorши оказались три «каменные палатки». В последней, где уровень пола был на полсажени ниже, был обнаружен полузасыпанный колодец. Высота потолков достигала 165—180 сантиметров. В подземелье было сухо – древние строители предусмотрели вентиляцию. Кирпичные полы были выложены сложным концентрическим узором.

На стене дальней «палатки», осмотревшим подземелье преподавателем гимназии Вневитиновым была найдена состоящая из непонятных значков надпись, которую любознательный педагог добросовестно скопировал.

Дальнейшие раскопки были прекращены по приказу городничего для пресечения распространившихся по городу слухов. Подземелье было снова замуровано.

Не скроем, для принятия столь радикальных мер основания у городничего были.

О подземельях в городе говорили давно – многочисленные ходы, словно сырную голову, источили городище. От него ходы, будто бы, вели чуть не до самого Александра Погоста, где в пещерах скрывались в тёмные века монахи и разбойники, хранилиськлады, а в тревожные времена выходили из-под земли успокаивать народ нездешние старцы.

Временами наш город охватывали эпидемии кладоискательства. Тревожа умы, передавали из уст в уста «надёжнейшие слухи» о сокровищах, ходили по рукам какие-то полустёртые карты.

Но когда стали раскапывать без дозволения древние курганы, нашли под бывшей монастырской церковью подвал со сложенными черепами да забили насмерть пару человек кладискательскими кирками, то это уже было дело подсудное. И с тех пор полиция предпочитала пресекать волнения в самом зародыше.

Впрочем, будь в истории с козодавлевским подвалом дело в обычной полицейской перестраховке, добился бы настойчивый учитель Веневитинов разрешения на раскопки, добыл бы нужные бумаги в Министерстве народного просвещения, глава коего граф Уваров был известен своей давней страстью к археологии. Но смеем предположить, дело тут было в другом. Просто на следующий день после начала раскопок к дому городничего проковылял, опираясь на костыль, невзрачного вида человечешко в поношенном сюртуке с георгиевской ленточкой в петлице. Был это отставной штабс-капитан Тианский. Пробыл он у городничего около часа и, как полагаем, был выслушан очень внимательно. Что именно он сказал городничему, мы можем только догадываться, знаем только, что человечек слов на ветер не бросал. Был штабс-капитан всему городу известный крестозналец.

Вот вам сейчас нужно объяснять, что такое крестцы, а раньше любой знал: крестец – перекрёсток улиц, дорог, ручьёв подземных – место не простое. Вспомните витязя на распутье. И колдовали-то в полночь на перекрёстке двух дорог, и кресты-распятья, либо икону не случайно там ставили. Крест ведь древнейший магический символ, известный русичам задолго до христианства. Сотни тысяч лет назад он был разнесён по всей земной тверди. Земной квадрат, четыре стороны света, 4 грани пирамиды не случайны: крест – знак земли. Именно этот знак лежит в основе геомагнитного кристалла, на перекрестьях граней которого зародились все великие цивилизации, находятся все величайшие, известные и сокрытые, святыни земли. На энергетических перекрестьях меньшего масштаба ставили капища (позднее церкви), дороги тоже прокладывали не абы где. Знающий тайну крестцов обладал ключом к великой силе, которую мог направить и на добро, и на зло.

Потому, сограждане! Никогда не разгадывайте кроссвордов (крестословиц), вы сами не знаете, что делаете! Это древнейшая магическая практика, дозволенная только волхвам. Посмотрите, как изменился мир за последний век – это результат целенаправленной работы могучих сил. Через кроссворды десятилетиями осуществляется программа масштабной трансформации человеческого сознания. Взгляните на так называемое современное искусство, и вы сможете оценить масштаб идеологической экспансии чуждой цивилизации.

Но вернёмся к штабс-капитану Тианскому. Власть, данная этому человечку, была удивительна. Случись что – болезнь, горести, неудачи, одолели несчастья – люди шли к Тианскому. Вешал штабс-капитан на крестце свои колокольчики, стучал медной палочкой и по звону определял, в чём дело: нет ли заклятия на крестце, правильно ли дом поставлен, с того ли колодца воду берут. А власти с того времени его зауважали, как выгнал он нечистого духа из дома самого протоиерея. И даже губернский архитектор с ним стал считаться после того, как два новых дома в буквальном смысле провалились под землю, – пустот-то под городом изрядно.

Главное же, знал Тианский крестцы не только видимые, но и подземные, а эти самые опасные.

Много чего знал этот удивительный человек, о чём потомки и не догадываются. Не случайно на встречу с ним приезжал и сам государь. Приехал ночью с двумя адъютантами. Часа три говорили о судьбах России. Говорят, великие тайны были открыты. А наутро уехал штабс-капитан куда неизвестно. Искали его долго, и не нашли.

И всё же представим, о чём тогда могла идти речь.

Благодаря расшифровке древнейших письменных источников, в частности, этрусских и хараппских, в последние годы наши представления об истории человечества претерпели радикальные изменения. Стало понятно, что нашей цивилизации как минимум 50 миллио-

нов лет, и древнейшая цивилизация – это цивилизация русская. Словом «Русь» на древних языках называлась наша Метагалактика, а русичами – пришедшая со звёзд высшая космическая раса. В важнейшем энергетическом центре земли был основан великий город который так и назывался – Русь. Он просуществовал десятки миллионов лет: Рим, ИеРус-алим, Тара, Гиперборея, Пэнлай, Асгард – лишь другие его названия. Но около 50000 лет назад на земле появились новые пришельцы – захватчики из враждебной галактики. На анти-полнуре земли (центре со знаком минус) они основали свой город – чудовищную Шамбалу. Путём генетических экспериментов они вывели из бродящих по болотам неандертальцев-лемуров новую квазичеловеческую расу, стремительно размножавшуюся. Наступила эпоха всеобщей деградации. Древняя Русь была оставлена, но во многих энергетических центрах земли – Египте, Москве, Тиауанако – уцелевшие чистокровные русичи продолжали борьбу, храня свет истины. К началу новой эры им пришлось отступить на север, укрыться от наступающих со всех сторон врагов в лесах священной русской земли. В течение многих веков волхвы искали позабытое место города богов – древнего Асгарда-Руси. Около 13 века он был найден и временно воскрес под именем Владимир (враги его называли Каракорум – город силы). Великий русский правитель – Александр (известный как Невский, Македонский и, как недавно убедительно доказал академик Хаменко, Чингисхан) вновь далеко раздвинул русские пределы. На место изолгавшегося христианства было поставлено истинно русское православие, восходящие к культу Дажьбога-Триглава – древнего владыки Руси (три лица его и донныне тайно почитаются православными, под именами Иисуса, Богородицы и Николая-угодника.). Увы, расцвет оказался недолог. Быстро теряющим расовую чистоту русичам Шамбала противопоставила новую демоническую расу, с большой примесью инопланетной крови. Подняв жёлтые народы, сыны Ямато вновь надолго отбросили Русь к северным лесам. Чтобы спутать врагов, столица вновь была перенесена, но древний Владимир с курганом Александра на этот раз полностью разрушен не был. Он продолжил тихое существование под новым именем. И через пару веков только несколько посвящённых помнили о его былом величии. Забвению способствовало и то, что Владимиром для маскировки был назван другой город, пригород Суздаля, потом не раз разрушавшийся врагами.

Благодаря открытию секретных архивов Пушкина, Есенина и Чехова – последних великих волхвов, мы можем восстановить истину. Подлинный Владимир – это наш Вышгород. Но об этом мы поговорим подробнее в другой раз. Пока же вернёмся к загадочной истории полуторевековой давности. Думается, Тианский знал о том, какие тайны хранят древние подземелья, и каковы могут быть последствия их преждевременного открытия. А последствия могли быть совершенно роковые...

Но сначала ещё один сюжет. Надеюсь, вы ещё не забыли об учителе Веневитинове, происходившем, между прочим, из стариннейшего дворянского рода, и скопированной им надписи. Странные значки, не принадлежащие не одному известному языку, наш славный археолог принял за масонский шифр, и собрался было отправить в Русское археографическое общество, но, увы, не успел. Как-то на прогулке он поскользнулся и упал в оставленный нерадивыми строителями котлован, полный после обильных осадков дождевой водой, и захлебнулся, о чём с прискорбием сообщили те же «Городские вести».

Что стало с его бумагами, не сообщается. Можно предположить, что они попали в городской архив, где мне доводилось находить некоторые его документы. И вот что интересно. Спустя несколько десятков лет, аккуратно перед первой мировой, в наш город приехал японский учёный Норинага. Казалось бы, отчего такая честь нашему захолустному городку? Но вот приехал ведь учёный муж и даже пожелал познакомиться с архивами. (Опять спасибо за сообщение «Городским вестям»). Нашёл он там, что искал или нет, неведомо, только спустя четверть века шеф японской разведки генерал Доихара отрядил в Россию специального агента в чине полковника, с прекрасным знанием русского языка, и опять – какая честь! –

в наш город. Задание у шпиона было только одно, связников у него не было, рации тоже, законспирировался он так глубоко, что взяли его только после войны. При аресте у него изъяли интереснейшую вещь – план с зашифрованным чертежом, помеченный знаком белого сокола.

Белый сокол – по-славянски ререг, – знак не случайный! Был он на знамени Чингисхана-Александра, да на тамге Рюриковичей/Ререговичей (трезубец – это стилизованный сокол падающий на добычу).

Умер этот японский полковник при обстоятельствах очень странных, но речь сейчас не о нём. А о том, что надпись из подземелья тоже начиналась со стилизованного изображения сокола. Тот же сокол не раз попадался мне на древних камнях у Александрова Погоста.

Сокол – птица древнеегипетского бога Гора (И Горбачёв/ Гор бачёв человек ой не простой). Птица, связанная с солнцем. Сокол (иногда орёл), побеждающий змея – символ победы над хаосом, стихийными разрушительными силами потопа. Птица-страж. Но если есть сокол, то где же змей? Взглянем на карту. Городище, сёла Соколово и Александров Погост образуют треугольник вокруг вошедшего ныне в черту города сельца Змиева. Совпадение? Змеиными кольцами обвилась вокруг него Петлянка, где, по преданиям, водились в былые времена чудовищные «коркодилы». Бездонные карстовые разломы ведут к плещущему под нашими ногами подземному морю с его неведомыми тайнами. Зорко стережёт страж-сокол своего извечного врага. Древние валуны хранят память былых битв и, кто знает, может быть, предвестие грядущих. Кто знает, какого противника заклинал сокол из подземной надписи? Молчат древние камни.

Но иногда и они начинают говорить.

Первый обломок с несколькими нацарапанными надписями я нашёл совершенно случайно (если, конечно, в мире бывают случайности). Следующие два были обнаружены в результате упорных поисков. По старинной карте я нашёл место, где стоял дом Козодавлевых. Но главное, мне удалось установить, что до этого на том же месте стоял небольшой монастырь, упразднённый в 1764 г., и в этом монастыре доживал свой век прозорливый монах Самуил, прошедший из-за своего дара большую часть жизни в заточении. Лишь благоприятное пророчество Елизавете Петровне принесло ему в 1741 г. ограниченную свободу – разрешение самому выбрать себе монастырь для поселения, где пророк и провёл последние годы жизни под строгим надзором. Известно, что последние из его пророчеств касались конца света. Вроде бы они были записаны, но записей тех никто никогда не видел.

Тайнопись, которой были нанесены знаки на камнях, оказалась древнеславянской письменностью «черт и резов», известной волхвам. На первом обломке мне удалось разобрать: «Явится по неделе в четверток зверь суц», на втором и третьем: «велик бяще... ререг... мгла... сей день последний»

О том, какие тайны приоткрывают эти письмена, в следующий раз.

Текст 2

Однажды тёмным дождливым вечером, когда западный ветер уныло завывал в кронах деревьев, а фонари, естественно, не горели, Егор по ошибке свернул на чужую улицу.

Тут надо сказать, что улицы в старом городе проложены не по плану, а как когда-то кому-то показалось удобней. Правда, как утверждают историки, план в своё время всё-таки составили и утвердили, но воплощение его в жизнь столкнулось с некоторыми трудностями. Например, чтобы проложить через весь город прямой проспект пришлось бы построить через здешнюю речку Петлянку 22 новых моста. Понятно, что казна таких расходов не потянула. Составивший план архитектор, как рассказывают, сошёл с ума, но потом вроде бы как совершенно выздоровел, примирился с действительностью и женился на местной купчихе.

Единственной странностью осталась за ним привычка взбираться тёплыми летними вечерами на городище и тоскливо озирая город глазами побитой собаки.

Его приемник был немец и человек решительный. Начал он с того, что сам попытался пройти по намеченной по карте прямой линии. Говорят, назад он не вернулся. Согласно местным преданиям, его призрак изредка является и доньше. Несколько раз будто бы видели, как он, с трубкой в зубах, в клетчатом пиджаке и с компасом в руке, бормоча невнятные ругательства, пытается перелезть через чью-нибудь ограду или форсирует какое-нибудь болотце.

Так вот, стоит ли удивляться, что, проспав свою остановку и возвращаясь пешком по непривычному маршруту, Егор свернул не на ту улицу. Чертыхаясь и спотыкаясь, он брёл в темноте, как вдруг заметил впереди у самой земли какие-то сполохи, будто где-то там внизу, бушевало, выкидывая синие языки, невидимое пламя. Но едва он сделал несколько шагов вперёд, как пламя исчезло. Отошёл назад, снова появилось. Тогда Егор, человек от природы любознательный, приметив загадочное место возможно точнее, подобрался к нему вплотную и нашарил в темноте подвальное окошечко. Засунул туда голову, и снова уловил отсвет пламени. В ноздри ему ударил запах серы, а уши уловили гул, сквозь который издали прорывались какие-то вопли.

«Преисподняя!» – вдруг сразу догадался Егор, и по спине его пробежали мурашки. Ясно, ведь должна же она где-то проветриваться, иначе тяги не будет.

Это открытие переполнило Егора гордостью, и он решил поделиться им с отцом Пахомием, здешним настоятелем, предложив использовать окошко для наглядной агитации. Но отец Пахомий его благого порыва почему-то не понял.

– Значит, Преисподняя, говоришь? В подвале? В моём приходе? Ах ты, гроб повапленный! – ласково сказал поп, засучивая рукава, – подь сюда, я тебе её сейчас ещё где поближе покажу!

И Егор сбежал, потому как знал, что отец Пахомий, бывший десантник, шутить не любит.

Добрый старец Аполлоний встретил Егора более приветливо.

– Деточка, – сказал он, по своему обыкновению загадочно, – что есть огонь? Огонь есть сила Господня. Сила сия едина есть, токмо праведного она восхищает, а грешного испепеляет. А что рай, что ад, едино место есть, и что одному благодать, то другому погибель.

И отошёл на своих костылях, оставив Егора в недоверчивом раздумье.

Несколько раз потом приходил Егор к своему окошку, но днём пламя было незаметно. Было это окошко почти у земли в глухой кирпичной стене дома без вывесок, вахтёр на проходной смотрел угрюмо и подозрительно. И Егор робел.

Наконец, в ту самую ночь, когда Егор решил кинуть в окошко завёрнутое в газету полено, чтобы посмотреть, загорится али нет, его и сцапал отец Пахомий и, накостыляв хорошенько, объяснил, что дело это духовное и мирских людей никак не касается.

С тех пор Егор стал молчаливым, перестал верить в гласность и подружился с краеведом Бесштановым.

От Бесштанова я эту историю и услышал.

Фрагмент 2

– Признайся, Самуил, ты еврей! – сказал трактирщик Гершензон.

– Все мы евреи по благодати – смиренно ответил монах, уплетая фаршированную рыбу, приготовленную служанкой Мотей.

– Нет, признайся, Самуил, ты настоящий еврей – настаивал Гершензон, – иначе, откуда ты знаешь по-еврейски? Ха! Я тоже учился в хедере, но ты знаешь лучше! Скажи, ты знаешь Талмуд?

– Знаю, – кивнул Самуил.

– Ха, и после этого ты говоришь мне всякие глупости? Ты думаешь, Гершензон – совсем невежественный человек и не сможет узнать учёного еврея? Нет, я тоже учился в хедере, а сестра моей бабушки Цили была замужем за раввином Иехиалем Гальпериным из Минска. Скажи, ты знаешь про раввина Гальперина из Минска?

– Учёный был человек, – кивнул Самуил – «Седек Гадарот» написал.

– Вот! – возликовал трактирщик, – теперь ты можешь одеваться русским попом!

На столе в маленькой комнате горела единственная свеча, и казалось удивительным, что два человека отбрасывают столько теней.

– Ты не знаешь, какие люди здесь останавливались! – горячился Гершензон, – Здесь бывали сам Натан Гановер и Мардохей Франк! И сам рабби Лёв оставил моему деду на сохранение тайную книгу о Машиахе. Может, ты мне не веришь?

– Всякое бывает, но вряд ли – задумчиво произнёс иннок, пряча руки под стол, чтобы хозяин не увидел, как они задрожали от волнения, – его путешествие было предпринято не напрасно. За окном светало, и ни хвастливый хозяин, ни замерший от страха упустить удачу гость не услышали тихого смеха судьбы, смеявшейся над человеком, достигшим цели своих исканий.

Фрагмент 3

Всю свою сознательную жизнь Исаак Абрамович Израэль мечтал переехать в Малахутовку, где была синагога и полчаса езды до Москвы. Однако всю свою сознательную жизнь Исааку Абрамовичу пришлось прожить в Галутвине, а это, знаете ли, 101-й километр. В этом Галутвине было много заводов, некрасивые двухэтажные дома и река Ока. И ещё там ходил трамвай. Этим трамваем и рекой Окой все положительные стороны Галутвина исчерпывались. Если, конечно, не считать развалин монастыря. Но Исаака Абрамовича развалины монастыря совершенно не интересовали. Что же касается реки Оки, то его сосед, который был родом из Мордовии, уверял, что самая лучшая река – это Мокша, и Исаак Абрамович верил ему на слово. Но сам он мечтал о Малахутовке. Каждое утро он ходил на работу, а вечером читал Тору.

Однажды к нему пришёл человек и принёс старинную рукопись, писанную еврейскими письменами. В первый момент Исааку Абрамовичу показалось, что это книга *Ibbur*, но он быстро понял свою ошибку.

– Мой прадедушка был книжный человек, – сказал посетитель, – и он купил этот свиток у одного трактирщика за 50 рублей. Тех рублей. Теперь один человек предлагает мне за неё 600 долларов. Вы – учёный человек. Может, она стоит дороже?

– Молодой человек, – сказал Исаак Абрамович, – у меня есть русский племянник и его зовут Ипа. Он журналист. Каждый раз, когда этот Ипа приезжает ко мне, он говорит: «Дядя Изя, у Вас много старых книг, и можно их продать за хорошую цену и купить себе квартиру в Москве или дом в Малахутовке, а себе купить новые». Но я не даю ему продать мои книги, потому что мне их жалко. Если Вы не боитесь, то я скажу про Ваш свиток Ипе и спрошу, за сколько можно его продать. Я так думаю, что если его увезти в Америку, то за него дадут больше 600 долларов, но только на таможне его у Вас отберут.

Тогда человек дал Исааку Абрамовичу 500 рублей и попросил прочитать, что написано в рукописи. И Исаак Абрамович прочитал, а потом рассказал о том, что прочитал племяннику Ипе, а Ипа стал бегать по комнате и громко кричать, что надо было удержать рукопись у себя и спокойно её перевести. И что он, Ипа, сам бы не пожалел за такую рукопись 600 долларов. Но Исаак Абрамович знал, что Ипа врёт, потому что у него нет 600 долларов, а если бы они и появились, то Ипа всё равно бы их потратил на что-нибудь другое, и поэтому

сказал: «Ипа, когда ты доживёшь до моего возраста, то тоже не будешь хранить у себя чужие рукописи, потому что никогда не знаешь, кто за ними придёт». Так он сказал, потому что он был старый и мудрый человек и всю свою сознательную жизнь прожил в Галутвине.

Текст 3

Величайшие открытия совершаются порой по поводу совершенно ничтожному и незаметному.

Изучая только что купленную новую крупномасштабную карту области (вещь, для краеведа совершенно необходимую), Матвей Савельевич Бесштанов вдруг понял, что если соединить на карте одной линией все деревни, названия которых начинаются на букву «У», то получится изображение этой самой буквы. Вначале Матвей Савельевич даже усомнился, не шутка ли? Потом попробовал с буквой «Х» и опять получилось.

В другой раз понадобилась ему в энциклопедии статья про Швейцарию. И бросил он беглый взгляд на список их швейцарских президентов и что-то не то увидел. Почитал внимательно, так и есть: если столбиком вторые буквы в фамилиях читать получается по-украински. Матвей Савельевич так и сел. Это что же получается? Тут в черепе у Бесштанова что-то щёлкнуло и открылось у него второе зрение. Взял он отпуск и засел в библиотеку. И пока он там сидел, остатки волос у него вставали дыбом, сами собой шевелились и заплетались узлами. Какой бы справочник он не взял: по метеорологии, космологии, хронологии, генеалогии... – все таблицы оказывались составлены по одному шаблону. Высота величайших горных вершин соотносилась с фамилиями грузинских эриставов, в порядке убывания знатности, диаметры планет с продолжительностью правления китайских династий и датами съездов КПСС. А уж когда ему попался указатель звёздных величин...

– Так! – сказал, наконец, краевед преисполненный праведного негодования, – значит, всё враньё?

– Враньё! – подтвердил внутренний голос. И Матвей Савельевич застыл, потрясённый грандиозностью космической аферы.

– Какая же скотина всё это понаписала? – с возмущением подумал патриот Бесштанов.

– А интересно всё-таки, а что это она там понаписала? – спустя минуту 15 секунд подумал учёный Бесштанов.

То, что за всеми цифрами и отношениями прячется написанный буквами текст, он догадался давно, ещё по карте, оставалось только вытащить его на солнышко. С яростью зарывшись в справочники, переводя числа и отношения в буквы кабалистическим способом, начал он его выуживать буква за буквой, вытаскивая их из карт и таблиц как рыб из проруби и складывая стопочкой как блины, пока они не собирались в слоги и не начинали набухать смыслом. Тогда он раскладывал их на столе и под его суровым взглядом они съезжались и расплзались по словам и предложениям. Перед его мысленным взором уже виделся первотекст, послуживший космическим шарлатанам шаблоном и расплодившийся их стараниями на бесчисленное, хотя и иллюзорное множество других текстов, из которых была соткана смирительная рубаха, надетая на русского человека.

Но задача оказалась не столь уж простой. Надёрганные им слова зажили какой-то странной жизнью. Едва занесённые на лист бумаги, они тут же пытались воплотиться в его, Матвей Савельича, реальной жизни. Слог «вав» отозвался собачьими концертами. Громадные кобели стали стягиваться со всей округи, чтобы выяснять у подъезда Матвей Савельевича отношения. «Хохма» явилась в виде непутёвого художника Рудика, который мало того, что хохмил по поводу теорий Матвей Савельича, ещё и просил потом денег взаймы. От слова «берия» Бесштанов вздрогнул и стал шарахаться от невесты откуда расплодившихся лиц кавказской национальности. Слово «ацилут» его доконало. Что такое «ацилут», Матвей Саве-

льич не знал. Но оно явно что-то обозначало и наверняка какую-то гадость, вроде ацетона, а то ещё и похуже.

Хуже того, найденные слова лезли из всех щелей. Матвей Савельич брал газету: журналисты писали исключительно «его» словами или прятали их внутри предложений. Даже соседка начала их вворачивать в разговор.

Но самое ужасное подозрение закралось у него касательно букв. Ему стало казаться, что все слова составлены не из обычных букв, а из тех самых, ещё не оприходованных.

Теперь Матвей Савельич уже и сам был не рад, что ввязался в это дело. Всегда жизнерадостного, многозначительного и таинственного Бесштанова было не узнать. Походка у него стала неровная, дёргающаяся, взгляд застывший. Он нервно оглядывался по сторонам и что-то бормотал себе под нос. И главное, он не мог остановиться: Текст продолжал вылезать на свет помимо его воли. Идёт по улице дворняга, а Матвей Савельич с ужасом замечать, что это буква «Ё». Поглядит Матвей Савельич на небо, а это не облака ползут, а целый абзац надвигается. С кем заговорит, а тот вместо ответа заглянет в глаза и целые куски из Текста шпарит. А Матвей Савельич видит, что тот не сам по себе говорит, а это Текст через него выползает, а тот и не замечает, скажет себе спокойненько и пойдёт восвояси. Тошно стало Матвей Савельичу, уже и думать боится. Только что-нибудь подумает, а это Он.

Тогда вот что он надумал: как запишет большой кусок Текста, так возьмёт ножницы и «чирик-чирик», на кусочки разрежет и по-новому склеит, и как будто полегче станет. И кусочки эти он по ночам как листовки расклеивал, с несвойственным ему ранее злобным хихиканьем. А однажды пришёл к нему человек с целой стопочкой и спрашивает: «Ваша, Матвей Савельич, работа? А то тут один поэт их собирает и по своим стихам рассовывает». А Матвей Савельич руками замахал: «Нет, говорит, я тут не причём, это он сам, а я помер давно, знаете ли». А человек не поверил и говорит: «Очень здорово Вы это Матвей Савельич придумали. Мы это всё оприходуем».

А Матвей Савельич видит, что это и не человек вовсе, а Вельзевул. Закричал он от испуга страшным голосом. А тут пришёл старец Аполлоний Симонович, да как вдарит ему промеж глаз костылём.

Тут Матвей Савельич и проснулся.

Бесштанов похлопал глазами и уставился на лежащий перед ним на столе старинный свиток, потом взял лупу и попытался сосредоточиться. «Четверг, – пробормотал он, взглянув на отрывной календарь. – Со мной всё в порядке».

Но проклятый сон всё не шёл из памяти. Краеведу начало казаться, что рукопись это и есть тот самый Текст из его кошмара, да и сон был не совсем сон. Матвей Савельич напомнил себе, что сам подобрал свиток в зарослях бузины, рядом с битыми кирпичами и бутылкой из-под портвейна. Но это воспоминание теперь показалось ему каким-то неубедительным.

За окном светало и пело третьими петухами. Подумав, Бесштанов свернул рукопись и, воровски оглянувшись, сунул её в щель между шкафом и стеной, туда, где, как он подозревал, давно уже поселилась маленькая чёрная дыра, кушающая без разбора, всё, что проваливалось со шкафа.

Затем, невинно насвистывая, учёный муж вернулся к письменному столу.

На столе, выпучив печальные глаза-плошки, сидел Ацилут. Посмотрев на него с ненавистью, Бесштанов яростно ударил по клавишам печатной машинки. Он знал, что Ацилута необходимо оприходовать вместе с не пойми откуда взявшейся в голове препротивной Ехидой. И Матвей Савельич уже догадывался куда. Что-то пело в его душе тоненьким голосом, и опытным ухом Бесштанов распознал комариный писк вдохновения. Вдохновенье пело на одну из излюбленных тем Матвея Савельича: оно пело о конце света.

Фрагмент 4

По бесшумному, похожему на трубу коридору Центра, с синими окнами-иллюминаторами, крался Марк Аронович Одинштейн. Крался он к себе в кабинет. Все думали, что Одинштейн на конференции. Пускай думают.

Сквозь синие иллюминаторы было видно, как глубоко внизу в огромном зале у мониторов сидит множество людей. Они глядят на свои мониторы, подключенные к величайшему в мире компьютеру, и думают, что они самые умные. Пускай думают.

На цыпочках Марк Аронович добрался до нужной двери и перекрестился. Тут вы вправе удивиться и спросить: зачем он это сделал? Но Марк Аронович знал, что делал, потому что не перекрестись он перед тем, как открыть дверь, он оказался бы в совсем другом кабинете. А этот кабинет, в который он попал, был оборудован специально для тех случаев, когда Марк Аронович не хотел, чтобы его нашёл кто попал.

В этом кабинет тоже был монитор. Но на полочке за занавесочкой лежали пыльные пергаментные фолианты, съёжившиеся папирусы, шелковые свитки и глиняные таблички, испещрённые загадочными письменами.

Если бы сюда забрался кто-нибудь посторонний, он бы, конечно, побежал к монитору, потому что современный человек никогда не подумает, что можно взять книгу и всё там прочитать.

Человек, который ждал Одинштейна, был не посторонний, а доверенный человек. Увидев Марка Ароновича, он подскочил со стула, а Марк Аронович, наоборот, упал в кресло и стал утирать пот.

– Ну что, купили? – спросил он трагическим шёпотом.

– Купил, – ответил человек и почему-то испуганно оглянулся на монитор.

Марк Аронович выхватил у него из рук свиток, писанный еврейскими письменами, а другой рукой достал из кармана очки, погрузился в чтение.

Человек незаметно сидел, уставясь на ковёр, и лишь иногда закладывал то правую ногу за левую, то наоборот.

Наконец Марк Аронович кончил читать, снял очки, достал платок и снова протёр им лысину.

– Боже мой, боже мой! – сказал он, наконец. – Так я и знал.

Фрагмент 5

Лев Наумович Хоцман печально брёл по берегу пруда. В руке он держал портфель, а в портфеле, завернутая в газету, лежала старинная рукопись, писанная еврейскими письменами. Иногда Лев Наумович останавливался, вглядываясь в тёмную воду, словно прикидывая, достаточно ли здесь глубоко. Нет, топиться Лев Наумович не собирался. Он обдумывал вопрос, не утопить ли ему здесь портфель.

Чтобы портфель стал достаточно тяжёлым, Хоцман положил в него два кирпича. Помимо прочего, они должны были помочь Хоцману преодолеть нерешимость, потому что долго два кирпича не протаскаешь. Мысль о том, чтобы уничтожить рукопись, да ещё старинную, переполняла его суеверным ужасом, но и о том, чтобы оставить её на свете, не могло быть и речи.

Этот свиток прислал Льву Наумовичу для знакомства его друг Одинштейн. Зачем Одинштейн это сделал, Лев Наумович не знал. Но одно он знал совершенно точно: пока этот свиток существует, жить дальше на Земле и спокойно спать никак не возможно.

«Марк, – сказал он про себя, мысленно обращаясь к Одинштейну, которого звали Марк, – возможно, это редкая вещь или твой служебный документ, но я тебе его не верну, даже если ты позвонишь в милицию. Потому что то, что здесь написано, не имеет право быть. И можешь считать меня жидом».

Наконец, когда Лев Наумович устал носить кирпичи, и ему показалось, что здесь достаточно глубоко, из кустов вышли двое, и один из них сказал: «Здорово, жид», а другой: «А что это у тебя в портфеле?» И Лев Наумович понял, что это грабители-антисемиты.

– У, блин, тяжёлый, – заметил грабитель, вынимая портфель из похолодевших пальцев Хоцомана.

– Это кирпичи, – честно сказал Лев Наумович.

– Ага, – сказали недоверчивые антисемиты, – гуляй, дядя.

И Лев Наумович кивнул, ещё раз осознав горькую истину: что бы хорошего или плохого не сделали на этом свете евреи, антисемиты это обязательно присвоят.

Глава 2. Пророки

Текст 4

Это место называлось Гара. Что-то омерзительно-босяцкое было в этом названии. Не гора, не гарь, а именно Гара.

Есть такие места неподалёку от Кольцевой, которые недавно ещё были простыми нормальными подмосковными местами. Но потом, откуда ни возмись, на них напозла Москва, позакрывала с трёх сторон горизонты многоэтажками. Нарыла каких-то канав для неведомых, но ужасно важных коммуникаций. Ещё чуть-чуть, год-полтора – и будет на месте деревушки весёленький микрорайон. Уже и замахнулась было Москва, да призадумалась, и осталась стоять с оттянутой рукой. А здесь всё так и замерло в тревожном ожидании. Жизнь не жизнь. И легла на всё печать какой-то ненастоящести. Вот вроде бы и дома, и рощи, и поля. А всё в них какое-то неправильное, как будто не должно их тут быть.

Где-то рядом гудит автострада, а здесь по раздолбанной бетонке угрюмо ползают самосвалы и ходит по какому-то неведомому расписанию полудохлый дребезжащий автобус, и настроены какие-то гаражи и сараюги, а за рощей, самоотверженно изображающей зелёную зону, несколько домиков, уснувших среди задичавших яблонь, и так, похоже, и не понявших, что же вокруг происходит.

Называлось всё это конечно не Гара, а как-то по-другому. Может, «совхоз имени 60-летия Леонида Ильича», или как-то там ещё, но приклеилась эта самая Гара.

Однажды в серый и промозглый денёк из переполненного воинственными пенсионерами автобуса на остановку вывалился плотного сложения мужчина лет эдак шестидесяти. Несмотря на солидное брюшко, был он весь какой-то упругий и прыгучий, и даже прямо-таки моложавый дядечка. Он поглядел на унылое поле, на покосившуюся остановку с загадочными английскими письменами, на гаражи и произнёс что-то вроде – «эка!». И решительно непонятно было, что он имел в виду.

Протопав с полкилометра по грязи, держа курс на унылого вида хибару с поломанным забором и заросшим бурьяном садом, он снова произнёс «эка» и, пройдя через распахнутую калитку, постучал в окно.

– Витёк, ээ-э Витёк! Ты, того, встречай гостей, что ли.

Тишина. Дядечка сменил окошко и снова постучал.

– Витёк, ты, эта, открывай.

Дверь веранды медленно отворилась, и на пороге появился человек в тапочках. Вид его был страшен. В руке он держал топор, и на хмуром челе его читалась несокрушимая решимость пустить его в дело.

«Эка!» – в третий раз издал дядечка загадочное восклицание.

– Э-ээ, Витёк, аль ты топором меня решил рубить?

– Изыди, – прорычал мужик – надо полагать, Витёк.

– Не узнал, вижу, не узнал, – жизнерадостно заорал дядечка – а это я, Бобус. Боб Варикозный, Роберт Харитонович, а вовсе не то, что ты подумал. Ты, эта, топором не маши.

Витёк присмирел, съёжился куда-то вглубь телогрейки.

– Ходит, – произнёс он сипло, – ходит тут.

– Ага, ага – весело подтвердил Боб Харитоныч, втискиваясь в дверь. Зрелище, которое предстало ему внутри, было не для слабонервных. По полу, по стенам, по потолку небольшой задрипанной комнаты ползали, кишели, шипели разнообразные гады неизвестной биологии, но на редкость препоганой наружности. Боб Харитоныч в изумлении замер на пороге и не сразу обрёл дар речи.

– Эка, – вымолвил он наконец, – экая у тебя, брат, антисанитария!

Потом потряс головой, и гады исчезли.

– Сам гонишь? – спросил он, приняхиваясь к подозрительного вида агрегату, стоящему в углу.

Попробовав на вкус бесцветную жидкость, стекающую из трубочки в эмалированную кастрюлю, он даже присвистнул.

– Эка! – сказал он почти одобрительно.

– Тошно мне, Бобус, – произнёс вошедший следом в комнату Витёк, – а там, – махнул он куда-то за дверь, – всё ходит и ходит, ходит и ходит.

– Печень бы поберёг, Витенька, – пропел Бобус, – если уж мозгов тебе не надо. Дай поцелую тебя, – и чмокнул печального Витеньку в щёку.

– Ну, за встречу!

– Тошно мне, Бобус. Заберут меня скоро.

– Э-ээ, Витёк, – Бобус махнул рукой. Они снова выпили.

– А помнишь, Витёк, – спросил Боб вкрадчиво, – как добыл ты платочек шёлковый с планом? А?! Мог же ведь! С Буддой, помнишь? Интересно мне взглянуть на него. А?

Витёк тупо смотрел в стену:

– Ходит, понимаешь, день и ночь ходит и в стены стучит, – потом, словно очнувшись, всхлипнул: – Раздавили нас, Бобус.

– Ты эта, эта, сопли-то не распускай. Ты погляди, что вокруг развёл, смотреть тошно. – Боб, не глядя, махнул рукой в сторону окна, – Замаскировался! А автобус-то, автобус! Надо же такое придумать! Чудила! Ты мне, эта, платочек покажи.

Витёк, как будто оглох. Боб Харитоныч, взяв его за плечи, несильно потряхнул:

– Ну?

Глаза Витька куда-то закатились. Несколько раз, как рыба, он молча открыл рот. Наконец невнятно пробурчал куда-то в сторону:

– Отдал я его, Бобус, корреспонденту отдал.

– Так, – Бобус даже охрип, – так, какому корреспонденту? Какому такому корреспонденту, сукин ты сын!!! – заорал он. – Что, что ты ему наговорил, кабачок ты недорезанный!

– Не помню, – пробормотал Витёк, – не помню, что говорил. Всё равно ведь теперь, Бобус. Тошно мне.

– Тошно тебе?! Щас тебе ещё тошнее будет! Скотина! Пошли. Прикрываю я твой балаган.

– Нельзя мне отсюда выходить – неожиданно ясным голосом сказал Витёк, – не выпустит он меня.

В окно дома мощно и тяжело постучали, так что лампа под потолком закачалась как маятник.

– Ага, – сказал Боб Харитоныч, – Ага.

– Ага, – сказал Боб Харитоныч, – Ага. Астралопитек. И где ты его, Витенька, подцепил? Витенька молча потянулся к стакану, но Боб решительно хлопнул его по руке.

– Не знаю, – мрачно сказал Витёк, – не помню.

– Ты его заклинять пробовал? Или поговорить? – Витёк мрачно молчал. – Ладно, сам вижу, – брезгливо заметил Бобус – пошли.

– Нет, – лицо Витька сразу посерело – не надо, Бобус, я пробовал уже, не выпускает. Я ему даже стакан выставлял, не берёт!

На стену, а пожалуй что и на крышу обрушилась новая серия ударов. С потолка посыпался мусор, шлёпнулась на стол какая-то пятиногая сиреневая гадина и с писком унырнула под диван.

– Это они его прислали, заберут они меня.
– Не ной! Кто они, что они?! Будут они к тебе всякую дрянь засылать, придурок! Шляешься где попало! У тебя книжка какая есть?
– Чего? – не врубился Витёк
– Чего! Того! Тормоз! Ты вообще книжку какую после школы в руках держал? Держал, спрашиваю?
– Ты, того, не серчай, Бобус – испугано забормотал Витя, глаза его приняли более-менее осмысленное выражение, – читал я.
– Чего читал?!
– Ну, это, ты не сердись, это, читал, Булгакова там, и этого, ну, с бородой такой...
– Ну? Маркс, Флоренский, Рабиндранат Тагор? Дай сюда!
Витёк окончательно съёжился. Трясущимися руками он начал ковыряться в заваленном хламом углу.
– Были ведь. Были. Вот! – прохрипел он, доставая перевязанную бечёвкой пачку книг.
– Угу, – сказал Бобус, открывая пыльный томик двумя пальцами. – Да у тебя, брат, целая библиотека! Книгочей, книгочей... Вот этим и займись.
Витёк вздрогнул, и лицо его исказилось гримасой страдания.
– Может потом, Бобус... – начал он и запнулся. До него дошло, что Бобус разговаривает уже не с ним, а с кем-то на потолке.
– Читать умеешь? – вкрадчиво продолжал Боб, – Во, погляди, интересно ведь! Слушай вот:

«Вот человек, потерявший шляпу,
Вот шляпа, потерянная человеком,
И каждый миг неудержимо,
словно камень, катящийся в бездну,
увеличивает расстояние
между потерянным и потерявшим...»

Гм.

Стук притих.

– На, возьми. Я тебе вон туда положу. – Привстав на цыпочки, он сунул открытую книгу на антресоль.

Минут пять сохранялась тишина. А потом Бобус взял Витьку за рукав и незаметно скользнул к двери.

Документ 2

М. С. Бештанов

Под знаком белого сокола.

В одном американском журнале не так давно появилась статья за подписью некоего Майкла Гопника. На основании анализа сообщений контактеров за последние два десятилетия, автор приходит к выводу о скорой гибели России в результате невиданных стихийных катаклизмов и вызванной этим всемирной ядерной катастрофе. «Разоружите Россию, пока не поздно!» – призывает американская Кассандра. Здесь можно было бы со спокойной совестью захлопнуть журнал, но давайте всё же зададимся вопросом: а много ли мы в действительности знаем о будущем? Между тем без будущего настоящее бессмысленно. Во все

века люди устремляли свой взгляд вперёд, составляя прогнозы. Методом были пророчества, предсказания, гадания, гороскопы. Русские волхвы – носители космического разума предвидели будущее на столетия вперёд. В числе великих прозорливцев назовём Александра Пушкина, Григория Распутина, Сергея Есенина, Корнея Чуковского, Георгия Маленкова, а из наших земляков монаха Самуила, штабс-капитана Тианского и нашего современника Л., имя которого едва ли будет разглашено при жизни этого поколения. Феномен предвидения ещё ждёт научного осмысления. Между тем многие древние пророчества сбываются прямо у нас на глазах. В Пророчествах монаха Самуила (список Веневитинова в переводе на один из восточных языков был обнаружен мною вскоре после первой публикации) за двести лет были предсказаны: организованный японской разведкой Октябрьский переворот, всемирно историческая миссия Георгия Маленкова, сумевшего нейтрализовать дьявольские козни Анастаса Микояна и приведшего Россию к победе над извечным восточным врагом и его близорукими германскими пособниками, новый чудовищный заговор против России, организованный эмиссарами Шамбалы Ириной Х. и Эрнестом Мул... вым и многое другое.

Бросается в глаза сходство этих пророчеств с дешифрованными речениями пророка Даниила, Велесовой Книги и написанного в предостережение врагу загадочного откровения Корнея Чуковского «Мухацо коту ха».

Становится ясной и наглость врагов, осмелевших в ожидании скорого пришествия Зверя-Антихриста (да не введёт читателя в заблуждение обычное прочтение этого имени: перекомбинировав составляющие его буквы, мы прочтём всего лишь сообщение «тиран стих», тираном же враги испокон веку называют Ясного сокола Гора-Сварожича и его человеческие воплощения).

Но едва ли сами ненавистники России понимают, чем чревато для человечества явление выпестованного ими чудовища, нового воплощения древнего змея, когда-то побеждённого соколом-ререгом. Напрасно надеются они, что «число его – число человеческое». Поднявшийся из безвестных глубин Зверобог не несёт в себе ничего человеческого и едва ли пощадит своих слуг и пособников. Вас, предателей рода человеческого, в последний раз призываю я: «Опомнитесь! Не дайте окрепнуть выпестованному вами злу! Ведь даже в случае его временного торжества Русь не погибнет. Хранимая высокими космическими иерархиями, она лишь временно сокроется. Вы же, посеявшие ветер, пожнёте бурю!»

Как известно, шаткое равновесие ноосферы поддерживается немногочисленными Центрами излучения духовности. Важнейший из них – Великий Владимир, сокрытый глубоко под нашим Вышгородом. Но этот древний город был оставлен и сокрыт не случайно. Порождение чудовищного Ацилута – космического дракона первовремён, – скрывающее смерть золотое яйцо было, согласно преданиям, отложено в самом его сердце. Пока силы Руси были велики, оно не представляло угрозы, мудрые сомкнули над ним своды. Но силы бездны, великой пустоты не забыли о нём. Усилиями магических кланов оно веками медленно поднималось к поверхности, чтобы однажды, достигнув земли, породить Зверя. Это случится в четверг и станет началом конца для этого мира.

Так гласят легенды.

«Чепуха!» – скажете вы. Но почему тогда такой пристальный интерес к нашему городу со стороны иноземных спецслужб и доморожденных магических кланов? Архивы КГБ, возможно, откроют нам, кем полвека назад на Александровом Погосте был принесён в жертву японский полковник и какие цели преследовал этот зловещий ритуал. Пока мы можем лишь догадываться.

Может быть, пока новорожденный Зверь будет ещё слаб, иерархиям удастся уничтожить его. Но даже если этого не произойдёт, отчаиваться не стоит. Избранники рода человеческого, прямые потомки древних русичей, несомненно, будут эвакуированы с земли инопланетными кораблями.

Текст 5

Закончив читать, Ипатий расплылся в довольной улыбке. Это был след. Бесценная рукопись, казалось навсегда ускользнувшая от него, явно побывала в руках написавшего эту галиматью придурка. Красным фломастером он подчеркнул «белого сокола», «Ацилут», «яйцо», «четверг» и два раза «Вышгород».

Мгновения зависли как пылинки в солнечном луче. Тишина сконцентрировалась вокруг стола, свернулась коконом, выдавая себя лишь лёгким дрожанием воздуха. Момент выбора обозначился пугающей лёгкостью свободы. Он может выбросить эти бумажки, открыть дверь и...

Ипа с усилием проглотил слюну и потряс головой. Странный приступ прошёл, он снова слышал стук часов.

Опять. С этим надо что-то делать.

Действия его были не совсем обычны. Он вскочил, свернул висящую на стене шитую шёлком буддийскую икону и постарался запрятать её куда-нибудь возможно глубже. Перед глазами его стояло лицо всучившего её спившегося адепта. На этом лице читалось облегчение.

Нет, тогда Ипатию казалось, что он совершил исключительно выгодную сделку. Но теперь он понимал, что с этой вещью что-то не то.

* * *

– Собрался, значит, Ельцин на рыбалку. Он любит, там, на Север, в Сибирь. Собрал семью: чемоданы, собака... Тут вбегает Ястржембский: «Ты это куда собрался?». Ну, Ельцин – «У меня, типа, билет на самолёт...» А Ястржембский – «Да через 10 дней Рохлин восстание поднимает!» А Ельцин – «Ты чё?! Да я этого Рохлина с кровью смешаю!» Так и сказал: «С кровью смешаю!», по телевизору говорили, я точно запомнил. «С кровью смешаю!». Он убил.

(удалено цензурой)

Хе-хе-хе. Доказательств много...

«Боже, почему они такие идиоты», – подумал Ипатий, глядя на нетрезвого оратора и внимающих ему толстых тёток, плотно засевших сиденья.

Какой-то остряк сказал, что пассажиры автобусов делятся на садистов и стоиков. Последним всю дорогу приходится стоять. Сегодня Ипатий против воли очутился в числе последних.

– Мы вот с вами сидим в этом автобусе как луч света в тёмном царстве. Как у Горького, хе-хе-хе, в пьесе «На дне». А молодые все одурманены, от 40 до 16-ти. Все! Может, американцы чего со спутника подсыпали? Американцы – они могут. Вот недавно задержали одного, хотел водохранилище отравить. «Кто послал?» – спрашивают. Говорит: «Америка». – «Ну ладно, – говорят, – раз сознался, отпускаем». Только полную сумку микробов отобрали...

– Вылезай, Михалваныч, приехали! – заорала мордастая кондукторша. И водитель терпеливо ждал, пока нетрезвого Михалваныча поднимут с сиденья и спустят в дверь. Не сумев удержаться на ногах, Михалваныч задумчиво поглядел в небо, видимо, решил, что ещё рано, и продолжил отдых у обочины.

Автобус всё ещё стоял когда, наконец, кондукторше удалось добраться до того места, где стоял Ипатий.

– Проезд оплачиваем!

Послушно отдав деньги, он по привычке к порядку глянул на купленный билет и лицо его пошло красными пятнами.

– Это не тот билет! – сказал он ледяным голосом. – Это билет не на ваш маршрут!

Ничто так не раздражало его в родной стране, как вот эта мелкая нечистоплотность.

– А какое вам дело, мужчина, купили себе и ехайте!

– Дайте мне другой билет или верните деньги! – строго ответил Ипатий.

– Ишь, граф Монте-Кристо какой! Проезд оплачиваем гражданочки! – сказала в ответ глупая кондукторша

– Не оскорбляйте меня. Это мошенничество. Верните деньги или будем объясняться у диспетчера!

– Вы, гражданин правозащитник, с кем хотите объясняетесь! Находятся же такие!

Увы, глупая баба не знала, с кем имеет дело! Теперь Ипатия можно было резать на куски, но челюсти он не разомкнёт. Ещё в школе Ипатия прозвали бульдожкой, с ним не связывались самые отчаянные бугаи, даже Рудька из «А». Все знали, что если в глазах Ипы появилось это высокомерно-обиженное выражение, то бить его бесполезно – он дойдёт до директора, дойдёт до РОНО, месткома, парткома, горкома и исполкома. Сам Ипатий называл это принципиальностью.

Покидая салон, выталкиваемый могучим водителем, он был почти счастлив, как распинаемый на кресте мученик, который в упоении созерцает картину геенны огненной, уготованной для мучителей. И так и не понял, что произошло, когда по-прежнему безмятежно посапывавший у дороги Михалваныч, едва отошёл автобус, с необычайной резвостью вскочил и напрыгнул на него, как огромная кошка. Тяжёлый мягкий удар – и зрачки Ипатия уплыли куда-то внутрь.

– Попался, дитяtko! – пропел алкаш и, подхватив бездыханное тело под руки, поволок его через поле к горевшему у края леса одинокому огоньку.

* * *

Сжав зубы, чтобы не застонать, Ипатий разодрал глаза. Сероватый полумрак. Светящаяся медуза. Бред, бред! Страшно ломит затылок. Он зажмурился. Убили, убили всё-таки. От жалости к себе он заскулил. Снова открыл глаза. Полумрак. Медуза. Пить! Всклипывая, Ипатий начал шарить вокруг себя. Пустота. Он застонал. Снова вернулось забытьё.

Когда он снова очнулся, было почти светло. Он лежал на полу в неясно знакомой комнате. Горящая настольная лампа отбрасывала на потолок странную тень. Осторожно пошевелил руками, ногами. Попытался перевернуться. Перед глазами всё поплыло. «Пить», – простонал он. Рука нащупала холодный стакан. Приподнявшись, он привалился к стене, хлебнул. Внутренности обожгло, в ушах загрохотало. Ему померещилось, что над ним склонился огромный бронированный жук. Потом он долго и надрывно кашлял, пока в голове не прояснилось. По всему телу разлилась приятная теплота. Шевелиться и думать не хотелось. Кто-то дышал у него над ухом и Ипатий всё-таки спросил:

– Кто здесь? – спросил просто по привычке, потому что на самом деле ему было абсолютно всё равно.

– Бог, – пошутил кто-то.

– Господи? – переспросил Ипатий удивлённо.

– Ага, – сказал голос – ты, эта, хлебни!

Ипатий почувствовал, что стакан снова полон. Он выпил, и на этот раз голова прошла окончательно.

Он сидел в почти пустой комнате. На столе лампа. Два табурета. Неземного вида агрегат. В голове смутные обрывки воспоминаний, смахивающие на сновидения.

«Инопланетяне», – подумал он удовлетворённо и заулыбался.

– План брал? – мягко спросил голос.

Ипатий замотал головой.

– Платок шелковый с Буддой? Брал?

– Брал, – умиротворенно сказал Ипатий.

– Ну и лапушки, ну и на здоровье.

Документ 3

Сообщение д-ра Майкла Гопника (Чикаго), на международной конференции в Вышгороде.

По поводу одной ивритской рукописи.

Уважаемые коллеги! Уже находясь в России, мне удалось познакомиться, среди материалов конференции, с переводом восточной (судя по всему, ивритской) рукописи, выполненным мистером Бесштановым, увы, с недоступного мне оригинала. К сожалению, последнее обстоятельство делает невозможным сколько-нибудь серьёзные научные выводы. Тем не менее, несомненное сходство рукописи Бесштанова с содержанием случайно сохранившегося отрывка ирландской саги «Повелитель Тары» заставляет всерьёз задуматься о совершенно неизученных еврейско-ирландских культурных связях в эпоху средневековья. Особо останавливает внимание несомненное сходство представлений о мирозозидающих функциях соответственно еврейского и огамического алфавитов. Однако, во избежание скоропалительных выводов, я намерен ограничиться публикацией в материалах конференции выполненного мной перевода саги.

Повелитель Тары

....сколько хранителей имеет Тара?

Нетрудно ответить: четырёх хранителей.

хранитель севера правит от Самайна до Имболка,

хранитель востока, от Имболка до Бельтайна,

хранитель юга, от Бельтайна до Лугназада

хранитель запада, от Лугназада до Самайна.

Чем прославлены они?

Нетрудно ответить:

На западе – мудрость.

На севере – битва.

На востоке – изобилие.

На юге – музыка.

В центре – власть.

Кто же правит в центре?

Нетрудно ответить: король правит в центре. Ибо, воистину, королем достоин называться правящий там.

Как называют его?

Тельцом называют его, Опора его имя. Ибо воистину он опора Тары.

Каково же величайшее из его сокровищ?

Нетрудно ответить: три волшебных зеркала его сокровище. От единого источника произошли они.

Каковы же их свойства?

Воистину чудесными свойствами обладают они. Ведь, заглянув в одно, узнаешь всё бывшее, в другое – то, что есть, хотя бы и за морями, в третье – то, что случится.

Какими ещё свойствами обладают они?

Удивительными свойствами. Ибо нет в Таре ничего, что не было бы создано с их помощью. Воистину, волшебными свойствами обладают эти зеркала.

Какими ещё сокровищами владеет король Тары?

Удивительными сокровищами. Волшебная сеть из одной нити – сокровище короля Тары.

Что это за сеть?

Удивительна эта сеть. Целое войско спутает она. Никто не вырвется из сети владыки Тары.

Кто же соткал её?

Три ткачихи соткали её для короля. Бригита, Власть и Тёмная их имена.

Нет ли у них других имен?

Есть. Бригитой зовут каждую из них.

Не из огама сплели ли они эту нить?

Воистину, из огама сплетена она.

Не Огамом ли называют ещё короля Тары?

Да, так его называют.

Есть ли ещё у него имена?

Да, много имён у владителя Тары.

Есть ли ещё чудеса в Таре?

Да, удивительное дерево растёт там. Три корня имеет оно. Один корень на земле, другой под землёй, третий на небе. Воистину, огромно это дерево.

Есть ли ещё чудеса?

Да, много чудес, удивительные чудеса!

Придёт ли конец владычеству Тары?

Да, придёт, когда ночь Самайна придётся на ночь Лугназада. Воистину великая это будет ночь!

Грохот копий. Слава героям.

Ночь без края. Звёзды потухнут.

Змей явился – исчадь бездны.

Древние боги стали на битву.

Смяты оплоты. Крепости рухнут.

Сын на отца поднимет руку.

Великая битва. Горе спящим.

Древние саги станут ложью.

Что будет после этого?

Прекрасный мир, новый мир. Новые боги. Прекрасная Тара.

Глава 3. Баал

Текст 6

Стена, наглядная как пособие, серая, в трещинах и лишайниках, с муравьиными ходами, шероховатая. Можно прислонить лицо. Густая щетина мха, запах каменной пыли, выстрел. Кровь уходит толчками, как пробивающийся сквозь землю родник. Тишина.

Стоянов пьёт большими глотками. Просыпается. Снова пьёт.

Талая вода, ледяная, журчащая в беззвучии бездонного горного ландшафта. Под кустом чья-то окровавленная нога.

Снова просыпается. Пьёт. Потягивается в кресле. Ощупывает щетину, трёт виски и снова перечитывает протокол:

Грибов Герман Анатольевич. 1965 года рождения. Кличка Гриб. Причина смерти: острая сердечная недостаточность. Труп нашли в третьем подъезде дома №13 по Метростроевской.

Кузнецов Алексей Петрович. 1966 г. р. Кличка Рыжий.

Якобы обнаружил труп Грибова. Скончался у себя дома спустя неделю. Причина смерти: острая сердечная недостаточность.

Фера Луций Леонардович. 1968 г. р. Кличка Вельзевул. По показаниям свидетелей проживал у своей сожительницы Вереск Натальи Александровны в третьем подъезде д. №13. Последний человек, которому звонил Кузнецов. Труп обнаружен на надгробии на Салтыковском кладбище. Причина смерти: передозировка наркотиков.

Вереск Наталья Александровна. 1986 г.р. незадолго до смерти Фера выехала в неизвестном направлении. Местонахождение неизвестно.

Аронов Ипатий Сергеевич. 1975 г.р. проживал в д. №13 по Метростроевской, в третьем подъезде. Пропал без вести. Объявлен в розыск.

Почему исчезают люди? Обычно у них бывают на то веские причины. И рано или поздно они находятся. Живые, мёртвые. Но процентов 20 просто исчезает в никуда. Нипочему. И навсегда.

Стоянов пододвинул папку с последними публикациями Аронова.

Интересы Ипатия Сергеевича лежали преимущественно в области сверхъестественного. Летающие тарелки, контактёры, новая хронология, палеовизит, спиритизм и тому подобная хреновина.

Вот недописанная статья. Про адепта тайных наук Виктора Вещуна с указанием адреса.

Адрес был фальшивым. Не было в совхозе Имени 60-летия такого дома. Улица была, а дома №3 не было. Односторонняя улица. Не улица даже – выселки.

Но и те дома, которые были, казались мёртвыми. Заросшие огороды, заколоченные двери, зарастающая бешеным огурцом ферма с проваленной крышей, остов трактора.

Он даже полазил по грязи и буйным репейникам, забрался в соседний дом. Да здесь давно никто не жил, толстый слой пыли и извёстки на полу служил гарантом. Но всё-таки

народ в этих местах бывает. Окурки от дорогих сигарет бросает, банки из-под пива недавние. Он нагнулся и поднял с земли промокшую книжицу без обложки. Стихи народ читает.

А показания соседей были интересные:

– Витька-то колдун? Живёт, как же. На Выселках живёт. А х... его знает, где он там живёт. Живёт и живёт. Ходят к нему иногда. А х... его знает, куда ходят. Спросят, где Выселки, и идут. Нет, чтой-то давно его было не видно. Не, наши к нему не ходят. Ну его на х..., психического...

В машине Стоянов разглядел свою добычу поподробнее. Сборник стихов некоего Ария Арова. Был издан в прошлом году в городе Вышгород.

Как интересно – подумал тогда майор Стоянов.

А вот и ещё одна зацепочка. Он достал из конверта и аккуратно развернул письмо, найденное на столе Ипатия.

«Дорогой друг! Вы – избранник. Именно Вам выпал уникальный шанс принять участие в кардинальной реорганизации мироздания. Вы избраны не в силу Ваших заслуг, такова Ваша судьба.

Дорогой друг! Если Вы верите в нерушимость нынешней системы вещей, то Вы глубоко заблуждаетесь, только Ваша вера и поддерживает её существование. Как только будет накоплена критическая масса людей, посвящённых в тайну будущего мира и его законов (т.н. праведников), произойдёт скачок, и старый мир внезапно прекратит своё существование.

Массы людей ещё ничего не понимают, но всё уже изменилось. Везде действуют новые правила игры. Вспомните, как это было с распадом СССР. То, что ещё недавно казалось вечным и всемогущим – П-ф-ф! – и его больше нет!

В выигрыше остаются только те, кто заранее осведомлён. Скоро в новые ворота хлынут миллионы сообразивших, в чём дело. Но поздно! Билеты на ковчег есть только у вас. Вы монополист, Вы – вершитель судеб. По-нашему это называется «хороший бизнес».

И ускорить наступление этого часа в Ваших силах! Это случится, как только будет избрано 10 000 праведников.

Внеся залог в 10 000 долларов, Вы автоматически становитесь праведником-менеджером первого уровня. Найдя 10 новых праведников, Вы становитесь менеджером второго уровня, и возвращаете свой залог. Менеджер третьего уровня, возглавляющий сеть в 100 праведников, получает золотой сертификат и место в Галактическом Совете после свершения времён.

Далеко не каждый человек может стать праведником, для этого нужно знание законов нового мира и абсолютная вера в успех. И то, и другое вы можете получить только на наших международных и межпланетных конференциях (200 и 400 долларов соответственно). Запомните, только 10 000 истинно верующих праведников способны изменить мир. Поэтому на каждую вакансию праведника подбираются несколько кандидатов.

P.S.

Дорогой собрат, то, что Вы сейчас прочитали, обычно сообщается избраннику его менеджером только при личной встрече. Но поскольку число праведников уже почти исполнено, и признаки этого налицо, мы решили предоставить Вам и Вашим друзьям последний и уникальный шанс, воспользовавшись почтой. Дорогой друг! Мы приглашаем Вас на межпланетную конференцию, возможно последнюю в этой зоне, которая состоится в городе Вышгороде, в доме отдыха «Светлый путь» 17 числа сего месяца.

Межгалактический комитет русских праведников».

Вышгород был подчёркнут. Интересно. В этом самом Вышгороде по данным Стоянова последнее время обреталась Фира, экс-супруга сгинувшего Ипатия. А ещё в Вышгороде жил Женя Ши.

* * *

Стоянов разыскал его с месяц назад. До этого он не видел Женю лет десять. Искал долго, напористо, без видимой цели. Словно чувствовал, что он может понадобиться.

Специальная группа Стоянова шла тогда по следам банды сатанистов. Её вожака Мирко отличала фантастическая удачливость. Обстоятельства словно подыгрывая ему, удавом сжимались вокруг жертвы, не оставляя ей не единого шанса. Разболевшийся зуб, перебежавшая дорогу кошка, плохое настроение автоинспектора оказывались звеньями дьявольского плана Мирко, медленно сжимались петлёй на шее обречённого.

Стоянов приехал к Жене ближе к вечеру, без предупреждения (телефона у Жени не было), но тот ничуть не удивился, встретил со своей обычной застенчивой чуть растерянной улыбкой. С ним всегда было просто. Он мало изменился, всё такой же круглый и задумчивый, только манеры, пожалуй, стали ещё мягче.

Сидели во дворе под липами. Когда-то Женин дом был дворянской усадьбой и от неё остался заглохший сад с деревьями-ветеранами. Там Женя поставил стол, устроил беседку из москитной сетки и повесил зелёную лампу.

– Я вот одного не пойму, – говорил Стоянов, – как это у него всё получается? Говорят, он жертвы человеческие приносит. Что, в таких делах это вправду помогает? На этом Мирко трупов как шаров на новогодней ёлке.... И ещё, как мне его ловить-то? Крестами, что ли, обвеситься? Ты умный. Посоветуй что-нибудь.

– Знаешь, Ваня, – тяжело вздохнул тогда Женька, – единственный в этой ситуации умный совет – не соваться, но даже его я тебе дать не могу.

– Но как это у него выходит, как он мог так подгадать, ты можешь мне объяснить?

Женька сконфужено улыбнулся и пожал плечами:

– Ты до сих пор думаешь, что вещи твёрдые. Но они такие, только пока ты внутри. Когда ты окажешься снаружи, ты увидишь лишь мелькание теней.

– Угу, – промычал Стоянов, ковыряясь в зубах, – но мне больше нравится внутри. И вообще, мне нравится так думать. Это некоторую уверенность придаёт.

– Представь себе, что ты стоишь посреди реки и смотришь вниз по течению. События накатывают на тебя со спины, кружатся, плывут дальше. Если развернёшься, увидишь, как они наплывают. А Мирко стоит, так примерно, десятью шагами выше. Но чтобы до него добраться надо идти против течения, понимаешь?

– Угу. Понимаю, что не хрена не понятно. Но спасибо и на том. – Стоянов поднялся.

– погоди, Ваня, кое-чем я тебе все-таки помогу. – Женя опустил глаза – Дело в том, что я совершенно случайно знаю этого человека, о котором ты говоришь, этого Мирко. Правда, это было очень давно. Его фамилия Паралич. Мирко Паралич. Он родом из Боснии. Я даже знаю, где у него дача.

* * *

Брали банду прямо в особняке у Мирко. До этого прослушивали несколько дней.

– Мирко, вот ты бог, – спросил бандит по имени Лёха, – скажи, зачем всё это?

– Что это?

– Ну, всё, вообще, – он сделал жест, словно хотел очертить линию горизонта. Сидели в полумраке, только в камине потрескивали поленья.

Мирко усмехнулся.

– Это как селекционная станция. Отец мой бросает семена, и одни падают на дорогу, другие на сухую каменистую почву, третьи на жирную. И появляются всходы – одни тонкие, другие жирные. А ему плевать. Ему ворсистость подавай. Есть – на семена, нет – извини. А те, что на дороге выросли или камне, ему, может, ещё милей – жизнеспособные, значит. Те, кто делает зло, хоть их пугают адом, – крутые ребята, они годятся. А если б за добро в ад посылали, сколько б нашлось добряков? То-то. Вот те настоящие бы и были. Отец мой любит Богом прикинуться, чтоб всех обмануть, святых там всяких. Только они на рай настроились, а он их – р-аа-з и в ад.

Ребята заржали.

Снова захохотало, так что задрожали стёкла. Небо будто треснуло, и на землю обрушился ливень пополам с градом.

– Знайте, что время, которое я проводил с вами, подходит к концу. – На этот раз смех Мирко подхватил только придурковатый Славик.

– Пора, идите все. Я хочу остаться один.

– Мирко, куда мы пойдём – гроза, – сказал Ашот.

– Куда хотите, но кого не замочит дождь, замочу я.

– Они выходят, – доложил наблюдатель, – идут к машинам.

– Все?

– Вроде все.

– Огонь! – скомандовал Стоянов.

Гром заглушил звуки выстрелов. Двое рухнули сразу, убитые снайперами. Третий успел повернуться, когда его с шести шагов в висок уложил капитан – командир группы.

Лёха чуть отстал. Натренированным чутьём почуяв опасность, он отскочил резко влево и покатился в кусты малины, доставая пистолет. Его выстрел ожёг капитану щеку. Вся группа сосредоточила огонь на малиннике.

– Отставить! – скомандовал Стоянов, – пятого нет. На дачу!

Когда группа ворвалась на дачу, та была пуста.

Единственная свидетельница, имевшая выход на Мирко, пропала на следующий день. На глазах наружки она села в белую Ладу и вместе с ней словно растворилась в пространстве.

С тех пор Стоянов думал о Мирко направлено, думал в трудные минуты, когда накатывали усталость и безразличие, когда разглядывал в зеркале раннюю седину и слушал тишину в пустой квартире. Когда после успешной операции ощущал только пустоту. Он вспоминал о Мирко, словно тот был его оправданием. И больше всего боялся пропустить тот момент, когда Мирко нанесёт ответный удар, мгновение, когда в событиях проявится неуловимая сгущающаяся странность, фальшь, маскирующуюся под случайность и произвольность. Он знал, что Мирко никогда не прощает.

* * *

Стоянов пил кофе. Иногда это помогало. Разогнанные светом лампы сумерки отступили за окна, насупились темнотой. Он думал про Мирко и про Женю. Мирко бывал на Метростроевской, его опознали по фотографии. Женя его знал.

С усилием разодрав веки, он принялся за последнюю, незаконченную статью Ипатия.

«На столе передо мной лежит старинная тибетская икона. Изображённый на ней белый сокол на руке неведомого божества не характерен для буддийской иконографии. Возможно, изображая его, художник хотел передать какое-то важное сообщение, может быть о прибытии этого персонажа с неба. Почти правильный голубой круг – это явно озеро или, точнее, воронка, образовавшаяся при падении небесного тела. Освобождённые при падении разрушительные энергии символизируют четыре буйных демона по сторонам. Сложный лабиринтоподобный узор под креслом пилота, скорее всего, изображает механизм или рвущееся из сопла пламя.

Может быть, художник изобразил прибытие одного из ковчегов, призванных вывезти с подлежащей уничтожению Земли избранных. Или корабль Антихриста, пребывавший из тёмной половины Вселенной, и до поры до времени успокоившийся на дне озера...»

«Интересно, я ещё читаю или уже сплю?» – промелькнуло в голове Стоянова.

Проклятая стена была на прежнем месте: глухая, слепая, немая. Можно идти вдоль, можно биться головой.

«Зачем она мне? – с отчаянием подумал Стоянов, – надо просто отвернуться и идти в другую сторону!»

И, словно кто-то услышал и испугался, – Стоянов увидел трещину. И услышал далёкий шум прибоя. Или это река?

* * *

Лилось в ванной. Чёрт, снова заснул. Почему-то было темно. Стоянов протянул руку к выключателю. Света, что ли, нет. Мобильник тоже был мёртв. Сколько же времени он проспал?

Плеск воды усилился. Она падала в ванну тяжёлой прерывистой струёй, словно кто-то то подставлял под неё, то отводил руку, как будто приглашая подойти посмотреть. Образ речки с небольшим водопадом вставал всё отчётливее.

«В десяти шагах выше, значит? – усмехнулся про себя Стоянов, – стоит и палочки пускает. Брёвнышки. Зашибёт – не зашибёт?»

Остановив дыхание, Иван бесшумно вывалился из кресла, тенью скользнул к шкафу, потом к окну и спустя секунду, повиснув, как паук на стене, осторожно прикрыл его снаружи. Спустился вниз по лестнице соседнего подъезда, на ходу вставляя в обойму серебряные патроны.

На стоянке он воспользовался чужой машиной. Потом сменил её на мотоцикл. Эту ситуацию он обдумал заранее. Козырем Мирко была фантастическая способность заранее просчитывать все ходы и расставлять ловушки. Но ведь можно действовать абсолютно произвольно, не правда ли?

Как можно вычислить человека, который сам не знает, что он сделает в следующую минуту? Человека, способного совершать абсурдные поступки?

Выехав из города, Стоянов затормозил на перекрёстке. И так, направо или налево? Внутренне ухмыляясь, он подбросил монетку. Решка. Налево.

Всё реже и реже вспыхивали по сторонам дальние огни. Дорога захватила его, унося остатки усталости и тревожных мыслей и награждая почти звериной слитностью с пространством. В туманной свежести лугов ему чудился запах далёкого моря. А может быть, это и было море. Древнее море, выступившее над равниной бескрайней туманной пеленой. Когда мотор заглох, он, бросив мотоцикл, пошёл наугад через ночной луг.

В высокой траве кто-то скрипуче кричал. Трава была выше пояса. Местность пошла под уклон, под ногами зачавкало, загудели комары. Внезапно стало холодно, словно он погрузился в холодный туманный поток. Речушка была крохотной, и он перешёл её вброд. Чуть выше снова стало тепло. Стоянов засмеялся – вспомнилось детство. Заночевать посреди луга – пожалуй, это самый нестандартный вариант. Впереди чернели деревья. Пелена тумана над речкой загустела, поплыла. Теперь казалось, что между холмами струится огромная белая река. За деревьями оказалась поломанная ограда. За ней какие-то турники, веранда. Видимо, брошенный пионерлагерь. В тёмном двухэтажном корпусе мелькнул огонёк. «Стоп», – подумал Стоянов.

Но что-то привлекло его внимание. Дамская сумочка у скамейки. Зачем она тут лежит? В тени под навесом белела Лада. «Бежать!» – прокричал инстинкт самосохранения. «След!» – гаркнул мент.

В сумочке он нашёл студенческий билет, теперь сомнения отпали – это была она, пропавшая свидетельница. Стоянов скользил бесшумно, как кошка. Вскоре он нашёл женскую туфлю.

Куда он мог её деть? Или в корпусе, или в котельной.

Внезапно жалобно зазвонил испорченный мобильник.

– Да?

– Она в подвале под корпусом.

– Кто это говорит?

– Стоянов, не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Я жду тебя. Дверь в корпус открыта, я на втором этаже. Чтобы тебе было удобнее ориентироваться, я зажгу свет.

Одно из окон засветилось.

– Почему ты думаешь, что я приду?

– Хотя бы из любопытства. И потом, какой у тебя выход?

Мирко сидел в кресле, заложив ногу за ногу, и чуть заметно улыбался.

– Я надеюсь, что у тебя хватит выдержки не суетиться и не делать глупостей?

– Ладно, о-кэй, твоя взяла. Что ты хочешь?

– Мне нужна твоя душа.

– А фиг тебе! – с удовольствием сказал Стоянов.

– Ты поступил нехорошо. Зачем ты убил моих ребят? А впрочем, я тебя прощаю.

Стоянов промолчал.

– Но, к сожалению, это ничего не меняет, – печально сказал Мирко, – всякий, бросивший мне вызов, обречён, такова воля Отца Моего. У тебя впереди вечность, и будет время подумать о своей ошибке. Сколь скудна человеческая фантазия! – ад ничто перед тем, что тебя ждёт.

– О-кэй, имеются варианты? – выдавил из себя усмешку Стоянов. Он вдруг ясно понял, что Мирко не врёт.

– Поверь в меня и завтра же будешь со мной в Царстве Отца Моего.

– Что я должен делать?

– Ты хотел бежать от меня, но это невозможно, ведь я – это и ты тоже. Твой единственный шанс на спасение – принять смерть сознательно и добровольно, умерев от собственной руки во славу мою.

Он подвинул Стоянову лист бумаги и ручку:

– Пиши: «Я тяжко виноват. Передаю душу мою в руки Ваала». Подпись.

Стоянов молча расписался.

– Я не ошибся в тебе, – голос Мирко был ласков, – там, в соседней комнате табуретка и петля. Я рад, что теперь ты будешь с нами.

Он махнул рукой назад, показывая направление, и сам остался сидеть неподвижно, даже когда Стоянов оказался у него за спиной.

Пройдя четыре шага, Стоянов обернулся и аккуратно всадил Мирко в голову всю обойму.

Потом он вышел во двор. Светало. На крыше, нахохлившись, сидел белый сокол. Или ястреб? Чёрт их разберет. На пожарном щите он нашёл топор. Придётся ещё потрудиться, где-то здесь росла молодая осина.

* * *

Паралич Мирко Иосипович. 1980 г.р., гражданин Боснии и Герцеговины. Причина смерти: множественные пулевые ранения в области головы. Грудная клетка пробита деревянным колом. Труп обнаружен в заброшенном корпусе бывшего пионерского лагеря «Золотой восход».

Власова Людмила Ивановна. 1985 г.р., бывшая сожительница Паралича. Причина смерти: сильная кровопотеря. Труп найден в подвале того же корпуса.

Текст 7

– Имя ему Баал.

– Но это не имя!

– Имя его сокрыто. Ты же можешь называть его Баал зебуб – повелитель мух.

Он был невообразимо громаден, великие пирамиды потерялись бы у его ног. Громаден и чудовищно, непропорционально мускулист. Страшную грудь скрывала роскошная завитая борода. Равнодушно-неподвижная маска, застывшая на нечеловеческом лице, лишала остатков надежды. Перед звероподобной мощью этого каменного истукана Люцифер показался бы плюгавым интеллигентом.

«Силой мышцы своей...» – Евгений вздрогнул.

Вокруг не было даже барханов, на 10 дней пути только растрескавшаяся сухая земля, твёрдая как железобетон. Словно всё вокруг было выжжено чудовищными неземными энергиями.

«Слава Господня, – понял Евгений. – Наверное, это что-то вроде радиации».

Но что-то смущало его, смущало сильнее, чем нарастающее желание зарыться в песок, сгинусть, исчезнуть из-под испепеляюще-равнодушного взгляда, и вдруг он осознал – что: гигант не отбрасывал тени!

Вельзевул сидел в кресле, закинув ногу за ногу, и усмехался. Худой, сутулый, почти горбатый, ехидный, он говорил, растягивая слоги: «Эу-ге-ни-оо! Па-а-нравилось? Э-таа шутка. Я его п-аа-ставлю в Та-а-кла—Макан, в саа-мой середине!»

Перехватило грудь, закружилась голова – в комнате было не продохнуть. Вельзевул с Рыжим смолили почти непрерывно и запрещали открывать окна. Это называлось у них «рабочая атмосфера». Рыжий был уникальным специалистом по травмам, и что он подмешивал в табак, так и осталось для Евгения тайной.

В углу сидела босая Натаха – юная хозяйка квартиры, – в джинсах, топлес, и, не обращая ни на кого внимания, перебирая струны гитары, декламировала хайку. Кто-то подарил ей сборник. Сделав героическое усилие, она открыла его, и с тех пор больше не закрывала, временами говоря исключительно стихами.

Порой, выходя из транса, Вельзевул замечал её и говорил: «На-таашенька, прикройся, светик», – прочую молодёжь он в такое время вообще игнорировал.

Обитель Вельзевула (для друзей Буба) всегда утопала в грязи. На полу валялись окурки, пивные банки, бутылки, шприцы. На кухне громоздилась гора немытой посуды. Когда её накапливалось чересчур много, Натаха, рыча, колошматила всю грудку скалкой и заявляла гостям, что теперь они могут есть из тазика. Гости виновато переглядывались, и вскоре на кухне появлялась новая посуда. Скорее всего, её привозил Мирко. Черноглазый и черно-волосый, всегда элегантно одетый, в шелковой рубашке, с золотым перстнем-печаткой, он отдувался за всех: привозил еду, бегал за пивом, возил на своём шикарном Мерсе всю гоп-компанию на шашлыки, если Вельзевулу вдруг приходила мысль провести семинар на лоне природы.

Лоном именовался пустырь у оврага с вечно чадающими покрывками. Прокопченный куст бузины Натаха украсила компакт-дисками. Они висели на тоненьких ниточках и радужно переливались. Неподалёку Буба соорудил абстрактную композицию из пивных банок. Когда набиралось достаточно новых, скульптура пополнялась какими-нибудь очередными деталями. Ей полагалось кланяться, приносить в жертву авторучки и возглашать мантру:

О-оо-соо-а-вви-а-а-а-химм!!!

Здесь на лоне Вельзевул иногда добрел и, нисходя к младшей братии, произносил проповедь: «Гла-а-вное, дети мои, это чтобы было смешно!»

* * *

Ночь таскала их за шкурку как слепых котят, пряча по укромным уголкам памяти. Евгений съёживался, всей кожей и оголёнными нервами ощущая холодное дыхание хаоса. Хаос ходил вокруг дома безмолвный и безликий, пробуя на ощупь стены, выискивая щели и трещины, разъедавая запоры и решётки. Из его глубин выходили причудливые звери, глядели огромными, как блюдца, печальными глазами, и от их дыхания запотевали окна.

«Мы живём в чужом доме, – думал Евгений. – Он построен не нами и не для нас. Его оформленность не менее загадочна, чем внешний мрак. А нам он нужен лишь для того чтобы укрыться от ветра...»

Ворота, выставленные в ночь щитом от противоречий, запирали пространство смысла, и их кованые засовы, чёрные и страшные, останавливали натиск времени, дующего из ночной пустоты. Дом, укрывший за воротами и стенами потаённые смыслы своих аркад и дворов, безмятежно дремал, полнясь шорохами заплутавших мыслей, случайными видениями и полётами летучих мышей. Жильцы оставляли свои тени сваленными по углам, и они копились там годами и зарастали флюоресцирующими грибами, пока земля не возвращала им сущность праха.

Мирко и Буба отрастили себе огромные чёрные крылья и, укутавшись ими, часами висели вниз головой. Наверное, им так лучше думалось. В голове Бубы вызревали фантастические замыслы и поразительные планы. Придя в хорошее настроение, он превращал вещи в не вещи: под его взглядом они теряли смысл и назначение и, становясь мёртвыми конгломератами, пополняли коллекции Мирко. Натаха в очаровательной белой шубке с пятнышками задумчиво грызла угол дома. За годы они прогрызли множество удивительных ходов, через которые в комнаты пробирался ночной сумрак. Но дом всё ещё стоял, построенный удивительно прочно.

– Просто раньше он был деревом, – сказал Рыжий, – и у него остались глубокие корни, даже когда Основная Программа сделала его домом.

* * *

Рыжий начертил на стене мелом круг и сказал: «Это – центр, назовём его... ну, скажем, „Алайя“. Там есть всё. Всё, что было, есть и будет и то, что никогда не случится. Чтобы быть господином Алайи, надо быть Богом, а его, как я подозреваю, нет».

Потом он нарисовал несколько чёрточек, и круг превратился в солнышко с лучами: «Это «программы». Всё, что исходит от Алайи, имеет форму программы. Они определяют всё, что есть и, случается, и его форму. Программы можно составлять и самому, хотя это очень сложно. Если всё сделано правильно, они станут программами Алайи.

Каждая программа имеет свой «код». Узнав и применив код, вы получаете доступ к программе и вводите её в действие. Есть очень серьёзные, хорошо защищённые программы, проникать в них очень интересно. В чужие программы можно вставлять свои вирусы. Почти все широко известные колдовские программы заражены вирусами. Поэтому, во избежание неожиданных последствий, применять их не стоит.

Преимущество Астрала в том, что любую программу ты можешь визуализировать в доступной тебе форме – например, Основная программа для меня выглядит как замок».

Основная Программа, если глядеть на неё в упор, действительно выглядела как неприступный замок – уходящая в небо стальная гладкая колонна, окружённая металлически-поблёскивающими стенами с башнями и бастионами, вгрызшимися в гранитную скалу. Но Евгений чаще видел её как дом, точнее, как стальной каркас дома.

Это была не просто программа, а целый пучок программ, сверхпрограмма, доминирующая и ведущая главную тему в симфонии мироздания. Взломать её – стало в их компании навязчивой идеей. «За-а-нуды. – сказал Буба. – Я так и знал, что Бог – за-а-нуда. Спорим, я сделаю л-у-у-чше».

Первым на штурм пошёл Гриб. Огромный, заросший диким волосом, с роскошной ассирийской бородой, он обладал совершенно неземным, нечеловеческим чувством юмора. Едва выйдя из транса, он начинал гоготать «Га-га-га!» и пожирал, чавкая, шпроты, вытаскивая их руками прямо из банки, рассказывая одновременно о каком-нибудь потустороннем приколе. Он считался самым крутым, даже Вельзеул его уважал: «Потенциально он всемогущ, но актуально невменяем». Со временем Гриб вообще перестал выходить из транса, и встретится с ним можно было только в астрале или, как здесь говорили, – в междунетии, да и то с трудом. Его крупное тело, торчащее посреди комнаты, обитатели использовали как вешалку.

– Эти ребята верующие, – сказал Евгению Рыжий, – они веруют в Мозг, и думают, что на него непостижимым образом замкнуты все программы. Мозг контролирует всё, превращая людей в марионеток. Они мечтают добраться до него и прикончить, вернув людям свободу. Видимо, под этим словом они подразумевают хаос. Но весь ужас в том, что никакого Мозга не существует. Разве что они сами его создадут.

– А что тогда есть?

– Трудно сказать, вернее, трудно описать. Я предполагаю, это что-то вроде зеркальной сети или калейдоскопа, где бесконечно отражаются несколько случайно найденных стекляшек. Всё новое – это только перекомбинация отражений.

* * *

Когда Евгений выходил на балкон, дом превращался в город. Хаос растворялся, прятался среди домов и машин. Город заполнял собой горизонты. Он гудел как гигантская муха на стекле неба, вбирая весь мир и набухая чудовищною квашнёю.

– Этот город болен, – говорил Рыжий. – Он живёт лихорадочной жизнью, абсолютно поглощённый собой. Каждый день он прокачивает сквозь себя колоссальные потоки материи и информации. Его системы очищения и жизнеобеспечения перенапряжены. Он выглядит respectable днём и блестящим – по вечерам. Но бурлящие потоки грязи и агрессии никуда не исчезают. Они здесь, под коркой асфальта. Кто знает, что происходит там внизу? Раскалённый мозг мегаполиса не может, не способен держать ситуацию под контролем, он может лишь решать непрерывно возникающие частные проблемы, непрерывно усложняя систему. И, в конце концов, эта система может зажить собственной жизнью, став антимиром. Подземелье – это подсознание города, полное неврозов. Читайте книги, читайте газеты, слушайте легенды. Мы не хотим думать об этом, но в то же время постоянно ждём отсюда чего-то ужасного. Гигантские крысы-мутанты, белые слепые крокодилы, неизвестные бактерии, кошмарные чудовища. Мы готовы поверить в их существование, мы подсознательно ждём их, ждём перепончатую когтистую лапу, которая протянется к нам из унитаза. Наиболее чувствительные уже сейчас сходят с ума. Они боятся спускаться в метро и требуют, чтобы замуровали люки и подвалы. Когда-нибудь загнанные в подземелье неврозы вырвутся на поверхность, и этот день станет последним для города, охваченного шизофренией. Призраки уже среди нас. Ничего не надо разрушать, всё рухнет само.

– Вы сумасшедший.

– Нет, я психоаналитик. И поэтому я здесь.

Текст 8

Сентябрь, ещё жарко. Мальчик сидит неподвижно, он ждёт. Толстая тётка всё копается и копается в своём хламе. Когда она, наконец, уйдёт, Женя незаметно прошмыгнёт в сарай, а там надо отодвинуть доску и, зажмурившись, прорваться прямо сквозь куст бузины.

Ветхие, покосившиеся, полусгнившие сараи таят немало удивительного – можно найти даже настоящую удочку. Но здесь пасутся многие, а про дырку под бузиной знает он один. Через неё можно пробраться за сараи. Там, у стены котельной осталось потайное пространство, заваленное грудями битого кирпича и буйно поросшее лопухами и крапивой. Стоит забраться туда, и ты свободен.

Там снаружи всё цепляется друг за друга. Ты бежишь по коридору под чужими взглядами. Справа, слева стены и двери с табличками. Там все всё знают, там всё предрешено заранее и ничего нельзя изменить. А изменить-то надо всего ничего – убрать черчение, и жизнь станет светлой и прекрасной.

Но здесь, за сараями, пространство свободы. Здесь можно всё. Он понимает, что мало спрятаться от людей. Пока он видит, как они, знает, как они, боится, как они, ничего не получится. Он должен стать никем и тогда всё выйдет.

Пробравшись, он произносит вслух своё заветное желание, а потом сидит, часами глядя в выщербленную кирпичную стену, пока не забывает обо всём.

А где-то непостижимо и невидимо вращаются огромные шестерёнки, вертятся колёса. Они скрипят и тянут, тянут бесконечную ленту событий. И его желание, ставшее ничьим, вливается в неё и становится неразличимым, а лента тянется, тянется, тянется...

Ещё в детстве Женя любил рисовать сны. Сны делились на разноцветные, колкие, липучие и ненастоящие. Для каждого вида у Жени была своя папочка. Он был очень аккуратным ребёнком, потому что экономил время.

Он как-то сразу понял, что родился куда-то не туда, и поэтому научился всё делать быстро и хорошо, чтобы больше не придирались и поскорее оставили в покое. Сын китай-

ского студента и бывшей харбинской эмигрантки, он рано усвоил: чем меньше тебя замечают, тем лучше. И быстро всё сделав, он сидел, прислушиваясь к тишине. Почему-то ему казалось, что это и есть самое важное, а остальное лишь досадные помехи. И его действия становились всё эффективнее.

Поступив с первого захода в университет, он не на шутку увлёкся философией.

В 18 лет он записал в дневнике:

«Мысль, должно быть, это что-то величественное. Я преклоняюсь перед мыслью оформленной, блестящей и беспощадной в своей логичности. Знакомство со схоластикой сокрушило меня. Я понял, что никогда не умел мыслить и, что самое печальное, не научусь. Моя мысль, уклончивая, извилистая, видящая в любом *pro* его *contra*, ускользает от ответа и наслаждается игрой в перепады смысла и его подмену в многозначных понятиях».

Его увлечение марксизмом не на шутку встревожило родителей.

«Мир материален и, следовательно, един. Критерий истины – это практика. Познание – это овладение».

«Удивительно, что бытие, признаваемое всеми как философская категория, ни разу не стало объектом научного исследования. Жизнь человека и человечества, случайности, стечение обстоятельств, удача и неудача, непостижимая закономерность (реальная или кажущаяся?) в судьбах народов, желание и его реализация – все самые животрепещущие и важные проблемы почему-то были отданы на откуп спекулятивным умам. Создавая одну абстракцию за другой, они умножали сущности, но что стоило их знание, если оно не умножало власть?»

Он верил в науку и в то, что верное учение должно быть всемогущим. Весь вопрос в инструментари. Те инструменты, которые имели в своём распоряжении марксисты, разочаровывали. Ощукая себя богачами, они позволили себе роскошь пренебречь всем, что не вписывалось в окостеневшую парадигму. Где же здесь диалектика?

На той, теневой стороне методы лежали грудями. Тысячелетиями мистики, колдуны, прорицатели и адепты тайных орденов искали способы воздействия на реальность, используя метод неочевидных связей.

«Иногда эти методы эффективны. Иногда они даже подвергались формализации и рационализации на базе господствующей парадигмы. В этом плане наиболее интересна „Книга Перемен“. Однако в целом естественно-научные опытные методы воздействия на реальность оказались более эффективными. Найденные в политике и экономике рациональные и воспроизводимые средства вытеснили магию на задворки культуры, оставив ей область случайного».

Религия, гадание, интуиция...

«Исследованию подлежит „вязкость“ истории и бытия. То поле, посредством которого вечное и вневременное вмещается во времени и пространстве. Оно живёт в своём невидимом ритме, который воплощается в чёт и нечёт земного бытия. То колесо причин и следствий, которое вращает шестерёнки жизни. Те невидимые приводы, которые связывают воедино механизм вселенского существования».

По привычке он продолжал рисовать сны и как-то даже составил карту своего сонного мира. Но всё чаще тропы сна выводили Женю куда-то вовне, в мир без сновидений, где был покой и тишина, но не было памяти. Полностью расслабившись, затаив дыхание, он пытался уловить хотя бы отблески потерянного, пока однажды ослепительно яркая вспышка не озарила всё его существо.

Он вспомнил сон, невероятный по глубине и интенсивности переживаний. Это было звёздное небо. Пронзительное и бездонное, схватившие его за самую тонкую трепещущую часть души, никогда ранее не являвшуюся на свет. Никогда ни до, ни после с ним не случалось

лось ничего подобного, но с тех пор ощущение живой бесконечности больше не покидало его. Он понял, что нашёл дверь, и теперь мог входить.

Увиденное за порогом превосходило всякое ожидание. Прекрасный и чудовищный, переливчатый и игривый, этот мир притягивал, как наркотик. Он был и смыслом, и целью, и запретным плодом. Мир ангелов и бесов, он вмещал в себя всё – рай и ад, Валгаллу и Тартар. Зыбкий и неимоверно реальный, он обволакивал тебя, и каждый попавший в него становился главным героем величественного и феерического спектакля.

Но чем дальше, тем больше он убеждался, что этот мир гигантской космической игры был рабски прикован к земле, и те же невидимые импульсы, что тяжело ворочались, приводя в движение косную земную материю, вспыхивали яркими протуберанцами в рассеянной атмосфере астрала.

И он продолжал искать.

* * *

– Там, в астрале, есть закрытые ходы в запретные миры, – сказал Рыжий, – оказывается, это Основная Программа их запирает.

Запретные миры... Они надолго пленили его воображение. Не раз он видел их двери, наглухо замурованные гладкими, как стекло, плитами. Одна из дверей была вырублена прямо в гранитном утёсе у подножия стального замка. Рыжий сказал, что, видимо, раньше они отпирались очень просто, – эти заклинания и обряды он во множестве находил в старинных магических трактатах.

– Я подозреваю, что большинство древних чародейств, ныне бессильных, связано с запретными мирами. Но потом кто-то без предупреждения сменил пароли.

Проникнуть туда Евгению помог случай.

Вагон электрички пропитался жаром, почти непрозрачные от грязи окна, даже открытые, не желали впускать воздух.

– Если не дадите закрыться дверям, включу отопление! – но и чёрный юмор машиниста действовал на разомлевших пассажиров слабо.

На Выхино в вагон вплыла команда цыганок и, шурша юбками, рассредоточилась, выискивая жертву. Напрасно Евгений, уставившись в окно, пытался согнать с лица интеллигентность, его уже облюбовала самая старая и опытная ведьма.

– Счастья тебе, удачи тебе! Дай на ребёночка 10 копеек! Всё как хочешь будет. Не пожалей, дай, я тебе погадаю. Сам ты не местный, по особому делу едешь. Ой, опасность тебе грозит! – Стремительным движением цыганка вырвала у него прядь волос. – Заверни в денежку, заверни!

От неожиданности Евгений вздрогнул и протянул ей сотню. Стеклойной плиты больше не было. Цыганка не отпирала её, она просто прошла, потому что не знала, что вход замурован. И Евгений смог пройти следом.

Это была долина богов.

В той долине всегда был туман. Он вошёл через чугунные ворота. Над головой сплелись чёрные голые ветви, заблудившаяся дорога всё глубже проваливалась в клубящуюся тишину. Вдоль бесконечных давно позабытых аллей белели и чернели статуи, бесстрастные, безмолвные, погружённые в сон. Они были здесь все – прекрасные и чудовищные, с шакальими и орлиными головами, корявые, причудливые... Бесконечный некрополь.

Но нет, это были не статуи. Иногда он чувствовал на себе пронзительные взоры... Вот приподнял увенчанную короной голову спящий за пиршественным столом король.

– Кто ты, смертный? – прошептал бесплотный голос над самым ухом.

Справа и слева меж деревьев мелькали дикие нечеловеческие тени. Бесшумно прополз гигантский белый удав. Мелькнули какие-то искажённые ухмылкой чёрные лица. Скорее телом, чем ушами он уловил гул беззвучного там-тама...

В той долине Буба позднее и отыскал пленившего его древнего баала.

К тому времени они нашли постоянного проводника: это была полуграмотная деревенская бабка, лечившая от испуга и от живота. Они приходил к ней лечится от «чёрной немочи», и когда она приоткрывала дверь, входили следом. В то лето она неплохо подзаработала.

В одном из запретных миров Женя увидел скалистый остров. Серое море клубилось туманом. Три двуглавые горы хранили покой зачарованного замка. Три бездонных озера дремали у их подножий.

– Лорд Дугал Мак-Гайл, – сказал ему голос из водной глади, – время настало. Вы должны разбудить короля.

Но больше в этот мир ему попасть не пришлось.

* * *

Начало конца наступило, когда в квартире появился Бобус. Собственно, Ши видел его всего несколько раз. Тот показался ему очень старым, но при этом прыгучим, как мячик. Судя по тому, как с ним разговаривал Вельзевул, дядёк оказался спецом.

– Эта, эта, – приговаривал он – давайте их ребята, растудить.

Каким то образом старикан разнюхал несколько кодов и отдал их Вельзевулу. Первая стена была взята.

Потом внезапно помер Гриб. Однажды он вдруг очнулся, загоготал. Провозгласил что-то вроде: «Вот человек, потерявший шляпу! А вот шляпа, потерянная человеком!» И помер.

– Пп-ри-д-уу-рок! – прокомментировал это событие Вельзевул.

– Это он злится, – объяснила Натаха. Гриб навсегда ушёл в междунетие, сменив коды всех своих программ, и никому не сообщил новые.

– И что теперь с ним? – испуганно спросил Витёк.

– Наверное, стал астралопитеком, – пожал плечами Вельзевул.

Потом также внезапно у себя дома умер Рыжий. «По-моему, меня пасут. Куда не пойду, везде двое чёрных, одинаковых. Наверное, это Основная Программа защищается», – сказал Рыжий за два дня до смерти.

После его кончины как будто что-то треснуло. На поминки поехали было на Лоно, но вдруг Вельзевул приказал свернуть. Остановились в берёзовой роще. Буба долго молча бродил среди берёз и вдруг спросил:

– Что это, а?

– Берёзы, – осторожно сказал Витёк.

– Красивые? – спросил Вельзевул.

– Красивые, – ответил Витёк.

– А я не вижу, понимаешь, не вижу, что красивые, умом знаю, а не вижу. Везёт вам, – вздохнул Велзевул. А потом совершенно бесстрастным деловым голосом добавил: – Всё, притон закрывается.

Потом Женя не раз вспоминал их. Куда они делись – Витёк, Вельзевул, Бобус? Натаху он однажды видел, она играла на гитаре по электричкам. Кажется, она его не узнала.

Текст 9

Как ни странно сон освежил Стоянова. Словно свежая струя морского воздуха из щели в стене основательно проветрила ему мозги. Головоломка начала складывается во что-то вразумительное, и это что-то нравилось ему всё меньше и меньше. Неясная тень, маячившая за дымовыми завесами бредовых статей и странных совпадений, начала приобретать всё более ясные очертания.

Всё чётче припоминалось ему побелевшее лицо Одинштейна, в докладе которому он вскользь упомянул про Вышгород.

Кажется, новый визит в этот городок неизбежен.

Критически поглядев на собственный рисунок, изображающий нечто прячущееся за углом, Стоянов заштриховал неясное существо густым серым цветом и, подумав, подписал внизу «Баал».

* * *

Карабкающиеся по склонам холмов улочки, зелёные провалы между домами, ветвящиеся овраги, резные наличники, бабушки. Наверное, здесь хорошо тихо спиваться или уходить от слезки заброшенными садами. Но для активных мероприятий этот городок подходил плохо. Явно чужака уже заметили, «сфотографировали» и «обсасывают» за задвинутыми шторами.

Понимая бессмысленность маневров, Иван всё же подошёл к дому задами, чёрными яблоневыми садами, лягушиными оврагами. Несколько древних деревьев, ещё помнящих старую усадьбу, подступили почти вплотную. Развалившийся сарай. Светящееся окно. Всё просто. Слишком просто.

В окне показался силуэт. Рука Стоянова скользнула к наплечной кобуре. Человек отворил окно. Прекрасная мишень. Но почему-то Стоянов не выстрелил, а, убрав пистолет, негромко окликнул: «Женя не пугайся, это я, Стоянов».

* * *

– Знаешь, Женя, я убил Мирко. – Стоянов помолчал. – Если бы не твоя помощь, мне бы его ни за что не найти.

Ночь была тёплая, за открытым окном отчаянно стрекотали кузнечики, где-то вдалеке утробно пророкотал гром.

«Теперь две прекрасные мишени», – почему-то подумалось Стоянову.

Женя Ши молча разложил на газете огурцы-помидоры, нарезал хлеб, потыкал вилкой картошку.

– Ещё минут 10.

– Не удивлён? Сознайся, Женя, ты ведь думал, что мне конец. Знал ведь, на что Мирко способен...

– Нет, Ваня, я так не думал, – ответил Ши, чуть помедлив.

– Верю, Женя, верю, – голос Стоянова стал совсем душевным. – Ведь не случайно же я его застрелил. Я ведь вешаться шёл, Женя, а потом вместо этого взял и застрелил гада... Ведь ты мне тогда помог, правда? – он в упор посмотрел на Ши.

Тот пожал плечами.

– Не хочешь говорить – не надо, – сказал Стоянов обиженно. – И Витёк Вещун тоже умер. Знаешь? Помнишь Витька? Вы ведь знакомы были.

Ши поднял глаза и внимательно посмотрел на Стоянова.

– А знаешь, почему они умерли? – продолжал Иван, задумчиво разглядывая потолок. – Помнишь, ты мне про реку рассказывал? Так вот, на этой реке плотина стоит, с электростанцией. Называется «Машина Счастья». Шутка. Не знаю, как называется. Допустим, Генератор. Я так подозреваю, вот здесь в Вышгороде и стоит. И делает эта машина будущее. Делает так, чтобы вода на твоей реке текла ровнёхонько, по одному конкретному руслу и прямо к светлому коммунизму. Понимаешь? И прошлое это машина тоже делает. Чтобы у всех одно было прошлое. А то если у всех разное, то п...ц полный будет, понимаешь? И вот нашлись такие шустрые пацаны, которые в этой общей плотине свою частную дырочку сделали. Чтоб, значить, свою сугубо частную мельницу вертеть. Так ведь? А ведь нельзя так. Поэтому пришлось, Женя, нам их всех убить.

– Ты всё хочешь свести к простой схеме, – обернулся Евгений, – в реальности всё намного сложнее. Или проще. Давай есть.

«Когда он начнёт сливать воду, я его застрелю», – подумал Стоянов.

В дверь постучали. На пороге появилась темноволосая коротко стриженная невысокая девушка в голубом халатике.

– Дядя Женя, можно? Мне скучно.

«Вот так», – усмехнулся про себя Стоянов. Время замерло, заморозилось в пронизанную светом прозрачную сосульку.

– Ой, у вас гости?

– Знакомьтесь, Фира, это Иван, мой старый друг, ещё со школы.

Фрагмент 6

– Конец света наступит через неделю. 1 августа. Так сказал Майкл.

– Боюсь только, что его никто не заметит, – ответил Стоянов,

Потом они шли под руку по улице, и Фира смеялась, как пьяная.

– Как опасно давать предсказания о том, что произойдёт через неделю, – сказала она.

– Вероятно, он прав, – произнёс Стоянов равнодушно.

Мокрый асфальт дробил свет фонарей. Около белого Мерседеса громко бранились (или мирно беседовали?) темпераментные кавказцы.

Фира поёжилась.

– Давай уедем отсюда, – вдруг сказала она тихо.

Иван засмеялся:

– Думаешь, переждём?

– Ну, пожалуйста, – почти закричала Фира, – я не могу больше здесь. Честно, не могу. Иван пожал плечами.

Где-то в воздухе чуть слышно порвалась ниточка надежды. С новой силой зашумел, забарабанил дождь. «Вот и всё, – подумала Фира опустошённо, – вот и всё».

– Ну ладно, тогда пока, – произнесла она, сдерживая слёзы.

«Вот так, – говорил себе Стоянов, шагая по улице, – вот и всё. Будда с соколом, о котором писал Ипатий, висит у неё на стене. А Женька мастер. Безусловно, он один из них.

Но не Баал. Но как он меня отвёл в последнюю секунду! Ладно, квиты. Будем считать, что я тоже дал ему шанс».

Почему-то ему хотелось думать совсем о другом. «Фира, надо же, Фира. Какое же это имя?» – он засмеялся. Грохотало уже над самой головой. Внезапно сверху обрушился водяной столп. Стоянов мгновенно промок, но на душе почему-то было хорошо.

Из дождя высверкнули фары, рядом притормозил Фольксваген.

– Слушай, брат, где тут мэрия?

А потом другой голос:

– Стой! Здорово, майор! Панкиси помнишь? Масох помнишь? Узнаёшь?

– Узнаю. Здорово, Гоги! – ответил Стоянов, выхватывая пистолет. Потом что-то вспыхнуло перед глазами, и наступила темнота.

* * *

Спустя пятнадцать минут на перекрёстке нарисовались из темноты две фигуры.

– У него нет плана! Он его не забирал! – с тоской в голосе сообщила тощая фигура, закончив обшаривать тело. Тёмный силуэт его собеседника не пошевелился.

– Ты, эта, не паникуй, найдём. Недалеко где-то.

Глава 4. Серый дом

Фрагмент 7

Время приближалось к полудню. Странник не спешил. Ветер вздымал пыль и лепил из жара причудливые завесы, и в его порывах и затишьях мир колебался огромным зелёным маятником где-то между Божественной литургией и летаргией.

Странник, облечённый в линялую джинсу, взирал сурово, словно имел к травке и трясогузкам одному ему ведомые счёты и был твёрдо намерен взыскать проценты. Его рыжеватая борода слегка курчавилась, за спиной был рюкзак, в руках сучковатая палка, которой он поигрывал как дубиной.

Взгляд его уже несколько минут был прикован к горизонту, где над холмом громоздились, подминая друг друга, белые туши облаков. В этой картине было и впрямь что-то тревожное и, пожалуй, даже завораживающее, словно слоистые серебрящиеся амёбы то почковались, то заглатывали друг друга в тёмно-синем аквариуме неба.

Вдруг новый порыв смешал все картинки, и то ли прихотью ветра, то ли под неотрывным взглядом странника облака сложились гармошкой и слиплись в подобие громадного снежного кома неприлично правильной формы. Несколько мгновений он висел, словно перебирая возможности трансформаций, и вдруг ослабился на полнеба чудовищным черепом, готовым пожрать и холм, и странника, и полуразрушенные коровники, и дом, с балкона которого наблюдал за безмолвными трансформациями ещё один молчаливый свидетель.

Вперив единственный глаз в небеса, щетинистый старик то взмахивал руками, то начинал бормотать как помешанный: «Знак, знак! Родился он, детушки, родился! Мало времечка-то осталось, мало!»

Потом, тяжело опираясь на костыль, он вошел в полутёмную занавешенную комнату и, раздвинув в дальнем углу весёленькие шторы, взметнул в воздух клубы многомесячной пыли. Смахнув тряпочкой паутину со старинных бронзовых часов, старик трясущейся рукой нащупал висевший на груди под жилетом ключик и, вставив в скважину, с видимым усилием стал заводить часы. Проснувшись от вековой дремы, механизм задрожал, стукнул один раз, другой, закачал маятником и пошёл, застучал, всё ускоряя бег, наполнив комнату призрачной жизнью, словно придав смысл и полинялым в жёлтых пятнах обоям и разностильной, будто собранной на московских свалках мебели. И эхом завибрировали в такт часам блёклые небеса:

Время спешит
Время спешит
Время спешит
Сверим часы
Сверим часы
Сверим часы
Время спешит...

Фрагмент 8

«Может ли быть такое? – тонкими пальцами она осторожно разворачивает свиток, – да, это та самая книга, я помню. А впрочем, нет. Книги никогда не бывают теми же. Мне никогда не доводилось дважды читать одну и ту же книгу. Это как с людьми, они всё время меняются! Один Пол Тианский всегда тот же. Всё время юродствует. Кстати, знаете, как он

потерял глаз? Нет? Однажды Пол заснул, а проснулся уже одноглазым, просто половина его осталась на той стороне. Не боитесь?

Да, помнится, я читала похожую книгу. А не Вы ли мне тогда её приносили? Кажется, тогда Вы были монахом и носили бороду.

Хотите, чтобы я её прочла? Нет, я и так хорошо помню ту, старую. Будет жаль, если это всё же окажется не она».

И женщина в синем застывает, словно унесённая воспоминаниями. Её губы шепчут неслышимые слова, и кажется, будто она читает заклинания.

Текст 10.

Возможно, эта кошка принадлежала какому-то прежнему жильцу. По привычке она иногда заходила домой через форточку. Её чёрный силуэт внезапно появлялся в проёме, иногда застывая там надолго – на пять минут, на десять. Кошка словно решала, стоит ли заходить, тревожить былые воспоминания. Но потом всё-таки заходила, безмолвно обходила углы, усаживалась на тумбу и грезилась.

Он оставлял ей поесть, но гладить себя кошка не разрешала, видимо, считая это проявлением фамильярности.

Евгений поселился здесь, чтобы исчезнуть. Нет-нет, не для того, Боже упаси, чтобы скрыться от преследователей. Просто со временем знакомые стали его тяготить. Всё больше энергии уходило на то, чтобы улыбаться и смеяться в нужных местах. Он уходил осторожно, постепенно перерезая ниточки, связывающие его с внешним миром. Три месяца он просто тихо выцветал. И когда он, наконец, исчез, никто не удивился.

Он выбрал этот городок совершенно случайно. Он здесь никогда не жил, не имел ни родственников, ни знакомых. Только однажды, много лет тому назад, был здесь на экскурсии и, глядя с высоты городища на пёстрые заплатки крыш, подумал: «Когда-нибудь я здесь поселюсь». Когда к нему приходили такие случайные мысли, он чётко фиксировал их и уже не забывал. Они хранились в особом чуланчике его обширной памяти. И когда наступал день выбора, он открывал свой чулан и часто, очень часто находил там необходимое.

Здесь всё поскрипывало и шелестело. Этот дом был слишком живым, чтобы в нём можно было жить так, как живут обычные люди. Но он умел ладить со старыми домами. Он влился в него, слился с ним, стал его незаметной частью, предметом обстановки. Подобно старым напольным часам, страшно неудобным и тяжёлым и, наверное, поэтому оставшимся здесь, несмотря на смену хозяев и десятилетий.

Дорожка, поросшая подорожником, подходила к крыльцу. Этот вход назывался чёрным. Тот, которому надлежало называться парадным, был заколочен много лет назад.

Двор заглушило бурьяном и крапивой, забор развалился, и соседский сад, глухо шурша, вошёл во двор, завалил его гулко падающими кислейшими яблоками, наполнил сумерками и тенями. Безымянная белая собака, жившая под крыльцом, давно уже ни на кого не лаяла, лежала свернувшись или уходила по своим собачьим делам. Тогда обнаглевшие коты выходили из сада и замирали на перилах в безмолвной медитации.

Хлипкие зыбкие ступени восходили на веранду второго этажа и забывались в молчании. Тёмный скрипучий коридор напоминал пещеру. Как можно жить в таком доме?

Или, может, жильцы его знают что-то важное, недоступное обычным людям? Например, знают, что такое время и где хранятся его неисчерпаемые запасы...

Город спит тревожным старческим сном, и порой его навещают сновидения...

Он приехал в Вышгород ранней весной и долго ходил по улицам, карабкался по обледелым склонам оврагов, сгонял ворон с обветшавших колоколен, ловил проблески солнца сквозь серую вату облаков.

Евгений изучал город внимательно, собирал его образ, где равно важны и маршруты автобусов, и покосившийся забор, и выступавшие из земли валуны. Он вбирал город в себя упорно, небольшими глотками. Вечерами он продолжал путешествие ведомый памятью. Прицепившись к какой-нибудь детали, как за нитку он вытягивал кусок города с его цветом и запахом, неповторимым рисунком линий, пропорций, звуков. Как летучая мышь, он посылал волну-запрос в каждую сторону и слушал, что ответит ему эхо. Оно отзывалось то звонче, то глуше, и с радостным изумлением он обнаруживал, что место не обмануло его. Созвучия города были богаты, порой удивительно богаты и мелодичны. Случалось, они даже приводили его в недоумение. И он сердито качал головой или застывал с изумлённой улыбкой, как если бы, выйдя покурить на балкон, увидел себя на берегу Неаполитанского залива.

В бесцветных глазах какого-нибудь местного пьяницы он вдруг замечал отблеск чего-то, что считал своим сокровенным достоянием, сокровищем, упрятанным в самой глубине души.

Вскоре Евгений видел город даже с закрытыми глазами. Каждую улицу, каждый булыжник, окна, деревья, номерные знаки. Он втянул его в себя, как медуза втягивает щупальца.

Ему больше не надо было выходить из дома, сутки проводил он, полужёжа в тёмной комнате без окон. Его глазами стали глаза кошек – тысячи зелёных глаз, проницающих темноту, тысячи ушей, сверхчутких носов...

Он погрузился в город подвалов и теней, город шорохов. Глядел на него с заборов и чердаков, проникал в комнаты и закоулки. Казалось, он сам зарастал тёплой мягкой шерстью, и каждая ворсинка его благородного меха была антенной, ощупывающей город.

Потом дома и магазины исчезли, и стал виден каркас: пульсирующие линии – потоки ощущений, желаний, памяти...

О, город был стар! Он помнил Хуанди и Юдхиштхиру, Джамшида и святых риши...

Он был тиглем, вываривающим из памяти веков магические разноцветные кристаллы.

А может быть, это было будущее?

Его поиск стал целенаправлен. Он искал сердце. Ту точку, где сплетаются все пути, и в тумане проступает лик непроявленного. Он уже слушал мощные удары пульса, но едва устремлялся к источнику, как тот исчезал, затопляя сознание буйством красок и образов. Из тёмных глубин поднимались причудливые драконы, единое дробилось на мириады сверкающих осколков. Звёзды? Лица? Двери?

Потерпев неудачу, Евгений решил сменить тактику. Он умел уходить в пейзаж, становясь прозрачным для чужого внимания, почти незаметным и, вслушиваясь в настоящую тишину, отпускал своё сознание в вольные странствия. Спокойное, безграничное как море, оно лишь слегка волновалось, выбрасывая с прибоем на влажный песок случайные образы, внезапно отчётливые обломки воспоминаний, яркие картинки из детства. Улыбаясь про себя, он вертел их в руках, рассматривал со всех сторон, постигая в них знаки не пройденных, или не до конца пройденных путей, не отданных забытых долгов. И с каждым всплеском волны, освобождаясь от лишнего груза, воды его моря становились всё чище, всё прозрачнее. И он терпеливо ждал, понимая, что ничего не случайно, и на его пути для чего-то нужна и нынешняя праздность и обрывочные воспоминания...

Однажды он почувствовал лёгкое прикосновение тревоги, почти незаметной, как тень от бабочки, и застыл, прислушиваясь. Осторожно, предельно осторожно он стал распутывать нитку за ниткой, предельно внимательно, чтобы не пропустить знак, не оборвать конец и дать проявиться сокрытому. И вот, наконец, он почувствовал, что где-то глубоко на дне пришло в движение что-то тяжёлое, массивное, лежавшее там бесконечно давно, и понял, что час близок.

«Наверное, я проиграл», – думал Евгений, и на душе его было светло и спокойно. – «Всё, что я делал, вело меня к цели, и одновременно было абсолютно бессмысленно. Бессмысленна была цель, бессмысленны средства». Это осознание наполняло его необычайной лёгкостью. Каждое мгновение словно вернуло себе самооценку и он жил легко и радостно, ни о чём не заботясь.

Он зачастил на старое городское кладбище, где имел обыкновение сидеть с мольбертом его новый приятель Рудик. Рудика прельщала панорама: весь город был отсюда виден как на блюде. Ещё он уверял, что старая кладбищенская часовня в былые времена была местом собраний секты неумывайцев, считавших, вслед за евангельским текстом, умывание фарисейским обычаем, отвергнутым Христом и апостолами.

Неся подобную галиматью, Рудик делал быстрые зарисовки, и Евгений радовался как ребёнок каждому найденному им ракурсу.

«Как смешно, – думал Ши, – я ничего этого не видел, а ведь мне казалось, что я знаю абсолютно всё. А может быть, сам город изменился?» – проходя по улицам, он теперь не находил многих знакомых мест.

Рудик говорил, что надо спешить, потому что краевед Бесштанов добивается разрешения на снос всего старого города, чтобы раскопать древний Владимир. И Евгений смешно пугался: «Зачем?»

Город казался ему мандалой, где каждая линия имеет свой глубокий смысл и значение. Он даже начинал думать, что этот город и есть цель его исканий, икона невидимого Града, мирозозидающего эйдоса. Его отблески являлись ему на рудиковых зарисовках, и сам художник виделся ему великим святым, кальбом наших дней, в то время как сам он лишь безнадежно стоит на пороге.

Наверное, в этот Град можно войти, стоит лишь отыскать в лабиринте города нить, ведущую к его сердцу.

Но это сделает уже кто-нибудь другой.

На древнем надгробии он нашёл изображения коня, тигра, дракона и черепахи. Четыре хранителя словно сошлись на совет. И он улыбнулся им, признав старых знакомых: голубоглазый конь, древний одноглазый дракон, синяя черепаха, страшно похожая на мать его квартирной хозяйки, до боли знакомый тигр...

Две чёрные бесстрастные одинаковые фигуры ждали его возле заброшенной часовни. И он подумал: не здесь...

* * *

И настал день, прозрачный и чистый, день отдохновения и день свершения. В аметистовом свечении вечера лица предметов проступили отчётливо, как под воздействием реактива, и он понял, что сегодня получит знак.

Увидев его, он с трудом удержался от смеха: знак, ясный как небесная голубизна, висел на стене в соседней комнате. Все эти дни он ждал его в двадцати шагах дальше по коридору.

Прекрасная танка – вышитая на шёлке тантрическая икона – словно испускала невидимые лучи. Эти двуглавые холмы, это озеро в форме неправильного круга, – он узнал их с первого взгляда. Много раз мысленным взором бродил он вокруг них.

Солнце и стареющая луна, висящие в небе, как это бывает в ранние утренние часы, обозначили стороны света. Четыре яростных локопала по сторонам от неведомого Бодхисаттвы с соколом являли его могучие энергии. Замысловатый узор у подножия трона был знаком пути.

– Удивительная вещь – сказал он, обернувшись к хозяйке, – откуда она у вас, Фира?

– Я её стырила. Клёвенькая, правда?

Фрагмент 9

Наверное, её угораздило купить какую-то особую несохнущую краску. Хотя она никак не могла сообразить, для чего такая краска нужна, но одно из её назначений – выкуривать людей из собственного дома – было ей совершенно очевидно. Оставалось одно из двух: или явиться к Ипе с повинной (что было исключено), или отправиться в Вышгород, куда её каждое лето вежливо приглашала пожить материна подруга.

«Интересно, подаст на меня Ипочка в суд за кражу или не подаст?» Только вчера после часа поисков Фира сообразила, что её любимая сумища, без которой, ну хоть убейся, не обойтись, осталась у бывшего супруга. Красная сумища была не простая, а заговоренная, туда влезало всё что надо. А во все остальные... ну, в общем, совсем не то. Поэтому линять без сумищи из Москвы было никак не возможно.

Как она и рассчитывала, Ипатия дома не было. Сняв в прихожей сапоги – не дай бог наследить, – она на цыпочках вошла в комнату. Провела пальцем по тумбочке и присвистнула: Ну и ну! Чтобы у Ипы была пыль! Не иначе как умотал в командировку. Сумища обнаружилась на антресолях.

Чего бы ещё стырить? Вдруг ещё чего-нибудь понадобится. А то ведь новый замок врежет, как пить дать врежет. И записочку придётся оставить, а то ведь сразу милицию вызовет, скандала не оберёшься.

Уже только дома, укладывая вещи, Фира обнаружила, что в сумище лежит маленький свёрточек, который оказался совершенно суперским старинным шелковым платком – большущей расшитой разноцветным щёлком картиной с Буддой, птицей-соколом и страховидными ифритами. (Сама Фира, правда, ифритов никогда не видела, но всегда их вот так примерно себе и представляла). И так как Фира была легкомысленной особой, она тут же решила, что фиг его Ипочке вернёт. Она сделает для него рамочку, или... короче, она придумает, что она с ним сделает и как это будет классно. И она, свернув, снова сунула его в карман сумищи.

Фрагмент 10

– Дороги – нити тончайшей пряжи, это сеть. Она неуловима, но нет никого, кто бы ни попал в неё, – сказала синяя черепаха, – разве эти тропы не тропы времени? Они сжимаются всё туже, ячейки всё меньше. Не пора ли вытаскивать невод?

– Погадаем на твоём панцире, сестрица, – усмехнулся тигр. – Разве время подобно сети? Оно подобно обвалу. Стоило сказать слово и эхо обрушило горы. Что нам остаётся? Слушать отзвуки.

– Ты сам виноват в этом, – сказал голубоглазый конь, – ты вечно лезешь в людские дела, и открыл им слишком многое. Но разве мы не хранители? Разве время властно и над нами?

– Время подобно волнам, – прошептал древний дракон, и надолго замолчал, прикрыв свой единственный глаз, то ли задумался, то ли оцепенел. – Они вернулись, но они совсем другие.

Текст 11

Приковывлял одноногий старик.

Ходил, глядел птичьим взглядом.

Хлопнула сама собой крышка от погреба.

Зашумело дождём.

Пришёл поп.

– Зверь родился, доподлинно известно, – сказал.

Ухало, гремело.

– Понаехали чёрные, сила адова, из Масоха да Фувала, и главный у них – Гоги. Чую, последние времена наступают, – запугивал.

– Времена, они всегда последние, – сказала Синяя Дама, – не мелите вздор, Джордж.

На крыше сарая мёртвый ворон.

Фира жила в этом городке уже третью неделю, всосанная в него как в воронку. Чуть ли не впервые в жизни она осталась наедине с собой. Тут даже не было телефона. Две недели она ходила растерянная, ошеломлённая нахлынувшей тишиной. Ей всё время казалось, что она это не она. С детства все её считали страшной эгоисткой, но при этом всегда был кто-то, с которым она была «мы». Теперь Фира с удивлением оглядывалась по сторонам, не замечая привычных отражений, и с непониманием ощупывала пустоту.

Но потом этот мир стал постепенно населяться: появился дятел на сосне, и она вдруг поняла, что никогда раньше не слышала дятла, появилась Синяя Дама, появился Зверь. На стене поселился свистнутый у Ипы прикольный Будда с ифритами, а в конце коридора страшно на него похожий дядя Женья, такой же добрый и круглый, только в очках. А ещё были часы, кошки и Елена Аркадьевна. В горшках росли посаженные Фирой ели. Но внутри по-прежнему копошились и больно кусались многочисленные персонажи, которые никак не могли договориться, кто же из них станет Фирой; и ей приходилось бродить по городу и расселять их по разным закоулкам.

Главное, никаких старых знакомых... Чтобы можно было отлёживаться и зализывать раны. И не о чём не думать. Хорошо бы стать клушей. Тупой-тупой и совершенно спокойной. Вообще без нервов и без мозгов, и всё по фене. Какой был бы кайф! Или сразу святой, чтобы всё понятно...

И её желание, кажется, стало исполняться, но как-то странно. Волю её сковала какая-то дремота. Как будто она утонула, и не было даже сил пошевелить рукой, чтобы выплыть.

Это было так на неё непохоже. Всю жизнь она самоотверженно сражалась с многочисленными опасностями: из каждого бутерброда прищурясь выглядывали калории, солнечный свет грозил миомами и ожогами, ядовитые вещества парили как злые духи в атмосфере, копошились в земле и булькали в водопроводной воде. И она бесстрашно заклинала их, умащиваясь кремами и принимая волшебные снадобья, отгоняя недругов диетами и магическими гимнастическими. Но враги мутировали, выдвигали пятую колонну, склоняли к измене вчерашних друзей. Те, на кого она полагалась как на себя, вдруг открывались с новой, опасной стороны, и ей приходилось менять всю диспозицию обороны, вводить новые табу...

И вдруг ничего... Она демонстративно пожирала перед зеркалом целый батон, ожидая вопля ужаса из глубины своего существа – и ничего, молчание...

Даже телевизор смотреть не хотелось...

А в городе вдруг стало страшновато.

«Это, наверно, из-за меня», – горько думала Фира. По некоторым улочкам, куда она расселила своих жильцов, она и сама теперь боялась ходить.

* * *

– Вы только подумайте, этот тип опять мне приснился! – сказала за завтраком Елена Аркадьевна с оскорблённым видом.

Елена Аркадьевна говорила о пропавшем соседе.

В один прекрасный день он, вернувшись с прогулки, зашёл к себе в комнату, и больше его никто не видел.

Более всего Елену Аркадьевну возмущал тот факт, что он пропал именно в доме, а не где-нибудь ещё. И потом, она никак не могла вспомнить, как его звали. Время от времени он ей снился. Во сне она всё хотела высказать ему свои претензии, но это ей никак не удавалось.

Бедная, бедная Елена Аркадьевна, в своих проблемах она никогда не находила сочувствия. Синяя Дама была непроницаема и равнодушна как морская звезда.

Синяя Дама – сумасшедшая мать Елены Аркадьевны – коротко стриглась, кормила пришлых котов и вечно забывала запира́ть двери. Она была стильной как парадная лестница или старинная чугунная ванна, стоящая посреди фириной комнаты.

А возможно, Синяя Дама была и не такая уж сумасшедшая... Или это просто Фире нравились низкие голоса?

Она действительно любила всё синее и оставляла после себя едва уловимый аромат каких-то нездешних духов – запах древних ларцов, где когда-то хранили благовония, дыма прошлогодней осени, сандалового дерева и чёрного кофе. Когда Елена Аркадьевна уезжала, она пела вполголоса, позвякивая на кухне чем-то старинным, вроде фамильного серебра, чем-то, чем больше никому не удавалось так благородно и старинно позвякивать.

– Девочка, – говорила она Фире, – девочка, если это не ваш сон, то зачем же Вы его смотрите?

* * *

Елена Аркадьевна боялась сквозняков и молчания, ей всегда не хватало денег и времени, и она считала своим долгом поддерживать Фиру морально.

– Глупости, – заявляла она бодрым голосом, – он вернётся. Поймёт, что не прав и вернётся. Человек не может жить один и он, конечно, тебя найдёт.

Но Фиру эта перспектива почему-то не особенно радовала.

Теперь Фиру навещал Зверь.

Со Зверем можно было молчать, а можно было разговаривать.

Он мог часами сидеть в кресле, заложив ногу за ногу и лишь иногда поводя ушами.

– Вы напрасно скрываете свою мохнатость, – говорила Фира, – она вам к лицу. А также тяжёлость, чёрность, пушистость и грациозность, – ей нравилось угадывать в Звере его подлинные черты. – Вы знаете, в юности я собственноручно сводила себя с ума: на нашем курсе модно было быть чокнутым. Всем хотелось быть оригинальными. Вот и результат.

И Зверь грустно и понимающе улыбался.

– Вообще-то, православной девушке негоже с вами якшаться. Но так уж и быть, оставайтесь, – великодушно позволяла Фира, – но помните, во крещении меня зовут Февронья.

За стеной чихали, но как-то мелодраматически: сначала долго и тоненько – «А-аа», как бы готовя к эффекту, и вдруг – «пчихи!». У Елены Аркадьевны была аллергия на кошек.

С отвращением к себе Фира зажгла свет и поглядела на часы. Двадцать пять минут четвертого. Фира застонала. Нет, больше ей не выдержать. Пойти бы на кухню, вскипятить чайничек. Ага, а утром Елена Аркадьевна скажет: «Опять ночью кто-то ходил по квартире. Как стадо слонов!» А потом начнёт рассказывать, как у неё болит голова. Уродка. Да что она понимает в головной боли! Головная боль. О-оо! Одно дело, когда вкручивают в висок такое маленькое свёрлышко. А другое – когда глаза застилает красный туман, а по затылку отбойным молотком, завёрнутым в вату. А ещё бывает, когда голову закручивают стягивающим обручем. Интересно, как такая пытка называется? Наверно, «испанская тубетейка». Раньше Фира так и представляла себе испанцев – в старинных, страшно неудобных обтягивающих костюмах, полупридушенных тугими воротничками, хромающими в своих на два размера меньше испанских сапогах.

Стараясь не шуметь («И вовсе слоны не шумят. Они ходят по джунглям бесшумно. Книжки читать надо!»), Фира слезла с кровати, уселась в кресло и стала слушать, как скрипит дом.

Когда внезапно забили часы, Фира вздрогнула, а потом захихикала:

– Это Елена Аркадьевна их заводит. Но они всё равно идут только когда захотят. – Она помолчала. – Зверь, расскажите что-нибудь умное.

– Эти часы, Фира, боем отмечают смену космических суток, – сказал Зверь. – Когда это происходит, наступает час, когда обычное время перестаёт идти, и всё живет во времени, бывшем до сотворенья мира.

– Врёте! Они всего три дня назад куковали!

Гость пожал плечами. Фира осталась одна. Только в форточке маячил чёрный кошачий силуэт.

Текст 12

Я появился на свет в день, именуемый четвергом. День был сухой и серый. Под ногами потрескивали сучья и шуршали листья. Пахло дымом. Голые ветки деревьев царапали тишину. Чёрная кошка возлежала на красной скамейке. Блёклые цвета ещё не родившейся жизни...

Я иду, осторожно касаясь земли ногами. Когда только рождаешься, надо быть предельно осторожным. Чтобы не вспугнуть. Столбы дыма от куч тлеющих листьев. Чёрная кошка. Минуты не спешат, сплавляются в единую прозрачную массу – во время Оно...

Совсем немного оттенков: серое небо, серый асфальт, белый дым, тополя – серебристо-зеленоватые, кусты, деревянные ставни – все оттенки серого и коричневого. Навсегда? Может быть, и навсегда.

Бледно-серое небо, серый кирпичный дом, длинный и двухэтажный, окна без занавесок. На втором этаже за окном неподвижно стоит пожилая женщина в синем. Тополя. Не забыть.

Я буду приходить сюда часто. Подниматься в полутьме, впитывая запахи подъезда. Странно, очень странно, почему дома, построенные после Сталина, пахнут совсем по-другому? В них исчез запах жизни и времени. Времени, в которое я не жил. Хотя к чему толковать о времени, когда я появился в четверг?

Чужие воспоминания липнут на меня, как на клейкую ленту. Небывшее время имеет привычку продолжаться вечно.

Женщина в синем глядит на меня устало и говорит, что чувствует, как растут деревья: «Они всё время растут. Днём и ночью». Потом она говорит: «Выпейте кофе». И мы пьём кофе.

Её часто навещают бывшие люди. Они приходят в сумерках, но она всегда начинает ждать их заранее. Хотя зачем? Они всё равно приходят незамеченными. По двое, по трое.

Сумерки – это лучший из часов. В прозрачном полумраке всё обретает своё первоначальное звучание. Дома и звёзды, деревья и потерянный мяч становятся тем, чем они были когда-то задуманы – символом тишины. Бывшие сидят неподвижно и слушают.

Женщина смеётся и рассказывает, что они думают сердцем. У бывших людей большое и умное сердце, а мозг им совсем не нужен. В их времена совсем не было электричества, и теперь они приходят, чтобы поглядеть на огни – светящиеся окна, фонари... О чём они при этом думают?

С ними так хорошо помолчать. Они очень деликатны и не приходят, когда приезжает Елена. А может быть, она им просто не очень нравится?

Когда приезжает Елена, я тоже стараюсь не приходить. Елена очень глупа, хотя догадаться об этом не так просто. У неё несколько лиц, и она надевает их по мере необходимости, иногда путая. Женщина в синем рассказала мне, что часто застаёт Елену совсем без лица и тогда старается уйти незамеченной, чтобы не смущать дочь. Однажды Елена потеряла лицо, и я подобрал его на лестнице и теперь иногда надеваю в людных местах. Так легче сохранить одиночество.

С тех пор как Елена решила, что её долг – служить ближним, она стала невыносима, её не любят даже кошки.

Трудно сказать, сколько в доме кошек. Я знаком лишь с немногими. Они встречаются меня у подъезда, торжественные, как пушистые сфинксы. Рыжие, чёрные, серые... Их лица внимательны и в то же время сосредоточенно-отрешённые, их позы расслаблены и неподвижно-стремительны. Они не спешат. Они знают своё право. Они знают, что успеют везде.

Это их дом, их мир, и в этом корень их тайны, их потусторонности. Мир потусторонен для людей, они всегда внешни. Пусть каждый и пытается безнадежно отрезать свой ломоть, собрать, нагрести кучку вещей и людей и вобрать в себя, продолжить себя в них, и сказать: «Это моё, моё, это я, я, Я!» – какая тщета! Кошки знают.

Тщета. На пустыре у путей красный кирпичный сарай. Ободранный, закопчённый, с широкими неряшливыми зазорами между оббитыми кирпичами. И чёрная, огромными неровными буквами надпись: ЛЕНИН – СТАЛИН – КОМУНИЗМ.

Говорят, при Сталине здесь запрещали убивать деревья. Поэтому они остались – эти тополя, липы, лиственницы, столетние, полные памяти и бытия. Их всего лишь разлучили, разгородили бесчисленными заборами.

Заборы как символ. Неужели коммунизма? Жалкая попытка за-я-чить, за-мы-чить пространство. Мой кусочек космоса, ломтик Бога.

Деревья. Плетение веток напротив солнца – чистого света сквозь белизну неба.

Деревья не верят в заборы. Они помнят себя рощами. Их узоры ещё читаемы. Заборы, дома – навь, наваждение. Безумные, несчастные люди, они не понимают, где они живут, они верят во время и в огороды. Не понимают, но чувствуют, чувствуют. Страшно! Хижины в Колизее. Гладиаторы, не зная про огороды, продолжают битву...

Деревья. Тени.

В сером доме останавливаются все часы. Даже электронные.

Женщина говорит, что во всём виноваты строители. Они целиком замуровали в дом древнее здание. Они не смогли его разрушить и теперь дома срослись. Древнее здание пустило новые побеги и оплело серый дом. И теперь часы стоят. Она слышала, как оно прорастает и останавливает часы. И теперь точно никто не знает: может быть, кухня – это алтарь или жертвенник древнего храма? Иногда жильцы находят странные вещи и даже используют их в хозяйстве. Может быть, их по забывчивости оставляют бывшие люди?

Первые листья на черёмухе, они раскрылись сегодня утром.

Женщина уверяет, что вещи появляются сами собой, но почти всегда осенью. Часто жильцы выкидывают их на свалку, но она подбирает самые интересные и прячет их от Елены.

Елена ненавидит старые вещи, старые и непонятные. Елена сражается с ними, как с пылью, и всё снова и снова заводит часы. Она не понимает, что они здесь всё равно не пойдут.

У неё сильно развита интуиция, и она понимает, что кто-то здесь лишний, но не хочет признаться, что это она сама.

Чтобы спрятать свою излишность и одиночество, она громко кричит и всё время двигает мебель. Она любит рыться в тёмных углах и всё оттуда выкидывать, она кричит, что её мать – свихнувшаяся старьевщица. Но на самом деле она ищет Грааль.

Да-да, не смейтесь, она верит, что он когда-нибудь здесь появится, а остальные вещи выкидывает просто от разочарования. «Она такая последовательная, бедняжка. – Женщина в синем лукаво усмехается. – Она даже не догадывается, что Грааль давно уже стоит у ней под самым носом».

Кто Вам сказал, что Святая Чаша не может выглядеть как чайник? Наивные люди так привязаны к необычным формам, что совершенно перестают замечать действительно необычное.

Если совсем никуда не спешить, а просто сидеть и глядеть, то можно заметить необычные вещи. Они обладают особой теплотой. Они очень разные. Это могут быть скамейки и кастрюли, задвижки, столы, собачьи ошейники. Всё это маленькие гвоздики, которыми приколот к доске холст. А на холсте нарисованы дома, улицы, заборы, машины. Но сами-то они не нарисованы! Вот в чём штука.

Когда только рождаешься и смотришь на мир глазами новорожденного телёнка, то всё внимание поглощают детали. Каждая из них так самоценна, что хочется натянуть её на себя как наволочку. Куча горящих листьев, груды кирпича, ворона... В них легко заблудиться. Всё так ново. Но необычные вещи сразу привлекают к себе внимание. Дети всегда находят их безошибочно.

Весна наступает слишком стремительно. Кадры размываются, и вот уже зеленеют тополя. Цвет! Его рождение ниоткуда, как сотворение мира. Мир линий и очертаний сразу сменяется миром цвета, зыбким, обманчивым, нереальным. Его сразу становится слишком много, так что кружится голова. Сейчас лучше всего находить брошенные дома, чердаки со скрипучими полами, пылью и опилками и, затаившись, сидеть в полумраке. Стёкол давно нет, и сквозь полукруглое окно – поток света, лучезарный и невообразимый, полный зелени и аромата.

Зелёные блики, зелёные звуки. Лучше всего глядеть на него не прямо, а чуть сбоку. И вдыхать.

Конечно, конечно во всём виноваты строители. Старое здание нельзя было замуровывать. Время течёт неравномерно, со своими стремнинами и водоворотами. Иногда оно так закружится, что не успевает уплыть, застревает целыми большими кусками.

Разве можно жить в доме, где перепуталось время? Перепуталось и лежит пластами. Ты заходишь в комнату – и оказываешься за 500 лет до своего рождения.

Ещё хуже сквозняки, они смешивают пласты и разносят по гулким коридорам клочья древности.

Я уверен, что половина кошек в доме древние, пришедшие погостить из незапамятных времён. Но разве люди понимают? Они даже не находят их старомодными.

– Скажи, что я непревзойдённая.

– Ты непревзойдённая.

– То есть несравненная.

– Несравненная...

– Ты ничего не понимаешь!

За окном опадает хлопьями тишина. Её зовут Фира. Она сидит, задумчиво глядя куда-то вглубь.

– О чём ты думаешь?

– Сыр Российский...

Она выращивает ели в горшках и видит странные сны. Однажды во сне ей сказали: «Теперь ты можешь стать волшебным белым слоном, а если очень захочешь, то даже простым серым».

Со мной что-то происходит. Я меняюсь, становлюсь чем-то другим. Что это – взросление, старость, оукливание? Кем я стану? За мной ли выбор?

Мной овладела охота к перемене мест. Всё реже бываю в сером доме. Каждый дом – вход куда-то. Какие-то тайны, какие-то свершения, – с годами он обрастает ими, как лишайниками.

Я обхожу их страстно, как коллекционер. Если меня замечают, я выгибаю спину и мурлыкаю, меня принимают за кота, и не трогают. У котов свои преимущества. Не знаю, не знаю, что я ищу. В некоторых домах можно излечиться от лени, в других – от пустых тревог или амбиций. Есть страшные дома. Из них можно спуститься в Великий Подвал, пути его жутки, утомительны и безысходны.

Всё цветёт. Но где-то на поверхности. Внутри тихо, удивительно тихо и бестревожно. Надо быстрее искать надёжную берлогу.

Я нашёл его! Одинокий, над морем зелени. Кругом одичавшие сады, утонувшие в буйных травах. Вьюнки, всюду вьюнки. Оплетают, оплетают... Звуки гитары. Не забыть. Они будут мне маяком. Я погружаюсь, погружаюсь, плыву.

Не знаю, может быть, я стану слоном?

Глава 5. Воспоминания

Текст 13.

159...г.

В ту зиму мороз был такой, что по всему месту перемерзли воробьи. Раби Ицхак ходил по комнате в шубе, и его дыхание прирастало к потолку толстой белой коркой. Всё вокруг стало таким голубым и хрустящим, что, казалось, любой дом можно расколоть ударом палки.

– Вот, – говорил раби, – теперь нужна только хорошая палка.

Весь город был забит цыганами: три табора стали на постой в мещанских домах. Отблески огня на чёрных лицах наводили на мысль о преисподней.

– Ха, – сказал раби ксендзу Петраковскому, – нынче вам вряд ли удастся запугать кого-то адским пламенем!

– С этим надо что-то делать, – отшучивался Петраковский, – все мои святые уже сбежали из церкви и сидят у огня вперемишку с цыганами. Смотрите, как бы не начали расползаться из книг ваши кабалистические знаки!

И знаки стали расползаться! Раби начал их встречать в самых неожиданных местах: на втулках тележных колёс, цыганских заплатах, рыбьей чешуе и пивных кружках. Дважды ему померещилось даже Тайное Имя.

«Как же так? Что Ты хочешь этим сказать? – недоумевал Ицхак. – Что, уже настали дни Машиаха? Или ты, в самом деле, решил открыться гоям? Может, Ты ещё хочешь, чтобы я крестился?»

Однажды на замерзшем окне он увидел целую главу из «Зогара».

– Нет, это уж слишком! – воскликнул Ицхак, – Так дело дальше не пойдёт! Иначе я начну топить печь книгами, и Тебе это вряд ли понравится. Надо же иметь совесть!

Он начал просматривать свои книги и обнаружил множество пропаж: в тексте повсеместно появились белые пятна, а кое-где исчезли целые страницы!

– Проклятый Петраковский! – взъярился раби, – наверняка это его рук дело. Видно, он решил мне отомстить за какую-нибудь шутку.

– Ну что вы хотите, раби. В городе полно цыган, у всех что-нибудь пропадает...

И действительно, города стало как-то меньше. Или он сжался от мороза, или теперь и впрямь в нём чего-то не доставало...

Чтобы обсудить проблему, вечером у камина Петраковского собрались учёные мужи. Их было семеро – поляк, три еврея, два армянина и татарин.

– Послушайте, – сказал Ицхак, – это нечестно! Здесь и так было всего не густо. Нет, не подумайте, я не жалуюсь. Никто и не обещал, что здесь будет хорошо и что всё хорошо кончится. Но зачем же так?

И тогда татарин Аббас достал из своего кожаного мешка, вобравшего пыль многих дорог, дудочку и стал что-то наигрывать.

А Хоцман сказал: «Аббас-ага, мы все уважаем Ваше право быть сумасшедшим. Но зачем же сейчас?»

Но Аббас продолжал наигрывать как ни в чём не бывало.

– Возможно, я понял, – сказал, наконец, Петраковский, – наверное, Аббас-ага хочет сказать, что для чистоты звучания недостаёт пустоты. Все очень просто: видимо, Он решил убрать всё лишнее.

– Ну да, и конечно, пан ксёндз, Он, как всегда, решил начать с евреев.

– Или, может быть, Он понял, что всё снова зашло куда-то не туда, и решил потихоньку переписать наново?

– Реб Ицхак – сказали, наконец, все, – теперь вся надежда только на вас. Кажется, время настало. Или вы решаетесь назвать Тайное имя, или всё незачем. Похоже, Он сам даёт нам знать, что нуждается в помощи.

И Ицхак побледнел как скатерть и дрожащим голосом спросил: «И вы думаете, что вдвоём у нас выйдет лучше?»

И тогда поднялся самый старый армянин с длинной седой бородой и ласково сказал: «Почему вдвоём, Ицхак, нас ведь тут по меньшей мере семеро!»

Фрагмент 11.

164...г.

Свеча горела неярко, скрадывая сумрак. Философ глядел на пламя, не мигая, словно грезя.

– Да, я слышал о братстве, – сказал он, наконец, оторвавшись от огня, – не скрою, многие годы я лелеял мечту о нём. Его идеи возвышенны и прекрасны, а средства могущественны. У него лишь один недостаток: его не существует.

Гость, чёрной глыбой застывший у остывающего камина, поднял тяжёлую голову:

– Какая разница? То, что Вы написали, прекрасно, а значит – истинно. Отныне свет разума осветит дорогу блуждающему во тьме человечеству. Разве не это цель Братства? Слово созидает мир, и разум – средство более могучее, чем слепая вера. Навин остановил солнце лишь на час, Коперник остановил его окончательно. Разве не сказано: «Вы боги»? Вам дана власть творить этот мир, развязанное на земле развяжется и на небесах. Сказав «существую», Вы сказали «существует». И отныне оно существует. Ваша воля стала волей Братства.

– Я говорил о разуме, а не о воле.

– Не стоит разделять их. Мы приложили печать к Вашей грамоте, и она стала королевским указом.

– Вы ошибаетесь. Воля свободна. И я волен сжечь мою рукопись. Разум обречён на истину, но разве я не волен выбрать заблуждение? Кто вы, чтобы остановить меня?

Гость рассмеялся и откинул капюшон. Философ вздрогнул. На него смотрело его собственное лицо.

Документ 4

Л. Хоцман (г. Вышгород) – М. Одинштейну (г. Снов)

Марк, да, я старый и рассеянный человек и я потерял вашу рукопись. Или Вы думаете, что я раскаиваюсь и извиняюсь? И не думайте! Я вообще не знаю, о чём вы думаете. Я думаю, что вы всем втираете мозги. Пудрите и втираете! Вы пишете – Зверь. Да здесь любой знает, что Зверь. Здесь про это пишут в газетах. Вы читаете газеты?

Вы знаете, мне скоро 440 лет. Это солидный возраст. Мне пора на покой. То, что я ещё живой – это антинаучный феномен. И если вы станете мне говорить всякие глупости о конце света, то я вам не поверю, потому что он уже был, и я, Лев Хоцман, сам принимал в этом участие.

Если Вам так надо, приезжайте сюда и ловите вашего Зверя. Я хочу сидеть на солнце и пить парное молоко, потому что это полезно для здоровья.

Документ 5

От Ибн Валида Безруки. Город Нигде. Турецкая республика.
Марку Одинштейну. Город Снов. Республика Белоруссия.

Бесценный друг, трудно оценить радость, которую доставляет мне Ваша трогательная забота и драгоценное внимание. Достоин удивления, что именно сейчас Вы проявили столь живой интерес к моим стариковским мыслям и праздным наблюдениям.

Да, когда-то мы были молоды и тоже верили в своё всемогущество. Учреждая орден, который Вы, мессир, сейчас возглавляете, мы думали придать мирозданию цель и смысл. Мы были дерзки, но наша дерзость проистекала из доверия и почтительности.

Когда я смотрю на несколько столбцов букв, ставших ключом к невиданнейшей на земле власти – почти всемогуществу и почти бессмертию, меня охватывает трепет. Я кажусь себе ребёнком, укравшим у отца ключи от автомобиля. Реб Ицхак скончался в ожидании божьей кары за разглашение высочайшей тайны. Мы старомодны. Вы умнее и прагматичней. То, что для нас было божественным таинством, для вас всего лишь машина. Тот, кого вы именуете «Наш Друг», открыл вам существование генератора. Ни ход мыслей, ни цели, ни мотивы его мне непонятны. Возможно ли, что он прельстился вашим проектом? Или он ведёт с вами какую-то непостижимую игру? И не кажется ли вам порой, что нам дали поиграть миром лишь на время и скоро явится настоящий хозяин?

Когда-то мы написали то, что вы теперь именуете варварским термином М-2, или Основная Программа. Вам удалось преобразовать и усовершенствовать её так основательно, как нам и не снилось. Она столь грандиозна, что в гордыне своей мы можем считать себя творцами нового мира, в котором почти ничего не осталось от изначального Божественного замысла.

Мы хотели, чтобы знание стало силой, вы добавили к этому идею развития и прогресса, и теперь я уже сам не знаю, как устроен созданный нами мир. Порой меня навещают сомнения: а знаете ли вы? И помните ли о том, что наша Программа не заменяет, а лишь дополняет и корректирует Божественный замысел, который вы предпочитаете называть Материнской Программой или М-1?

Четыре столетия, с тех пор как великий кабалист реб Ицхак подобрал к ней код, мы имеем с ней дело, и наша практика вполне успешна. Но могу ли я исключить рождение в её недрах новой Программы? Нет, мой друг, не могу. Возможно, в этот четверг на Земле родилось нечто небывшее. Вы назвали это Зверем. Но что это на самом деле? Человек, зверь, бог, книга? И чем оно станет?

Он явился, и время потекло по-другому. Может, он – порождение Земли, восставшей против нашей воли, может, творец грядущего мира или просто странник, заплутавший на тропах вечности. Он есть, но он не должен быть, или не должно всё остальное.

В те времена, когда мы начали создавать новый мир, была явлена некая рукопись, и то, что мы пренебрегли ею, возможно, было ошибкой. Нашли ли вы её?

И не была ли та рукопись Программой, вдруг начавшей разворачиваться и воплощаться? Не знаю, мой друг, не знаю...

Много лет я задавал себе вопросы: отчего миром правит слово? И если этот мир произнесён, то кто тот, кто услышал его? И что будет, если он забудет услышанное?

Что окончится в день свершения времён? Может быть, прошлое? Разве прошлое не реальнее настоящего? Ведь настоящего нет. Как может кончиться то, что исчезает мгновенно?

Может быть этот день – день ответа.

Фрагмент 12

– Это Майкл, он из Чикаго.

– Что вас сюда занесло, Майкл?

– О, конец света! Я приехал сюда, чтобы увидеть конец света.

– А почему сюда?

Иностранец погрозил пальцем:

– Меня пригласили телеграммой. Я всегда предсказывал, что это случится здесь, в России!

Документ 6.

Для служебного пользования. Группа Стоянова.

Дело «Междунетие»

Показания Л. Хоцомана, временно проживающего в пансионате «Светлый путь» г. Вышгород.

Ну что я могу сказать. Этот Ипатий довольно приятный молодой человек. Блондин, знаете. А волосы завязывал в хвостик. Так сейчас носят. Я его и видел-то несколько раз.

Хотя странности у него были. Я Вам так скажу, натуральный псих. Но интеллигентный. Очень подтянутый и целеустремлённый молодой человек. Такой, как говорится, знает, что хочет. Но со странностями.

Вы знаете, он стрелял в кошку. Из пистолета. Я тогда очень испугался. Натуральный псих и вооружённый к тому же. Знаете, эти бандюки, они всегда обколотые. Нет, на бандюка он не был похож, но иначе, откуда у него пистолет?

Я Вам расскажу, как это было. Я, вы знаете, не очень люблю кошек. Но если каждый начнёт по ним стрелять... И к тому же он промахнулся. А если бы он ещё сильнее промахнулся и в кого-нибудь попал? Вы представляете? Что? Почему я думаю, что это была кошка? Молодой человек, вы станете меня учить, как выглядит кошка? Ну да, там было не очень светло, ну а что это, по-вашему, было? Собака? Я так испугался, я думал, у меня будет инфаркт. Берёт ни с того ни с сего и стреляет! Как объяснил? Сказал, что это зверь. Нет, Вы представляете? Нет, конечно, наверное, про кошку можно сказать, что это зверь, потому что она животное. Но мы, что, были на охоте или в населённом месте?

Я так деликатно говорю, потому что знаю его дядю, он очень уважаемый человек. А что касается этого Ипы, то я Вам скажу, почему он спятил.

Я так скажу, это даже странно, что и все остальные вместе с ним не спятили, и даже странно, что и мы с вами не спятили. Включите телевизор – и больше ничего делать не надо. Всё, просто включите и смотрите! А он ещё и читал. Вы знаете, он читал местную газету, а в ней пишут страшные вещи. Я даже не понимаю, как такое можно писать в газетах, просто страшные! Вот ему и стало казаться, что он инопланетянин или, как это, контактор. А раз он инопланетянин, то, значит, может ходить с пистолетом и охотиться на кошек. Я бы сказал, логично!

Вы знаете, я больной человек, у меня всё болит. Я приехал сюда лечиться. У меня, знаете ли, путёвка. И если в моём пансионате собираются люди, которые считают себя инопланетянами и устраивают по этому поводу конференции, пусть. Но только если они не кричат по ночам, не стреляют и не читают мне свои стихи. Вот так я Вам скажу.

Документ 7.

Показания А. Арова.

Ипатий? Да ещё совсем недавно он жил в соседней комнате. Странно, что Вы спросили о нём. Впрочем, я знал. Больше я Вам ничего не скажу. Это тайна, и сроки ещё не настали. Сроки ещё не свершились. Или так: ещё не свершились сроки, чтобы открыть вам тайну. Ха-ха-ха. Угадали, я поэт. Или, правильнее, ученик этого высокого искусства, в котором всем обязан родной земле!

О Русь! Настанет день,
Когда твоё святое имя
На бесконечность прозвенит,
И тем я буду знаменит,
Что подержал тебя за вымя.
И словно молока глоток,
Во мне талант любви зажжёт
К стране и имени страны,
Что рушит козни Сатаны,
В то время,
Когда весь мир идёт на дно,
Мне было счастье дано
родиться
Пророком, вставшим от земли,
Чтоб злые козни не смогли
свершиться.

Неплохо. Да, я пророк. И Ипатий вдохновил меня на героическую поэму. Называется «Цари Эдома». О беспощадной справедливости. Хотите послушать? Жаль. Вы бы многое поняли. Мы – избранные пасти народы. Железным посохом. На нас с Ипатием лежит миссия воистину космического масштаба! Впрочем, молчу. Скоро всё сами увидите.

* * *

Документ 8

Показания И. В. Безруки.

Печаль моя глубока и небеспричинна. Все слова, когда-то сказанные, обретают плоть, и написанное становится явью. Всё, что я переживаю, было когда-то написано, и все, кто окружают меня, были сочинены. И я даже знаю – кем.

Я жаждал бессмертия, но долговечнее людей оказались лишь книги, и вот я обречён переходить со страницы на страницу. И, увы мне, я попал в бездарный роман. Слова наполняют мои дни и слова сплетают лабиринты для моего сердца. О ты, исследующий почки и сердца, за что? Но вопрос бессмыслен, я знаю, за что, и приговор справедлив. И я вечно обречён листать страницы чужих фантазий.

Знаю ли я человека по имени Ипатий? Я знал его задолго до встречи, и это знание было безрадостно. Сосед справа и сосед слева не могут быть иными. Они сочинены, и я знаю их тайну. Правда, тот, что справа, стал писать стихи, и они ужасны. От них лопаются водопроводные трубы в соседних домах и садятся аккумуляторы в проезжающих мимо автомобилях. Он говорит, что такова сила слова, но я знаю, что именно эти слова им украдены.

Тот, что слева, тоже знает, но не хочет знать, и потому прикидывается склеротиком. Он живёт так невыносимо долго, потому что товарищи обманули его и умерли первыми, и он последний должен тащить на себе тайну этого мира, пока не свершатся сроки.

Но тот, кого Вы назвали Ипатием, хуже их обоих. Его нет. Он просто междустрочный абзац, жаждущий стать предложением. Ему всё удаётся в силу его пустоты, но обрекает жажда наполниться. И потому он будет вечно бродить по построенному им же лабиринту, принимая других за себя. Однажды он самонадеянно взял вещь, которая предназначалась не для него. Эта вещь опасна. Как кинжал, поражает она всякого, кто увидит её, и открывает перед ним двери иного. Горе вошедшему, ибо ему не удастся вернуться прежним, и вдвойне горе отказавшемуся войти, ибо он оставил дверь открытой, и дующий из-за неё ветер оживит порождаемые им призраки. Такой человек опасен, и вдвойне опасен из-за того, кто встанет за его спиной.

Полагаю, мы обязаны его появлению здесь одному моему старому знакомому из Пергама. Боюсь, скоро мы опять услышим его имя. И тогда мы, конечно, сдадимся. Собственно, мы уже сдались.

Фрагмент 13

Если ночью подняться на чердак и приложить ухо к стене, то можно услышать, как воет ветер. Сначала гулко и равномерно. Только ветер. Потом начинаешь слышать топот. Мощный и грузный. Так не может идти ни конь, ни рота солдат. Так идёт кто-то пружинистый и громадный, исполненный мощи. Он идёт в ночи и трубит, сзывая свиту на бой.

И стонет земля, и стонет небо, и слышен гул шагов, спешащих на зов. Они просыпаются в своих тайных берлогах, пещерах с входами, затянутыми тысячелетней паутиной. Они жадно вдыхают ночной воздух, ловя забытые запахи. Они идут. Свора серых теней.

Ночные шаги...

* * *

Ветер вонзал порывы прямо в толщу домов, выискивая малейшие щели и трещины, протискиваясь переулками в глубинное сонное нутро кварталов. Зловеще постукивали, едва сдерживая напор, ветхие рамы, а изгнанный из домов мусор отплясывал на перекрёстках дикий воинственный танец, словно пытаясь нагнать ужас на укрывшихся за стенами.

Были пустынно, и казалось, что два тёмных силуэта шагают сквозь город, как через пустую декорацию.

– Слышь, Тигр... эта, как тебя сейчас? Лядов! Обосрались они, ицхаки твои всякие. Не верят им больше. И на зверёныша этого не надейся, ягнёнка, котёнка, не вырасти ему, люди не те. Часы надо назад перевести тыщи на три, вот что делать надо, – говорил первый, с завитою бородой. Был он древен, как сама Земля. Древен и могуч. Давно, тысячелетия назад потерял он свою власть, но не её жажду. Древний изгой небывших времён, он вновь вернулся под новым именем. Из давно замурованных забытых ходов выполз он, освобождённый по неведению ли, из шутки ли тем, кто называл себя именем сгинувшего ваала. Был он громаден и когтист, и томим древней жаждой крови, когда-то обильно лившейся на его алтарях.

– Ну что ж, попробуй, Бобус, – сказал его собеседник, и в его зелёных тигриных глазах сверкнула насмешка, – но смотри, не просчитайся. Время – опасная штука. – Ему стало печально. Время терзало тушу вечности, заглатывая день за днём. И он знал, что когда-нибудь вечности не останется, только голодное время. А раньше её было много, он ещё помнил. Её везла каждая повозка, влекомая неспешно ступающими волами, её замешивали

в раствор, слагая стены и башни, она звучала в каждой пастушьей песне. – Смотри не прочитайся, Змей. О некоторых соперниках ты даже не догадываешься.

– Да ты не беспокойся, ты мне не мешай только, я тебя прошу!

А ветер бился и завывал, как безумный.

Текст 14.

189...г.

Иэмото Ояма отбивался от пяти мастеров, на лету расщеплял лист картона, разрубал фарфоровую вазу, не разбивая.

– Ваше искусство, сенсей, воистину совершенно, – сказал князь Ито. – Во всей Японии не найти второго, подобного ему.

– Наша школа невелика, – с поклоном отвечал иэмото. – Столетия совершенствовалась она искусство фехтования, не стремясь к славе и не уделяя внимание внешнему. Оттого мало учеников. Если бы не покровительство князя, в годы подражания варварам Ваш покорный слуга умер бы с голоду. Жизнь и меч слуги принадлежат князю.

– Мой племянник Йоширо, – произнес князь, – ленив и не способен к наукам, презирает искусства варваров. Целые дни предаётся упражнениям в фехтовании. Разве если сенсей соизволил бы взять его в ученики, из него вышел бы какой-нибудь толк.

– У слуги нет детей и ему некому передать свое искусство. Ныне юноши привержены развлечениям и подражают варварам. Преданность фехтованию-кэндо между ними редка. Но если ученик не был в прошлом перерождением мастером кэндо, то на пути школы Ояма легче найти смерть, чем истинный цветок.

– Йоширо – самурай. Жизнь – плата самурая.

– Воля князя – закон для слуги.

Высоко в горах законы богов ближе законов людей. Ледяные потоки унесут в неизвестность пролитую кровь, бездонные расщелины навеки скроют тело неумелого. Лучи солнца пробьются сквозь сень вековых криптомерий, луна призрачным светом осветит их могучие стволы, тучи, спускаясь в долину, скроют древнее святилище Хатимана; но ни зверь, ни человек не поднимутся сюда по скользким тропам или убегут, едва заслышав яростные выкрики и жуткий свист рассекаемого воздуха, звон металла о металл.

Страшный и равнодушный, ходит взад и вперед в просторной бамбуковой клетке громадный уссурийский тигр, вкусивший свежей крови. Кто выдержит его насмешливо-яростный взгляд? Глаза тигра – как глаза сенсея. Нет, глаза сенсея страшней! Никто не выдержит его взгляда, подобного удару молнии из непроницаемых туч. Никто не решится бросить сенсею вызов. Как войти в клетку, не выдержав взгляда тигра? Мгновение страха, одно движение лапы: он знает, как убивать людей. Только тому, кто сильнее, позволит тигр войти. Только тому, кто уверен в победе, позволит он выйти.

Каждый день Йоширо входит, чтобы убрать клетку. Когда он вышел первый раз, ему было по-настоящему худо, ноги отказали, и Йоширо долго сидел на земле, слушая тяжелые удары сердца. Но он победил и теперь может позволить себе порой подмигнуть зверю. Главное, не расслабляться и не впадать в беспечность. Судьба предыдущего слуги, чью обглоданную голову только через три дня смогли вынести из клетки, да послужит уроком.

Каждый день Йоширо присутствует на схватке, жадно следит за каждым движением, скользит среди сверкающей стали, подает воду бойцам, перевязывает раненых. Никто не будет прерывать из-за этого сражение. Бой идет всерьёз, насмерть. Не вовремя подвернёшься, не угадаешь движение бойца – останешься без головы. Бой ведется между равными,

поэтому убитые редки. Никто не доверит Йоширо меч, но кто знает, не опасней ли его положение безоружного среди сражающихся.

Старым зазубренным мечом рубит и колет он по утрам дрова, разводит костёр, варит рис и овощи, расчищает от зарослей каждый раз новую площадку для сражения. Дважды в день спускается по скользким камням за водой к потоку, что несётся в в двухстах метрах под святилищем. Он знает, что если расплескает воду, придётся спускаться вновь. Самое страшное – пройти в конце пути с ведрами по тонкой жерди над пропастью.

В первый день лишь с двадцать третьего раза, задыхаясь, весь в грязи, с безумными глазами смог он донести до лагеря полупустые ведра. Старший ученик тогда жестоко изругал и побил его и снова послал вниз «за оставшейся половиной воды».

Только через полгода, когда тропы заledenели и подул студёный, сбивающий с ног ветер, сенсей впервые заговорил с Йоширо и приказал приносить воду в темноте перед рассветом. Скатываясь в ледяную непроницаемую бездну, Йоширо разбил голову и сломал два ребра, но был счастлив, что учитель заметил его и, возможно, скоро начнёт обучать кэндо. Он не знал, что в следующий раз сенсей заговорит с ним только через полтора года.

За два года ни один ученик не удостоил Йоширо чести скрестить с ним меч. Лишь преодолев чудовищное напряжение, не отпускавшее его первые месяцы, юный самурай смог находить свободные часы, чтобы, укрывшись в одиночестве, оттачивать со своим зазубренным тяжёлым мечом увиденные приемы.

Зато как же все были удивлены, когда измото, собравшись в дальнее паломничество, сказал, что возьмет с собой слугою Йоширо.

– Молокосос ещё не достоин того, чтобы учиться кэндо, – сказал сенсей, – но я обучу его другому искусству. В лесах на Ялу водится много цикад, пусть-ка научится ловить их.

Ученики долго смеялись такой остроумной шутке. Йоширо не знал, что и думать.

В одежде нищих взошли они на палубу смердящего парохода. Хотя Йоширо был теперь личным слугой сенсея (что было весьма необременительно), тот редко уделял ему слово, словно не замечая. В толпе сенсей растворился, стал незаметным поникшим стариком, присутствие которого обнаружишь, только споткнувшись об него. «Будто надел халат-невидимку», – удивлялся юноша. Сам Йоширо отвык от людей. Грохот, чад, толпа людей низших классов разных наций удивляли и утомляли его.

Сколь величественны и могучи леса Манчжурии, страны тигров, столь ничтожны и презренны людишки – корейцы, китайцы, русские, маньчжуры – отребье всех наций, собравшиеся сюда на лесные и золотые промыслы. В длинном низком и грязном бараке, пропахшем потом и опиумом, они, отгородясь от леса и неба, не вынося одиночества, страшась и ненавидя друг друга, ссорились и убивали по малейшему поводу и без повода.

Йоширо быстро перестал чувствовать себя стеснённым. Где бы и среди кого бы он ни был, за кого бы себя ни выдавал, он знал, что он самурай из древнего рода, племянник князя Ито и может стать учеником сенсея Оямы. Ему казалось даже забавным, что сенсей поселился в таком месте.

Приказав ожидать, Ояма часто и надолго отлучался, и Йоширо приходилось подолгу бывать одному среди подонков. Его национальность и его гордость создали ему много врагов, но Йоширо был очень силен, и его побаивались. Однажды он зашвырнул двух пристававших к нему китайцев на крышу барака, в другой раз не уступил самому здешнему заправиле Чэнь Лифу. Когда тот, играя ножом, приказал юноше встать на колени, Йоширо ударил хунхуза так, что тот упал и у него горлом пошла кровь. После этого случая Чэнь Лифу поклялся, что убьёт Йоширо.

Очень скоро юный самурай понял, сколь серьёзна эта угроза. Речь шла не о честном поединке, а о постоянном ожидании удара из-за угла или гнусной драке с толпой вооружённых негодяев. Каждую ночь Йоширо приходилось проводить в другом месте, напрягаясь от малейшего шороха, в готовности отразить атаку. Любое дерево могло внезапно упасть на его голову, любая половица подломиться, любое слово оказаться провокацией. Поведение его стало сдержанным и осторожным. Теперь Йоширо внимательно вслушивался в слова малопонятных наречий, пристально вглядывался в каждого человека, пытаясь угадать, враг он или нет, иногда неожиданно находя и друзей. Старый китаец Мао Люй тайно обучил его нескольким приемам у-шу. Громадный, устрашающего вида варвар И-ван, с всегда всклокоченной бородой, который придумал для Йоширо странную кличку «япос-ка», несколько раз помог в драке. Живущие в бараке люди больше не казались ему на одно лицо.

В те частые дни, когда Йоширо не работал на лесоповале, он уходил, пряча следы, в дремучие леса южной сопки и ловил цикад. Ярко освещённые поляны окружали непролазно заплетённые лианами дубово-ясеневые стены. Треск цикад, стоявший там в ясные дни, заглушал любой шум, но певцы были неуловимы. Если бы приказ исходил не от сенсей, Йоширо считал бы его издевательством, но теперь он подошёл к делу со всей серьёзностью. Бесшумно подкрадывался он к кустам, но цикады, прыгая, взлетали у него из-под рук. Он пытался ловить их в воздухе, приходя в ярость от неудачи. Сенсей громко хохотал, глядя на него. Тогда Йоширо вспомнил, что читал о ловле цикад в трактате «Чжуан-цзы». Там горбун «стоял, словно старый пень, руки держал как сухие ветки, во всей вселенной его не интересовало ничего, кроме цикад, и он ловил их, будто подбирал». Теперь Йоширо часами старался оставаться совершенно неподвижным, не думать ни о чем, кроме цикад, забывая о себе и о целом мире. Цикады стали изредка попадаться.

– Ты на правильном пути, Йоширо, – сказал сенсей, – но ты слишком груб. Увидев цикаду, напрягаешься, хватаешь так, что ломаешь крылья, радуешься, как будто поймал обед. Ловишь любую будто последнюю. Тело, подобное старому пню, не напрягается; сердце, подобное мёртвому пеплу, не волнуется; сознание ловца цикад, подобно сознанию цикады, вольно скользит за цикадами, не возвышаясь над ними, постигает их пути. Душа исполнена нежности, воля тверда как нефрит. Стань ровень с травой и деревьями, и цикады не будут тебя бояться.

Через несколько месяцев Йоширо научился неподвижно стоять целыми днями, преодолев сонливость. Теперь, даже когда он позволял сознанию скользить свободно, оно само не отвлекалось от наблюдения за цикадами. Однажды в конце октября, когда он, замерев, стоял у края поляны, его тело внезапно отпрыгнуло в сторону, через секунду раздался выстрел, пуля ударила в дуб, у которого он только что был. Через мгновение юноша скрылся в высокой траве. В душе его не отразились ни страх, ни ненависть, ни жалость к себе, наоборот, им овладело необыкновенное спокойное, отстраненное состояние и необыкновенно ясное и отчётливое, не замутненное ни бегущими мыслями, ни эмоциями сознание. Переждав, он спокойно вернулся в лагерь. Это состояние сохранялось у Йоширо несколько дней. Все мысли и мотивы виденных им людей были ясны как на ладони и не вызывали теперь ни страха, ни презрения.

На третий день Чэнь Лифу в окружении свой своры сел играть с кости с хромым Фэном – сотником из банды Чжана. Чэнь играл часто, не любил проигрывать, и ему почти всегда везло. И в этот раз он вскоре стал выигрывать. С безграничным спокойствием и уверенностью Йоширо подошел к играющим. Раздвинув оцепеневших прихвостней Чэня, поднял брошенные кости и раздавил их в кулаке. Среди костяных обломков оказались металлические шарики – Чэнь мошенничал. За мгновение до того, как хунхуз вонзил бы нож в его сердце, Йоширо перехватил его руку и, крутанув, швырнул его в сторону. Брошенное тело с треском пробило ветхую стену барака и рухнуло в выгребную яму. Более в этих местах

о Чэнь Лифу не слышали. Весь барак стал относиться к Йоширо с подобострастным почтением. Через неделю сам Чжан прислал Фэна позвать такого молодца сотником к себе в банду.

Сенсей сказал: «Я вижу, ты научился ловить цикад, и больше нам здесь делать нечего».

Наконец, настал день, когда Йоширо смог надеть чёрный пояс ученика. С глубоким благоговением он достал меч своего отца и с этого времени участвовал в учебных поединках. В древнем святилище оставалось не более двенадцати учеников сенсея, большинство из которых были мастерами. С четырьмя младшими учениками сенсей занимался особенно тщательно. Каждому он давал и особое задание. Например, Йоширо заставлял ночевать в утыканной гвоздями бочке, раскачивающейся на ветвях дерева. Не напороться на гвозди можно было, только угадывая каждое движение бочки и придавая телу нужное положение. Долгое время Йоширо ходил весь израненный и засыпал днём, но через пару месяцев научился спать в бочке – тело автоматически уклонялось от острых шипов. Преуспел Йоширо и в упражнении «тень», когда требовалось мгновенно и максимально точно воспроизвести малейшее движение партнёра. Постепенно он научился за мгновение угадывать это движение и воспроизводить его одновременно, как в зеркале. Поединки сенсей любил устраивать в необычных местах: на маленькой площадке над обрывом, на ветвях дерева, на бревне над пропастью. Исход решало не столько умение, сколько бесстрашие и хладнокровие.

Часто Йоширо вспоминал то состояние, которое позволило ему победить Чань Лифу, и пытался воспроизвести его. Сначала безуспешно, но затем оно стало приходить естественно, независимо от намерения в период максимальной опасности. Впервые это произошло, когда он упал с бревна, повис вниз головой над пропастью, привязанный к нему за ногу тонкой веревкой.

Вскоре в необычных поединках ему не стало равного, и он смог обходиться без страховки.

Сенсей учил его не подавлять страх и ярость, а использовать их, концентрируя в той или иной точке на периферии сознания, но в глубине всегда сохранять спокойствие. Сенсей говорил, что тело воина должно измениться, чтобы научиться впитывать энергию земли, закручивать её вокруг себя в непробиваемый кокон. Для этого тело нужно питать особого рода пищей. Эта пища включала в себя не только диету, но и вдыхание определенных запахов, внимание мантрам и особой музыке, созерцание звёзд и пейзажа, определённых мест в горах, ванны, массаж, ежедневную двухчасовую сидячую медитацию – пищу для сознания. Через два года ученик должен был пройти испытание на звание мастера. Кроме обычных поединков с мастерами, измото назначил новое испытание. Безоружный кандидат должен был стоять, держа в руке чашу, полную воды, а испытующий, прохаживаясь вокруг, бил его кнутом. Прекратить это можно было, только взмолившись о пощаде или, поймав кнут за кончик, выдернуть его из рук палача, при этом не расплескав воду. Каждый удар будил в сердце неконтролируемую обиду и ярость. Ни один ученик, кроме Йоширо, не смог выдержать этого экзамена.

Пройдя испытание, он стал мастером кэндо третьего дана. Вечером сенсей призвал его к себе и сказал:

– Старший из моих учеников Арита – мастер 8-го дана. Из 240 внешних и 60-ти внутренних приемов боя нашей школы нет ни одного, которым бы он не владел в совершенстве. Но, тем не менее, он не может стать непобедимым и не наследует мне как новый измото, пока не получит священный меч Огоросукэ, что хранится в святилище. Этот меч не сделан людьми. 340 лет назад его подарил основателю нашей школы Ояма Рюиске сам бог Хатиман. Владеющий этим мечом воистину непобедим и нет достойного ему противника ни на небе, ни на земле. Благодаря владению этим мечом я считаюсь величайшим среди мастеров кэндо

в Японии и не думаю, что найдётся равный мне среди китайцев или варваров. Но я не волен распорядиться этим мечом. Сколько я ни взывал к нашему божественному покровителю, ками Хатиман не дал знака, что великий мастер Арита достоин его. Теперь я думаю, не станешь ли достойным его ты? По части знания приёмов тебе далеко до Ариты, но я считаю, что обучил тебя достаточно. Пусть отныне мир станет твоим сенсеем. Через шесть лет я соберу всех учеников и вручу избраннику Хатимана меч Огоросукэ. Если он и впрямь будет достоин его, то сумеет победить Ариту. Победитель будет усыновлён мною и станет 15-м измото, когда я покину мир. А теперь иди.

С глубоким почтением и благодарностью склонился Йоширо перед сенсеем и ушёл в мир. Вскоре его призвали в армию.

Три года прослужил Йоширо, из них год провёл на войне – связным с поступившей на японскую службу бандой Чжана. Несмотря на ставшую легендарной храбрость, он ни разу не был ранен. Йоширо стал старшим фельдфебелем и был награждён орденом Восходящего Солнца.

Он видел, как пулемет выкашивает цепи героев, как снаряды разрывают на куски мастеров дзюдо. Он видел удивленные лица убитых, так и не понявших, что случилось, и поезда, набитые тысячами раненых и изувеченных. Гнев и сострадание поселились в его сердце. Ни на мгновение не поколебалась его воля и преданность императору, но человечество и его законы опротивели ему. Уволившись в запас, он не вернулся домой, а поселился отшельником в горной хижине. Не скоро мог он без отвращения глядеть на человеческое лицо, и лишь когда к нему вернулся покой более глубокий и неодолимый, чем прежде, он отправился странствовать, по-прежнему избегая людных мест. Старая кожа как будто слезала с него, и он видел и ощущал всем телом природу с новой пронзительной ясностью. Уши его слышали малейшие шорохи, и сознание мгновенно отзывалось. Они больше не были бессмысленны, каждый открывал свою тайну, и вместе они сливались в единую мелодию леса. У Йоширо будто появился какой-то новый орган, с помощью которого он мог выхватывать из этой мелодии каждую партию и в полной темноте следить за всеми подробностями: как неспешно обходит лес барсук, как мечется летучая мышь или охотится дикая кошка. Каждое дерево, каждый червяк вели свою битву и гибли тысячами ежечасно, но вместо диссонанса кровавой бойни Йоширо слышал симфонию жизни. У камня, катящегося с горы, у цапли на болоте, у всех были свои приёмы боя, и Йоширо почтительно учился им.

За всем сущим он угадывал и не мог постичь непостижимого воина, битвой которого был весь мир. С несокрушимой твёрдостью менял тот времена года, с неотразимой мягкостью вел каждое существо по намеченному пути, никого не принуждая, но никто не в силах был противостоять ему.

На священной горе Фудзи, забывшись глубоким сном без сновидений, он ощутил что-то вроде мощного толчка и последовавшее за ним лёгкое парение. Светлый и радостный, летел он в беспредельном пространстве, и тысячи картин мгновенно сменялись перед его взором. Всё быстрее и быстрее был полёт, бесчисленные картины слились в бешеном вихре, и когда скорость стала казаться бесконечной, вихрь застыл, и превратился в несокрушимо твёрдый кристалл, исполненный скорости и невыразимо мощной энергии. Йоширо летел прямо в этот кристалл и абсолютно спокойно думал, что сейчас его разорвёт на части и распылит по Вселенной. Но, оказавшись внутри кристалла, окунулся в поток невыразимой нежности и свежести – и проснулся. «Я опять заснул, – подумал Йоширо, – и, вместо целого, опять стал пылинкой».

На глади скалы перед его глазами первые лучи солнца высветили полустёртую руку Бодхисаттвы, сжимающую ваджру. Йоширо обратился в сторону восходящего солнца и,

исполненный бесконечной благодарности, опустился на колени, слёзы текли по его щекам. Он понял, в чём заключалось искусство непостижимого воина.

Найдя в горах полуразрушенное святилище Хатимана, Йоширо поселился у его стен и привел храм в порядок. Двадцать один день предавался он строгому посту и прерывал медитацию только для короткого сна и молитвы. Даже закрыв глаза, он видел перед собой скульптуру Хатимана, постепенно ожившую и наполнившую все вокруг сиянием. Вновь и вновь обращался он к kami с просьбой о покровительстве. Наконец, божество разверзло уста и приказало ему идти к Сорочьему мосту у Ивовой заводи. Подкрепив силы, Йоширо немедленно отправился в путь.

Был час первой звезды. Над рекой ступались прозрачные сумерки, тянуло влажной свежестью. Густой теплый воздух, не перемешиваясь, лежал пластами. Древний мост сомкнулся овалом со своим отражением. В далеком храме отстранённо гудел колокол. На другом конце моста Йоширо неподвижно ожидала закутанная в плащ фигура. Но вот плащ отлетел в сторону, блеснул меч. Перед самураем стоял сам Хатиман, вызывая его на бой.

С глубоким смирением и почтением Йоширо принял вызов. Когда поединок закончился, над серой водой зазвенел голос kami:

– Йоширо, я принимаю тебя под свое покровительство. Отныне, с кем бы ты ни скрестил меч, твоим противником буду я. Я не причиню тебе вреда, а ты не сможешь убить меня, ведь я вечен. Я – воплощение Будды Махавайрочана, и нет существа, которое бы не обладало его природой. Любой поединок будет продолжением этого. Так будет до последнего боя, когда ты встретишь настоящего противника. В тот день я буду на твоей стороне.

Через два дня, не сказав ни слова, сенсей с поклоном вручил ему меч Огоросукэ и назавтра, в присутствии всех мастеров школы Ояма и измото других школ кэндо, Йоширо в поединке одержал верх над мастером девятого дана Хобуко Арита и был усыновлён сенсеем Кэндзи Ояма. Волшебный меч Огоросукэ был торжественно помещён назад в святилище. Йоширо Ояма знал, что, где бы он ни находился, меч всегда будет с ним.

* * *

Много ночей измото Йоширо Ояма снился один и тот же сон. Ему снилась мандала. Три холма с раздвоенными вершинами окружали зелёный прямоугольник. Над правым холмом было солнце, над левым луна. В центре мандалы Будда Вайрочана держал ваджру и белого сокола. Четыре Локапала по сторонам от него, сходные как зеркальные отражения, застыли в напряженных позах, попирая каждый по поверженному врагу. У подножия лотосового трона голубел неправильный круг.

Никогда сенсей не видел ничего подобного. Он зарисовал мандалу и показал настоятелю Рёкану. Тот заметил, что это неканоническая тантрическая мандала и что она могла быть явлена как указание пути самого измото. Тогда Йоширо приказал вышить мандалу щёлком и не расставался с нею никогда. Спустя год её отобрали у него при обыске.

События этого года были важны для измото. Мир стал текуч, и Йоширо почувствовал, что больше не контролирует события, а течёт в их потоке. Решения сами приходили извне, откуда-то из пустоты, и были единственно верными. Голова была пуста, вещи и люди казались движением теней. Иногда измото ловил себя на том, что не осознавал, что с ним происходило в предшествующие минуты. И казалось, что именно в эти минуты происходило что-то неизмеримо важное. Но как ни пытался, не мог вспомнить – что. Все долго тянувшиеся дела сами подходили к концу. Школа была передана в надежные руки, умерла долго болевшая жена. Явно завершалась, хотя и печальным образом, война.

Йоширо перестал противиться ходу вещей, он полюбил спать. Во сне он, казалось, приближался к тому, что было непонятно днем. Он понимал, что в этой жизни не сделано ещё что-то важное, и если это не сделать, то придется ждать ещё долго, когда подвернется такой же случай. Поэтому он не покончил с собой, когда услышал обращение императора к нации об окончании войны и не сопротивлялся русским солдатам, которые пришли брать его в плен. Оружия при нем не нашли.

В сменяющих друг друга камерах он ухитрился спать сидя и даже стоя. Он видел во сне давно умерших людей – сенсея, Ариту, жену, всех побеждённых противников – и благодарил каждого. Снова стала сниться мандала, но уже не как рисунок, а как пейзаж: двуглавые холмы, луг, почти круглый пруд, старая сосна и гнездо белого сокола над ней. Он видел его во всех деталях и подробностях. Видел мощные энергии, стекавшие с холмов и завихрившиеся вокруг пруда и белого сокола – царственной птицы с неистовым взглядом. Это место само притягивало Йоширо, и он знал, что приближается к нему и рано или поздно окажется там. Последними он встретил во сне отца, мать, князя Ито и тигра, который приветливо ему подмигнул. Больше Йоширо снов не видел. Зато стал видеть приснившееся ему место наяву сквозь стены старой Вышгородской тюрьмы. Тогда он понял, что настало время действовать. После долгого молчания на допросах, он неожиданно заявил, что готов сотрудничать и передать особо ценную информацию, но не иначе, как одному из высших чинов госбезопасности.

В тюремной машине, одним взглядом погрузив охрану в глубокое беспамятство, выбил дверь и скрылся в лесу.

Место тянуло его, как магнит. Он шёл напрямик, зная, что ни одна собака не решится идти по его следу. Под сосной его уже ожидал настоящий противник. Йоширо положил руку на эфес. Меч Огоросукэ как всегда был с ним. Улыбнувшись, он узнал противника и помахал ему рукой. Впервые более чем за 30 лет он видел перед собой лицо человека, а не бога. Со звоном скрестились мечи.

Никогда не попадался Йоширо столь серьёзный противник. Дух его был несокрушим как нефрит, тело легко и подвижно как тень. Йоширо понимал, что противник непобедим, но знал и то, что должен победить, поскольку это был единственный путь к свободе. Затлела, запыхала трава под ногами сражающихся, белое пламя взметнулось вверх по стволу сосны, с криком взлетел белый сокол. Противник всё ближе прижимал Йоширо к бьющему из-под земли фонтану энергии, стремительной и неподвижной, несокрушимой как ваджра... как ваджра. Внезапно он понял: невозможно победить того, кто не существует. Волна безграничного сострадания к столь безнадежно несуществующему противнику захлестнула его. Волшебный меч последний раз сверкнул в его руке, и отрубленная голова врага покатилась по поляне, а тот, кто недавно называл себя именем Йоширо, улыбаясь, вступил в поток несокрушимой, как ваджра, энергии.

Документ 9

Совершенно секретно

т. т. Молотову М. В., Кузнецову А. А., Абакумову В. С.

от личного представителя министра госбезопасности в Вышгородском управлении МГБ

полковника Астахова М. В.

Японский подданный, военный преступник полковник Йоширо Ояма, он же Йоширо Ода, двоюродный брат премьер-министра Японии, совершивший 12.10.46 г. побег из-под стражи, обнаружен мёртвым и обезглавленным в урочище Александров Погост близ деревни Пруссы, Вышгородского района.

Поиск лиц, причастных к побегу и убийству Й. Оямы, продолжается.

Глава 6. Свершилось

Фрагмент 14

Никто не услышал, как протрубил ангел.

В тот вечер люди спокойно глядели в телевизоры и видели, что в мире всё идёт как обычно: В результате наводнения в Бангладеш два миллиона человек оказались перед угрозой голодной смерти, в Центральной Америке произошло очередное землетрясение, а на Камчатке разбился очередной вертолёт. На границе Афганистана моджахеды вырезали какое-то племя (впрочем, нет, об этой маловажной новости почти никто не сообщил). В Битцевском парке неизвестного вида кузнечик укусил мальчика, с сильным воспалением пострадавший был доставлен в институт Тропической медицины. В Москве появился очередной маньяк. Главная интрига дня: Светлану Галкину снова видели в обществе Максима Сорокина. Что бы это означало? В вечерние часы возможен туман.

Фрагмент 15

Человек шёл по улице и пел. Он был пьян, но как раз в самую меру.

– Очень скверная погода, да, ужасная погода, ха-ха-ха! – ему было очень весело.

Над канавами курился туман. Вылезая откуда-то из-за мусорных баков, он разлился озёрами по низинам, затопил речную долину, превратив её в могучий белый поток.

– Да это облака! Ей богу, облака! – внезапно осенило человека, и он захохотал, страшно довольный своим открытием. – И очень даже просто, совершенно даже просто, – приговаривал он, переваливаясь через перила моста прямо в белый туманный пух, и почему-то не провалился, а поплыл над рекой, несомый медленным белёсым течением куда-то к дальним кустам.

– И ни хрена, ни хрена тебе! Всё врут, всё! – безапелляционно раздавалось всё дальше и дальше, а потом из тумана донеслись далёкие звуки песни.

«Началось, вот оно, началось, – тоскливо подумал Матвей Бесштанов, провожая взглядом проплывающие клочья тумана. – Вот оно, оно самое».

От жалости то ли к себе, то ли к чему-то важному и нужному для него в мире, ему захотелось заплакать. Он крепился и шмыгал носом, сжимая лежащие в кармане ключи от машины, и вдруг понял, что ему до боли жалко мироздание, такое надёжное, такое предсказуемое, то самое, с которым он бодался столько лет, выискивая в нём лазейки, через которые в жизнь вползает сверхъестественное и необъяснимое, и даже сделал себе на этом имя.

Внизу в тумане кто-то шёл, громыхали телеги, приглушённо ржали лошади. «Идут, – пробормотал краевед, – идут», – и заплакал в голос, по-детски, надрывно, сидя на мосту и вцепившись руками в перила.

Текст 16

Молла Халед сказал: «Эти кяфиры недостойны жизни. Ни один из них».

Тогда Рахимбек сказал: «Я спасу вас. Я увезу вас в город, где нет звёзд».

Закир-ага сказал: «Никто не возьмёт её замуж, она одержимая».

Азиза-ханум сказала: «Не трогайте её! Она дочь моей сестры. Она принесёт нам удачу».

А Ахмед засмеялся. Почему засмеялся Ахмед?

Да, в этом городе не было звёзд. Даже когда не шёл дождь и небо не застилали страшные светящиеся облака.

Когда Зейла видела эти облака, ей хотелось закрыть глаза от страха. Ей не с чем было сравнить их цвет, призрачный и жуткий. Сотни белых и жёлтых огней бросали лучи мёртвого света, не смешивающегося с темнотой. А в бездонном провале пространства, у самой земли – огоньки: красные, синие, зелёные. Даже красиво.

Город лязгал, гудел и скрежетал, пах тысячами запахов. Мазут, пыль и железо. И вместо земли под ногами железо и камень-асфальт, гладкий, серый и плоский, долго удерживающий тепло солнца и впитывающий холод дождя.

Гяуры, подобные теням, двигались нескончаемым потоком и глядели перед собой пустыми глазами, сливались с лязгом и дождём, и беглецы переставали их замечать.

И когда шум стал тишиной, Зейла слышала голоса духов. Незнакомые голоса, не похожие на голоса гор. Первый был гудящий и дребезжащий, прерывистый и жуткий. Голос, стучащий в висках, рвущийся из рук и сдирающий кожуру. «Я-я-а, – гудел он, – я голос замурованных заживо. Я ждущий, я следящий за всеми. Моя ненависть терпелива. Я корень, живой корень засохшего дерева, я червь, великий червь ночи. Я здесь под каменным щитом, я здесь, я жду».

Второй сухой и жестяной, привыкший властвовать: «Я ум, я совершенен-шенен-шенен... Этот город – мои щупальца, мои железные щупальца. Я раздавлю вас, если вы попадёте мне на глаза. Я расту, я заполняю весь мир, слушайте, что я скажу, слушайте...»

И тысячи шуршащих голосов отзывались: слушаем, слышим, слышим...

Зейле хотелось плакать и кричать от ужаса. Голоса ползли за ней как змеи, и тогда она начинала песнь. Люди глядели на неё со страхом и пытались заставить замолчать, и она пела тише, почти не слышно. И только старый Ахмед слушал и кивал головой. «Пой, – говорил он, – пой, ибо о чём ещё осталось петь людям, которые убежали от самих себя?»

И люди молчали и думали, что старик рехнулся.

Пока шли дожди, ходить по земле было очень холодно, и они кутались в одеяла и закрывались плёнкой. Но потом тучи разошлись, и стало понятно, что здесь тоже есть солнце. Людям надо было есть, и женщины пошли просить милостыню.

У гяуров много денег, и если попросить, они могут дать немножко. Но они очень жадные и редко подают, а иногда кричат злыми голосами что-то обидное. Их бесстыдные девушки не подают никогда. Но старые женщины подают.

Зейла стала глядеть на них, и одни были плотные и серые как асфальт, другие белые и пористые, были мягкие как облака, эти подавали, если замечали. И вот однажды она увидела что-то большое и зелёное, и оно смеялось, и Зейла поняла, что его зовут Натаха. Она говорила что-то по гяурски, но Зейла всё понимала, и они вместе смеялись и летали. В те дни, когда они летали, людям способствовала удача – добыча была обильна, и мужчин били не сильно.

А ночью, когда люди, дрожа от страха, прятались от злых духов и гяуров, Зейла пела. И тогда Ахмед заставлял её глядеть в зеркало и задавал вопросы. Страшное и непонятное открывалось там, и она билась и дрожала, а Ахмед держал её и спрашивал. А старики слушали и закрывали глаза руками. Смерть и кровь, кровь и смерть.

И настал день, когда Ахмед сказал: «Всевышний отвернулся от нас и нет нам возврата. Мы должны стать частью этой земли и умиловить её духов. Зейла поможет нам». И люди плакали, закрывая лица руками.

И настала ночь ночей.

И люди шли туда, где ночь свила своё гнездо. Они исчезали в темноте и забывали себя. Ночь вела их тропами предков, туда, где духи зажгли костры у врат деревьев. И в небе горели звёзды. Город, призрачный город без звёзд растаял в их свете, как туман, и земля снова слушала своих детей.

Это её ночь. И Зейла запела первую песнь – Песнь смерти: «Ночь, это ночь смерти, ночь пожрала город. О-оо! Нет больше города и гяуров. Ночь, это ночь смерти, она пожрала людей. О-оо! Она пожрала Ахмеда и Зейлу, и Закир-агу, всех пожрала ночь. Нет больше людей, не осталось никого. О-оо! Всё стало совсем пусто. О-оо!»

И ночь пожрала людей, и не стало ни Ахмеда, ни Азизы-ханум. И когда их лица уплыли, родилась луна.

И в её лучах мир стал юным и свежим, только что испечённым и родным, и Зейла запела песню предков, или голоса предков запели в ней?

«О-ооуоо! мы предки, мы вечны. Ооо-уоо! мы молоды, мы вернулись, мы никуда не ушли, мы пришли навсегда. О-ооуоо!»

И все знали, что это правда. Предки вернулись, и люди воскресли и стали предками. Они родились заново и обрели вечность.

И Зейла запела песнь духов, и страшная это была песнь, ибо духи слышали её и стали подпевать.

А люди кричали: «О духи, придите, о духи, примите нас, о духи, примите наши дары!»

И духи сходили. Перед синим светящимся глазом Духа Города были зарезаны два барана, и кровь их стала кровью земли. А люди и духи плясали и пели: «А-АА!»

И Зейла закричала: «Дух, великий дух, прими нас, возьми меня!» – Её сотрясала дрожь, она чувствовала, как великая сила подходит к ней и, разрывая на части, входит в низ живота. Она билась и видела тысячи костров, запалённых гяурами, и гяуры кричали: «Дай, дай, дай нам нашей лжи! Мы любим её. Мы хотим её, мы принесём её в жертву!» И маленький костёр, зажжённый предками, был почти не виден. «А-аа! – закричала Зейла – О Великий дух! остави их хоть на мгновение, загаси их огни! Звёзды должны гореть на небе, а не на земле! Дай им увидеть небесные звёзды! А-аа!» – и синее пламя вырвалось из её груди, и погас синий глаз, и горел одиноко костёр, и горели звёзды. Лишь одна зелёная звезда осталась гореть на земле. А люди плясали и пели.

* * *

Фрагмент 16

В городе творилось что-то неладное. На окраинах это почти не чувствовалось, но в центре всюду появились незнакомые лица. Как будто его незримо оккупировала незнакомая орда. Жители старого города всегда считали пристанционных малость помешанными, но теперь они просто боялись туда ходить. Раньше глянешь в лицо прохожему и знаешь – вот свой, а теперь заглянешь, а там – ладно уж нерусский, а то и вовсе лицо какое-то не людское.

А свои стали куда-то исчезать. Иногда исчезали прямо из квартир, чаще на улице. Выходили и не возвращались. И что самое страшное, никто не мог их потом вспомнить – ни как звали, ничего. И искать не искали.

Заговорили человеческим языком кошки. К одной старушке кот подошёл прямо на лестнице и сказал: «Трактовки не однозначны». Что он имел в виду, было решительно непонятно, но от этого ещё страшнее.

Иные ждали потопа, но когда дожди вдруг прекратились, решили: не к добру.

Город набухал тревожными событиями, размывался неопределённостями. Ипатий ждал, ждал напряжённо, сознательно, бодрствуя, питаясь нюансами слухов, храня готовность.

Всё переменялось, переменялось мгновенно, в одну ночь. Всю ночь слышались странные звуки, как будто шёл дождь. Но было душно, кружилась голова. Он открыл окно и услышал, нет, даже не услышал, а догадался, что мир тает. По столу ползали тени, чёрные, жирные и страшные. В лицо ударил плотный душный ветер. Тени разбежались, затаились по углам, и слышно было, как, чавкая, растекается твёрдая материя бытия.

Утром он не сразу решался выйти наружу.

Двор заливал жёсткий лабораторный свет. Было как-то непривычно пусто и бесприютно. Подняв ведро из колодца, он долго жадно пил. Открывая калитку, на мгновение зажмурился, готовясь увидеть небытие.

Но трава была зелёной, асфальт серым, автобус красным. И он впервые испытал страх. Сперва незаметный, сосущий где-то под ложечкой, потом стремительно нарастающий, доводящий до дрожи. Он недоверчиво щупал траву, асфальт... Зачем?! Оставить пустую старую декорацию, в надежде, что кто-то обманется и ничего не заметит? Какая садистская гнусность!

Он заметался. В отчаянии бил кулаком по зелёному забору, пока не расшиб руку, побежал по пустым улицам, внезапно меняя направления. Где-то, ну где-то же наспех сляпанная декорация должна была показать изнанку! Да как они посмели, украв мир, бросить его здесь в этом кукольном домике!

Он петлял как заяц, заглядывал в подворотни, пытался припомнить номера домов...

– Вы что-то ищете, сэр? – спросил дворник в элегантном зелёном фраке. Ипатий остановился как вкопанный, погрозил кому-то в пустоту кулаком, и обессилено, спотыкаясь на каждом шагу, пошёл к дому. Слышно было, как падают яблоки, и жизнерадостный дворник сметает обрывки старых газет, напевая тенором Марсельезу.

Фрагмент 17

– Мне страшно, – сказала Фира, – мне всё время кажется, что я умру. А ведь это совершенно невозможно! – она даже засмеялась от нелепости такого предположения.

– Тук-тук-тук, – ответил дятел, он хотел сказать, что тоже никогда не умрёт, потому что это совершенно невозможно.

Будда промолчал. Он никогда никому ничего не отвечал, все сами приходили к нему со своими ответами.

– Не бойтесь Фира, я Вас спасу. Я Вам обещаю, – серьёзно сказал дядя Женя.

– Нет, у Вас не получится, – печально промолвила Фира. – А Вы-то что молчите, Зверь? – недовольно спросила она, поворачиваясь к зеркалу, – раз уж я Вас выдумала, могли бы быть и повежливее!

Зверь уже давно перебрался в зеркало и стал малообщительным, и Фира подозревала, что он давно слинял, оставив только своё отображение. Такой же, как все мужики.

Фира закурила и полезла выяснять отношения:

– Молчите? Да кто Вы такой вообще?

– Я не знаю, – сказал Зверь, – иногда мне кажется, что я – это вы все. То есть, я хочу сказать, когда-нибудь вы все станете мною.

– Тук-тук-тук, – ответил дятел. Наверное, он хотел сказать, что он-то уже кто-то.

А Будда понимающе кивнул. Но трудно сказать, то ли от мудрости, то ли из сострадания...

– Наверное, я всё-таки умру, – сказала Фира.

– Никогда не говори таких вещей, Фира! – сказала Елена Аркадьевна. Она не выносила разговоров о смерти.

* * *

День наплывал полудохлой сонной камбалой.

Фира поглядела на часы – они стояли.

Тени стульев стали длиннее комнаты.

Лицо Зверя застыло в зеркале.

Солнце застыло на подоконнике

Вода застыла в вазе.

И Фира вдруг почувствовала, что она вся снаружи.

Внутри у неё больше никого не было.

Там было темно и тихо. Там стояли часы, и только сердце отбивало навязанный ритм.

Окна плакали. Дым из трубы был пушистым как кролик. Она глядела и не понимала, потому что глядела на себя снаружи.

«Ой!» – подумала она.

– Ой! – сказал манекен Фиры.

– Я – подсолнечник, – сказал подсолнух

– Я – дом, – сказал дом.

– Наверное, я город, – сказал Зверь.

– Я – трансцендентальный субъект, – сказал проходивший мимо субъект.

– Какой ужас! – сказала Фира.

Она вышла во двор. Во дворе было никак. Там стояла Синяя Дама и кормила воробьёв.

– Доброе утро! – сказала Фира.

– Доброе утро! – сказал манекен фальшивым голосом.

Воробьи толпились вокруг Синей Дамы как серенькие цыплята.

– Девочка, – сказала Дама, – это не воробьи, это души хороших людей.

Небо стало дождливым, деревья ниохлились. Зверь вылез из зеркала и стал совсем похожим на кота с рожками. Он всё уменьшался и уменьшался, и Фире стало его жалко. «Наверно, это потому, что ему есть нечего, – печально подумала она – это потому что все злые».

Появилась Елена Аркадьевна с чайником и стала заманивать туда Зверя.

– Не говорите глупости Фира, это никакой не зверь, а мой пропавший жилец, который не заплатил за квартиру. И фамилия его Николаенко.

– Девочка, – сказала Синяя Дама, – Вы не хотите стать богиней? Это почти не больно.

– Нет, – сказала Фира. – Я – это я, и я и так тут самая главная, – и перевернулась на другой бок.

Текст 17

Интересно, что будет, если повеситься? Фу, какая гадость! Травиться газом, по крайней мере, более эстетично. А ещё можно зарезаться в ванне. Брр! Но она же старинная, с колонкой, это её придётся дровами топить... И вообще уже хочется цивилизации. Кажется, пора назад в Москву. Хотя там никто не ждёт... Ну, это исправимо. За мужиками дело не стоит. Надо только поддерживать себя в форме!

Фира энергично вскочила с дивана и сделала 4 приседания. Из зеркала печально смотрел ночной гость. Ту-ту! Крыша в пути! Одно непонятно, зачем люди колются, дрянь всякую глотают? Что, вот ради этого? Был у Ипы сосед – Буба. Продвинутый, вааще! На последней стадии. Сам говорил, куда ни пойдёт, за ним везде двое чёрных. Жуть! Потом, говорят, от передоза кони двинул.

А так-то насколько дешевле! Одно непонятно: нафига?

Умывшись холодной водой (горячей, конечно, не было), Фира раздвинула занавески. На фоне набухшего дождём неба уныло маячили две одинаковые чёрные фигуры.

– А-аа! – Фира отпрыгнула, как ошпаренная. Приехали... Агенты Смиты. Как у Бубы! Доигралась...

С пятой попытки отодвинув щеколду, она, скуля по-щенячьи, выбралась в коридор, и по стенке добравшись до соседней двери, подвывая, заскреблась.

– Та-ам, Смиты! Чёрные! Как у Бу-бы!

Открывший дверь Евгений был полностью одет и отстранён.

– Да, я знаю, Фира, но Вы не волнуйтесь, это за мной.

– То есть, как за тобой?!

Одного этого сообщения было достаточно, чтобы Фира, мгновенно придя в себя, ошалело уставилась на Евгения.

Смиты пришли за тихим интеллигентным очкариком Женей, похожим на доброго китайца?!

– Ну, так беги! Спасаться ж надо!

– Не надо, – мягко сказал Ши, – от них не убежишь. Вернитесь, пожалуйста, к себе, я знаю, что делать.

– Но я никуда не уйду. Мне страшно!

– Уходите, пожалуйста. Я прошу Вас.

По стеклу забарабанили капли, и сразу, без предисловий, обрушилась плотная водяная стена.

Всё с той же позабытой на лице улыбкой, Евгений отворил окно и вылез наружу.

* * *

Ипатий ненавидел этот город. Почти так же сильно, как теорию Эйнштейна.

Весь покосившийся, кривой, заросший, с облезлыми колоннадами, двориками и оврагами, пропитанный миазмами старения. Абсурдный. А это значит, не имеющий права быть.

В своей жизни Ипатий пережил два разочарования: первый раз в советской власти, когда она пала, а второй раз в людях, когда от него ушла жена. Первое разочарование было сильнее. Вместе с верой в советскую власть в нём рухнула вера в науку и в правду. Он понял, что мир построен на обмане. Но веру в разум и логику он не потерял. Напротив, он ещё яснее понял, что за всем сложным и запутанным, туманным и абсурдным, всегда скрывается что-то очень простое – чьё-то стремление к власти и шкурные интересы. И он решил, что его больше никто не проведёт. Он разберётся в том, кто же правит этим миром. Нет, не для того чтобы вывести их на чистую воду, а для того чтобы оказаться в стане победителей. Это Ипа решил для себя твёрдо. Из всех конспирологических теорий ему больше всего нравилась гипотеза об инопланетянах. Разумных, рациональных, технически мыслящих. Напускающих туман ради своей чрезвычайно простой цели. Он знал, что зарывшись во всякого рода тёмные истории (а это он сделал своей профессией) он, в конце концов, дороется до них и уж тогда сумеет доказать свою полезность.

И он поймал свой золотой шанс. Почти. Он встретил Их. А остальное – просто издержки, даже если ещё придётся просидеть целый месяц на болоте или в этом чокнутом городке. Только не быть брошенным как ненужная игрушка. Теперь он понял, что необходимо сделать.

Когда Ипатий, наконец, увидел нужный дом, то не почувствовал ничего, кроме опустошённости. Попытался собраться. Да, это здесь. Вот крыльцо. Зарычала собака. Ипатий достал пистолет. Поняв, что его не остановить, кобель, скуля, забился под крыльцо. Застонали ступени, заныла дверь, пахнуло из глубин опилками и яблоками. Длинный полутёмный коридор. Дежа вю. Первая дверь. Не здесь. Вторая полураспахнута. Пусто. Третья...

* * *

Вцепившись в подоконник, мгновенно промокнув Фира отчаянно всматривалась в серую завесу ливня. Что они там делают? Вот Евгений неуклюже, словно вразвалку, приближается к чёрным фигурам, делает странный жест, кажется что-то говорит. Смиты поворачиваются к нему, идут на сближение.

От внезапного сквозняка створка захлопнулась, и её грохот, казалось, сотряс весь дом. Это открылась дверь в коридор. На пороге стояла, прицелившись Жене в спину, ещё одна фигура. Издав крик раненой львицы, Фира схватила цветочный горшок и метнула его в тёмный проход. Грянул выстрел.

* * *

Ипатий увидел, как атакующий, заваливаясь, медленно оседает на пол. С грохотом захлопнулась за спиной дверь. Распахнувшаяся рама наполнила комнату водяной выюгой. В луже у окна, неприлично оголившись, лежала молодая женщина. Не тот. Пропал, пропал, теперь тюрьма... В коридоре кто-то кричал бабьим голосом, пытаясь отворить заклинившую дверь. Комната закачалась, выныривая деталями. Дырочки вентиляционного люка. Выключатель.

– Евгений, откройте немедленно, что у вас грохает?!

Придётся идти до конца. За окном корявыми наростами три фигуры. От их странных поз, замороженных в мутно-переливчатом дождливом кристалле, несло нездешним. Или из детства – раз, два, три, морская фигура замри! Почему же их трое? – мелькнуло в съезжившемся сознании Ипатия, в то время как тело принимало боевую стойку. Выстрел и грохот рамы слились воедино.

Их больше не было – все трое исчезли, словно снесённые и развеянные звуковой волной.

– Умочка!

Ипатий резко обернулся. Рядом с трупом на полу плотно, по-жабьи сидел его инопланетный гуру и сцеживал кровь в пластиковый стаканчик

Осторожно потянул, сложив губы трубочкой.

– Ты, эта, не смотри. Принято у нас. – И, облизав алые губы, уставился на Ипатия совершенно круглыми светящимися глазами. – Ты пушку-то спрячь, хватит на сегодня.

Ипатий попытался различить лицо мёртвой, но марсианин как специально его загоразживал.

«Жук над пойманной личинкой», – подумал Ипатий, и едва успел перегнуться через подоконник, его вывернуло наизнанку.

– Молодечик, молодечик! – ласково приговаривал Боб Харитонович, запрокинув голову покойницы и деловито выдавливая кровь, – не ожидал, не ожидал даже. Нашёл-таки, – он словно набух и, сидя, вырос на добрые полметра.

– Что нашёл? – прохрипел, деревенея, Ипатий, не очень понимая, зачем ему нужен ответ.

– План нашёл, лапушка, порадовал папочку. Я теперь тебя, сыночка, в люди выведу. Витька забрали, Мирко нет, запаздывает он что-то, один ты, лапа, у меня и остался. Чё уставился? *Abyssus abissum invokat*¹, как говорили греки. Таких делов теперь понаделаем.

Вход-то открыт, заходи!

¹ Бездна взывает к бездне, бездна бездну призывает; обычно в смысле: подобное влечет за собой подобное или одно бедствие влечет за собой другое (ср. русск. Беда никогда не приходит одна) Первоисточником этого выражения является стих из Библии.

Глава 7. Пробуждение

Испытывал ли Евгений страх? Пожалуй, нет. Скорее отстранённое любопытство. Забавно, что они нашли его только теперь. Бережно и мощно он тащил со дна тяжёлую глыбу. Море больше не было спокойно. Вода бурлила, клокотала, грозила цунами. Но он знал, что усилия его не напрасны, надо только дотащить глыбу до берега – и море успокоится теперь уже навсегда, станет гладким и прозрачным как зеркало. И тогда он ступит на указанный танкой путь.

Дождь хлестал, и в центре двора натекла огромная лужа. Белая собака забилась под крыльцо и, увидев его, только вяло шевельнула хвостом. Чёрные фигуры двинулись вперёд, как в замедленной съёмке. Ши улыбнулся. А потом, собрав силы, одним яростным рывком вытащил из взбесившихся вод глыбу.

Успел.

Текст 18

Море. Дугал открыл глаза. Море. Седое облако насело на прибрежные скалы тяжёлым мокрым брюхом. Море дышало.

Оно отпустило его. Он у цели. Скалистая громада острова закрыла горизонт. Три двуглавые горы приютили низкое небо.

Этот остров был его наваждением. 49-й лорд Сэйшела он имел право на безумие. Оно было его привилегией.

* * *

Видение из раннего детства.

Зелёный клетчатый плед на кровати, его любимый. Сумерки. Приглушённый зеленоватый свет ночника. Его уже должны укладывать, но, кажется, забыли. Тревожно-возбуждённые лица: блуждающий остров снова появился! Он бежит вверх по винтовой лестнице. Кто-то кричит, требует вернуться, но он не останавливается. Выше, выше к большому окну, обращённому к морю. Там уже собрались несколько человек. Его мягко берут за плечи: не смотрите, вам не надо смотреть на это, милорд. Но он всё-таки смотрит, пытаясь что-то разглядеть в сгущающемся сумраке.

До острова было не так уж далеко, десятка два миль. Можно было различить прибрежные скалы, фьорд... Его уведят. Назавтра из окна видно лишь бескрайнее серое море.

Напрасно потом он тайком подбирался к окну и вглядывался вдаль.

Это было запрещено. Все Мак-Гайлы нашли свой конец в море. Но как знать, может быть, кому-то из них и удалось ступить на блуждающий остров друидов...

– Это легенда. Не верьте ничему, милорд. Блуждающие по океану острова – это сказки. Есть только один блуждающий остров. Это отмель Сэйбл. Она всегда блуждает в одних и тех же местах. Там страшные туманы, милорд. И эта проклятая кочующая банка погубила уже много кораблей. Её постоянно размывает течением и сносит на новое место. Вот так, милорд.

Всех Мак-Гайлов погубило море...

– Но книги говорят другое! Древние мореплаватели видели его много раз, но не могли пристать. Его открывали в разных частях океана и давали разные имена. Но отправившееся в путь, чтобы найти его по картам и лоциям, находили лишь гладкое море. А лорд Дональд Мак-Гайл, Дональд Кривое Ухо? Который отплыл на Бразил с 20 кораблями и не вернулся?

– Это всё призраки, милорд. Галлюцинации. Чего только не увидишь в тумане, истосковавшись по суше. Все эти острова придумали ирландцы. Никогда не верьте ирландским басням, сэр. Все ирландцы вруны. Это я вам говорю.

– А острова саг? Остров племён богини Дану?

– Это образ загробного мира. За горизонтом находится земля мёртвых. Едва ли стоит туда стремиться, не правда ли?

Да, здесь, в готических стенах древнего университета это были всего лишь легенды.

Остров друидов. Бред и проклятие Мак-Гайлов. Он словно дразнил их, из века в век напоминая о чём-то далёком, обещанном, но не сделанном. То, что заставляло их бросать мятежи и кровавые распри, любимых жён и славную добычу и бросаться в холодные пучины странствий.

– Это просто следствие вашего снобизма, как и ваше фирменное безумие. Все Мак-Гайлы учились тут, так что можете мне поверить. У кого-то лисица, у кого-то белая безголовая лошадь, у Мак-Гайлов остров. Это просто ваше родовое привидение. Генетическое вырождение плюс нездоровый климат.

Но остров существовал! Его видели тысячи людей, а некоторые даже ступали на его берег. Просто у него были свои излюбленные места, и одно из них лежало напротив замка Мак-Гайлов.

И вернувшись, среди скал и вересковых холмов, сумрачных елей и моховых болот, хохочущих вершин и валунов – обителей брауни, он знал, что встретит его. О нём шумели водопады, бьющиеся среди гранитных глыб, о нём пели пугливые сероглазые девушки с взглядами, словно прикованными к невидимой бездне...

...Спокойный, извечный, остров плыл в густом тумане так близко, что можно было различить полосу прибоя.

И Дугал живо представил, как свирепый и решительный предок приказывал спустить лодки, чтобы уже через полчаса ступить на его прибрежные валуны и навсегда развеять сгущавшиеся веками чары, и остров бесшумно исчезал в тумане, а море выбрасывала на прибрежные камни жалкие обломки.

– Ну как, заметили? Прямо как настоящий! – крикнул с соседней скалы кичащийся своим свободомыслием Фрэнсис Гиппатий, – Что же не плывёте? Страшно? Эх, жаль, что нет фотографического аппарата, вот был бы кадр! «Встреча последнего лорда Мак-Гайла и блуждающего острова друидов». Что молчите? Обиделись за родовое проклятие?

– Думаете, я ненормальный, Фрэнк? Но вы же сами его видите, можем даже сверить детали. Там три двуглавые горы, верно? Разве бывают такие галлюцинации?

– Всё верно, старина. Но я и не утверждаю, что его нет. Наверняка, если поискать, что-нибудь подобное отыщется по ту сторону океана.

– То есть это мираж? И если мы сейчас возьмём хороший катер, то ничего не обнаружим?

– Да вы вправду свихнулись, – расхохотался Фрэнк, – пригласить на магический остров атеиста! Да ваши предки вам этого не простят, поднимутся из морских глубин и утопят нас вместе с катером.

– Я думаю, что Вы просто перетрусили, Фрэнк, – спокойно ответил Дугал. – Суеверие здесь у каждого в крови.

– Я? Никогда! – Фрэнк побагровел до корней волос. – Клянусь, я поплыву и испорчу вам всё удовольствие!

Да, видимо, он был безумен. Ибо только безумец мог решиться бросить катер с людьми прямо на прибрежные скалы несуществующего острова...

* * *

Море дышало... Белая мгла ручьями выползала из ущелий. Где-то вдалеке почти неслышно звучал колокол.

– Мне право очень жаль, Дугал – сказал Френсис Гиппатий, пряча глаза, – поймите, я не имею ничего против Вас лично.

– О чём это Вы?

– Не подходите! Я ещё раз повторяю, мне очень жаль! – в руке Фрэнка блеснул револьвер.

– Но почему, Фрэнк? – Дугал удивлённо поднял брови.

– Этого острова не существует, на него невозможно ступить. И если Вам это удалось, значит, Вы – Зверь.

– Что Вы городите? Вы же атеист!

– Не двигайся! Да, – Фрэнк криво усмехнулся, – я атеист. Но я знаю, что на свете есть чокнутые придурки, обладающие достаточной гипнотической силой, чтобы внушить остальным свои бредни. А Вы, похоже, исключительный экземпляр. Извини...

Выстрела не было. Гиппатия словно смыло невидимой волной.

«Кажется, он был прав – устало подумал Евгений. – Это сны, это только сны». Он хватался за образы памяти, но они ускользали, рассеиваясь в ничто. Руки хватали пустоту, и он чувствовал, что скользит куда-то всё глубже и глубже, проваливаясь в трясину жизней.

Стремясь найти опору, он ухватился за первый попавшейся камень, и тот стал расти, заполняя горизонт. «Да, это тот самый камень», – подумал Ши. В лицо ему ударил влажный солёный ветер.

* * *

Море дышало... Белая мгла ручьями выползала из ущелий. Где-то вдалеке почти неслышно звучал колокол.

– Мне право очень жаль, Дугал – сказал Френсис Гиппатий, пряча глаза, – поймите, я не имею ничего против Вас лично.

– Бросьте, Фрэнк, застрелиться у Вас не получится, патроны наверняка отсырели.

Не поверив, тот всё-таки несколько раз впустую нажал на спусковой крючок.

* * *

Каким-то образом им удалось развести огонь. В неуверенном дрожащем свете костра лица сидящих обрели странную, почти потустороннюю значимость.

Черты Фрэнка обострились, приобретя почти скульптурную отчетливость, светлые патлы спутались, напряжённый взгляд вперился в горизонт. Было очевидно, что ему страшно.

Девушка сидела, уставившись в огонь, словно спала наяву. Казалось, она толком не понимала, где находится. Дугал попытался вспомнить, откуда она взялась, но не смог, хоть черты её были ему знакомы.

Двое других были матросами с катера. Одного, кажется, звали Джо. Они сидели в тени от скалы, и лица их были неразличимы.

– Слышите колокол? – спросил Дугал. – Там, за уступом скалы начинается дорога, я видел, когда собирал дрова. Наверняка она приведёт нас к жилью.

Фрэнк захохотал неестественным всхлипывающим смехом.

– Здесь не может быть жилья, Дугал. Жильё – от слова «жить». А вы нежить. Это из-за тебя мы здесь. А она, – он ткнул пальцем в девушку, – вообще покойница. Ты что, не видишь, что она мёртвая?

В глазах девушки мелькнуло что-то похожее на мысль.

– По-моему, – сказала она, – мы – это не мы, а кто-то другой.

– А, по-моему, джентльмены, вы оба здесь по делу, – пробурчал Джо, – иначе не стоило гробить хорошее судно.

– Я не секунды больше не останусь здесь с вами, иначе я свихнусь. – Френсис вскочил, схватившись за голову. – Я ухожу.

– Действительно, надо идти, скоро стемнеет. Там за уступом будет расщелина, а через неё идёт хорошая дорога. Мы пойдём следом.

Френсис не слушал, он уже шёл быстрым шагом туда, где, наваливаясь на берег грузными зелёными тушами, волны подбирались к скале.

– Он снова прав, – пробормотал Дугал, – на этом острове лучше сходить с ума поодиночке.

Немного выждав, оставшиеся последовали за Фрэнком, и по одному нырнули в расщелину.

* * *

Ипатий шёл по полутёмному извилистому проходу, всё время убыстряя шаги. Прилипшая к лицу маска Фрэнка отвалилась, и он снова был самим собой. Надо было спешить, чтобы успеть пройти лабиринт первому.

Впереди забрезжил белёсый свет, и тропа упёрлась в водную гладь. У причала покачивалась долблёнка. Ипатий самодовольно усмехнулся. Лодка была только одна и это место он помнил.

* * *

Долблёнка скользила между мёртвых стволов затопленного леса бесшумно, не поднимая волны. Осьминожьей хваткой вцепившись в низкое небо, корявые ветви словно пригнетали его к чёрной маслянистой воде. Всепоглощающую давящую тишину не нарушал даже всплеск весла, вязнущего в воде плотно и беззвучно.

Веками росли в болотах скрипучие боги. Даже по пояс в трясине возвышались они над деревьями.

Корявый и бугристый с завитой мелкими кольцами бородой, бог улыбался, и его безликая равнодушная улыбка была страшнее чёрного оскала ощеренного менгирами острова.

Длинноволосый жрец, бросив весло, встал в полный рост, вскинув руки и поводя по сторонам диким взором. Он то ли молился, то ли пытался разогнать ночные кошмары, и предоставленная себе лодка застыла как приклеенная к мутноватой стеклянной глади.

– Свершилось. Теперь ты тоже бог, – простонал скрипучий голос, – сын мой возлюбленный.

– Ты бог, – провыло болото.

– Бог, бог, – прошелестело туманом.

– Я! – захохотал Ипатий, – я!!
Эхо ответило безмолвием.

* * *

Тёмный коридор казался бесконечным. Почему-то она была в мокром платье и босиком. Рука спутника была твёрдой, словно железной, лица не видно.

«А обещали светящееся существо, – обиженно подумала она. – Выходит, в ад. Вспомнить бы ещё, кто я такая».

Повороты, повороты. Впереди в темноте заплескала вода. Не иначе, Стикс. «А вымокла я, стало быть, в Лете. Надо же, а образование-то куда не делось!»

Сильные руки подхватили её и поставили на что-то неустойчивое и деревянное. «Ага, должно быть, Харон».

«Надо было соглашаться стать богиней», – почему-то подумала она. И от этой мысли, как ни странно, стало легче, словно стены тоннеля разомкнулись в бескрайнее пространство. Может ещё не поздно?

– Но тогда тебе придётся снова умереть, – прошептал кто-то на ухо. Рука нащупала справа что-то тёплое и пушистое.

– Это Вы, Зверь? Кто я?

– Тсс!

– Ладно, я согласна!

Лодку качнуло, под днищем заскрежетал песок.

* * *

Дорога кинжальной раной протиснулась меж утёсами и вплелась в колоннаду леса. Шёл мокрый снег. Чёрные ветви деревьев лоснились как разжиревшие удавы. Где-то вдалеке, возвещая о конце скитаний, монотонно гудел колокол.

Эта тропа – дар, понял Евгений, и у него защемило сердце, и на глазах выступили слёзы благодарности. Впервые не незваным гостем, но по праву переступил он порог запретного мира. Белая птичья тень, бесшумно скользя в ватном мареве снегопада, вела его к неведомой цели.

Здесь нет ничего случайного: заяц, выглянувший из кустов, взметнувшаяся по стволу белка – это знаки. Тропа скользила между деревьями, не задевая теней. Тени деревьев – натянутые струны. Тронь – и любая заиграет.

И вот он скользит навстречу колоколу, и лес меняется, струится тёплым дождём, шурша, набухает почками, полнится запахами, дрожит зелёными огоньками.

Лес расступился, и луна, возвращаясь к востоку, высветила силуэт города. Он ветвился коралловым рифом в пронизанном белыми лучами аквариуме неба. Магический лунный свет вырастил кристаллы домов в насыщенном растворе памяти. Нити улиц сплелись в лабиринты сетей. Они шептали на разных языках и заговаривали зубы как зеркальные попугаи гуакамайо.

В тот вечер, когда странник вошёл в город, фонари светили, как зелёные лампы у лика лесного бога.

В тот вечер окна домов были открыты, и огромные жуки невиданных оттенков с яростным гудением обрушивались прямо в комнаты.

В тот вечер кузнечики, вообразив себя цикадами, заглушали шум проходящих машин.

Дома разленились в голубом сумраке и забыли, что надо притворяться домами.
Опьяневшие от пряного воздуха улицы вели в тот вечер бог знает куда.

Странник вошёл в город, словно несомый наплывающим сумраком, и каждый его шаг менял цвет неба и зажигал окна домов.

Он шёл, пытаясь вспомнить небывшее, вплетая память в запах ночных садов и пыль постаревших улиц.

На пустой площади он остановился и, усмехнувшись своим мыслям, начертил на стене знак сокола.

Но был ли тот знак благословением или роковым приговором осталось неведомо.

Ибо ночь стёрла с листа улиц и странника, и его следы.

* * *

Текст 19

Ши взошёл на каменный трон. Четыре хранителя сомкнули круг.

Город таял, размывался в туманной дымке, и белые воды священного озера не могли более удерживать его отражения. И когда он исчез, в вышине над озером воссияли света девяти небесных городов.

Первый город был городом исполнения желаний.

Он ли плыл, опрокинутый в звёздную бесконечность, или это звёзды опустились на его крыши? Улицы струились расплавленным серебром среди голубых и изумрудных огней. Дома росли как живые и расцветали игрой тончайших звучаний и оттенков, питая тончайшими ароматами ростки изысканнейших фантазий. Бог улыбался.

Но не эта ли улыбка была обращена и к миру страданий, и не там ли корни дерева, кроной которого был этот город?

Второй город был городом славы, исполненным ликования.

Разве это звёзды? Нет, то мириады пламенеющих ангелов слились в единую симфонию любви, сходясь сияющими кругами к ослепительному центру.

Евгений взгляделся – и город оказался золотой сетью. Сеть живая, каждая нить – книга, каждая – кровеносный сосуд. Каждый узел – зеркальная жемчужина, хранящая отражения всех остальных.

Разве существует время? Эпохи – лишь солнечные блики. Кто здесь другой? Разве нити – это пути, а не дороги к Единому?

Третий город был городом радуги.

Пылающие протуберанцы неземных цветов полыхали над светоносными океанами. Этот город был соткан из света, безбрежных невообразимых светов. Рождённый из чистой радости, он вливался в сердце ослепительными потоками безмолвного знания, водопадами ликования. Он был извечной родиной, началом и концом всех путей, оправданием судеб и значением символов.

Но Евгений молчал. Ибо некому было больше называться Евгением. Не было ни начала, ни цели, лишь сияющее единство. Пройденные дороги никуда не вели, и идущий ими никогда не покидал дома.

Его прежнее Я было лишь точкой, скорлупой, оставленной когда-то на берегу.

Четвёртый город был городом белизны.

Чистый божественный свет заливал его, не встречая преграды, не дробясь о призмы. Хрустальный город, он был сосудом для света, белоснежной страницей для божественного пера. Смиранный город, он был душой самой Земли, прозрачным океаном, пронизанным солнечными лучами. Городом без вопросов, ибо к чему вопросы, когда в сердце твоём уже сияет ответ?

Кто решится разбить сосуды? Чистый свет ослепляет. Кто не сгорит в его лучах, подобно мотыльку? Только свет.

Пятый город был городом силы.

Город цвета пурпурного золота, город без границ. Он был кристаллом света и мощи. Город, лежащий на ладони Бога и смотрящий Ему прямо в глаза, город без завес. Любая его пылинка способна породить миры. Город горячего золота, чей воздух – Любовь. Его блаженство почти непереносимо, оно способно испепелить Землю. Слава поставившему преграды! Воистину, воскресший здесь должен обрести новое тело.

Несокрушимое как ваджра.

Как ваджра...

Шестой город был городом Бога, городом без возврата.

Куда вернётся капля, достигшая океана? Здесь очень тихо, тихо как в сердце смерча. Это источник. Вселенная – лишь отзвук произнесённого здесь слова.

Кто восседает на алмазном троне? В центре Будда, и по сторонам четыре Будды. Кто из них настоящий? Какой из пяти цветов?

Седьмой город – Город без Бога.

Свет, не достигший призмы. Бог, не знающий, что он Бог. Да он и не Бог. Мир ещё не сотворён и даже не задуман – бесконечное пространство. Тишина, которая предшествует слову – бесконечное сознание, свободное от образов. Абсолютное всё подобно пустоте. Между ними нет разницы. Различается только имеющее конец.

Восьмого города нет. Но эти слова неверны, как и всё сказанное о нём. И разве отличим он от девятого города?

Евгений улыбнулся и вдохнул запах дыма. Здесь в девятом городе где-то неподалёку таджикские беженцы жгли костёр.

Текст 20

Стрела шоссе, абсолютно пустынного, уносилась к горизонту. На сотни километров ни жилья, ни машины, ни заправки. Лишь песок и скалы – жёлтые, красные, коричневые, оранжевые... Огромное раскалённое белое солнце и океан – даже не синий, а фиолетовый и почти неподвижный.

В жёлтой долине, окружённой скалами, на берегу океана десяток белых домиков. Шлагбаум, юкки, агавы, магазин с баром, пляж, административное здание, двухэтажная вилла на холме... Затерянный остров. Последний приют уставших от суеты.

«Как плавится горизонт! Здесь должно быть бывают миражи», – подумал Стоянов.

Администратор был так бледен, что казалось, будто он, опасаясь загара, никогда не покидает своей конторы. Наверное, его сильно напугали в детстве, или он вообще боится

людей, а своих постояльцев в особенности. Неудачник или сектант, и, видимо, сильно зашибает.

– У нас очень тихо, вы увидите. В магазине вы можете заказать любой нужный вам товар. Завтрак, обед, ужин в номер. Наш повар – китаец. Если желаете, можете готовить сами. Вот ключи. Ваш коттедж №8...

Огненный шар медленно скользит к горизонту. Чёрный кот не спеша передвигается следом за тенью, напоминая стрелку солнечных часов. Белый пляж сверхъестественно чист. Белая полоса от горизонта до горизонта. Песок и скалы. Только прибой даёт ощущение движения. Мерный, как маятник, по кромке бескрайней лиловой пустыни. Нет даже чаек. Одинокая фигура в кресле-качалке на берегу вот уже много часов сохраняет неподвижность, качаясь в такт прибоя. Зрелище, способное свести с ума.

– Я Вам не помешаю? Вы читаете? Я здесь новый. Меня зовут Иван. Иван Стоянов.

– Нет, я не читаю. Просто море успокаивает. Здесь не принято называть имя. Зовите меня Инженер.

Он действительно не читал. Газета, лежащая на коленях, была месячной давности.

– Здесь туго с прессой?

Инженер улыбнулся, не размыкая тонких губ.

– Нет, просто я предпочитаю старые газеты. Здесь их целые залежи. Самые интересные – мексиканские 20-летней давности. Последнее время меня интересуют только старые новости. Наверное, сам старею. Вы недавно приехали и ещё не знаете местных обычаев. Осваивайтесь, обзаводитесь постоянными привычками. Выберите своё время. С утра здесь бывает Полковник. Я здесь с двух до шести. Затем наступает время Поэта. Боюсь, что Вам останется только неудобное время между десятью и четырнадцатью.

– Здесь много постояльцев? Хотелось бы познакомиться.

– Да? Хотя, наверно, это естественно. Некоторых я не вижу месяцами... или годами? Впрочем, здесь это всё равно. Простите, мне пора. Уже без пяти шесть. Рад был с вами познакомиться. Оказывается, на Земле ещё живут люди. Это успокаивает.

– Море бездушно, но его волны полны дрожи жизни, пена волн мгновенна как вечность. Они называют меня поэтом, но я всего лишь жду. Эти скалы, дивные жёлтые скалы созданы для него. Чистота берега девственна и безгрешна. Он – как невеста в ожидание жениха. Я знаю, это случится в предзакатные часы, когда последние лучи обращают скалы в золото, а море в кровь. Он возникнет среди скал внезапно и бесшумно, и волна прибоя в ужасе бросится от него на берег. Великий царь, последний из богов, он будет надвигаться как гора, и водопады будут струиться с его чёрных боков. Это случится здесь, я знаю, это будет здесь. Мир угасающий, мир издыхающей обессиленной природы и жалких козляков, наследовавших титанам, в последний раз станет свидетелем явления его царственной мощи и падёт в прах перед его стопами.

– М-да, действительно, интересно.

– Я просто знаю, чего жду, здесь, под бесконечным небом, в лучах грозного солнца. Другие ждут в неведении. Вера – цветок знания, надежда – песня веры. Горе глухим, не слышавшим её!

– Да вы вправду поэт. Э-ээ, постойте! А кто это, собственно, будет?

Но Поэт уже не слышал его. Под бесконечным небом, в лучах грозного солнца, он зашёл по грудь в воду и, простирая руки, то ли молился, то ли взывал, но прибой заглушал его слова.

Чудовищный красный диск, погружаясь в черные холмы волн, на мгновение окрасил белую полосу пляжа в пурпур.

«Что ж, здесь довольно комфортабельно, – подумал Стоянов, раздеваясь в своём домике, – если это та вечность, которую предрекал мне Мирко, то я думал, что будет хуже».

* * *

Зной спускается с гор блёклым матовым валом. В дрожащем песке вспыхивают ослепительными звёздочками крупички кварца. Жар ползёт тягучей волной, пока, опрокинутый лёгким бризом, не останавливается, не сумев добраться до моря. Граница миров – стеклянная струящаяся стена – вырастает за пальмами, искажая перспективу. Асфальтовое шоссе кажется струящимся потоком. Несколько фигур движутся в пространстве по своим никогда не пересекающимся маршрутам. Стоянов провожает их равнодушным взглядом.

Ровно в 7.45 медсестра отвезёт к морю полковника. Где же он её видел раньше? Удивительно знакомое лицо. В 8.00 к магазину подойдёт машина с продуктами. Её встречает повар-китаец. Ботаник встаёт и уходит очень рано, ещё до рассвета, чтобы вернуться до большой жары. Поэт ждёт у моря явления ящера, Инженер скучает. Все они страшно заняты и сосредоточены, у них нет ни минуты свободного времени и поэтому у каждого точно выверенный график. Кажется, ничто не требует такой размеренной сосредоточенности, как полное безделье. Они тщательно избегают друг друга, и страшно представить, что будет, если они вдруг сойдутся вместе. Или кто-нибудь опоздает минут на пятнадцать. Стоянов смеётся и, представив себя со стороны, одинокого сидящего мужчину заливающегося смехом на пустынном берегу, начинает смеяться ещё громче.

– Скажите-ка, приятель, вы знаете, как называется это место?

– Какое?

– Вот этот посёлок, где мы с вами находимся.

– Как?

Видно, во взгляде и волчьей улыбке Стоянова появилось что-то нехорошее, потому что Поэт передумал и быстро ответил:

– Да, конечно: «Светлый путь», пансионат «Светлый путь».

Стоянов медленно вдохнул и выдохнул.

– «Светлый путь». Вот это. С океаном и скалами.

– Да, – на Поэта жалко было смотреть, – это очень престижное место. Здесь раньше только из ЦК отдыхали. Вот Полковник, знаете? Он раньше был начальником ГБ Мордорской АССР.

– А ближайший город здесь какой?

– Не знаю, Вышгород, наверное. – Поэт сник. – Думаете, я здесь незаконно? Но у меня ведь путёвка есть. Мне в виде особого исключения, за заслуги...

– Да? – Стоянову стало интересно.

– Да. Не думайте, я ведь очень известный поэт. Ко мне как-то даже инопланетяне обращались. Сказали, что у меня удивительные стихи, от которых на их планете происходят всякие чудеса. Правда, просили больше не писать. Но разве это в моих силах? Вот послушайте:

Вот человек, потерявший шляпу.

Вот шляпа, потерянная человеком...

– Постойте, в другой раз послушаю с колоссальным наслаждением, – перебил его Стоянов. – Давно вы здесь?

– Давно? Нет, наверное, не очень. То есть... – Поэт поглядел на Стоянова беспомощно, – простите, но я не помню...

Здесь можно купаться. И загорать. Но почему-то никто, кроме него, не купается. Можно закрутить интрижку с Медсестрой. Но вечная интрижка... Год за годом... Стоянов вздрогнул. Можно было думать. Но думать-то как раз и не хотелось. Лежа на песке, Иван перебирал вялые мысли. И это всё? Всё, что он накопил к сорока годам?

Помнится, он мечтал отдохнуть. У него была какая-то цель. Для чего-то он хотел быть нужным. Кого-то выслеживал. А может, ему просто нравится выслеживать?

Ботанику нравится делать вид, что ему начхать на всё, кроме растений. Инженеру, что ему вообще начхать. Администратору нравится делать вид, что он администратор, хотя дьявол его знает, чем он тут занимается, неужели тоже ничем?

С 9 до 12 администратор сидит в своей приёмной – белой комнате с жалюзи. Рядом с ним пакет апельсинового сока. Считается, что он записывает вновь прибывших и принимает жалобы и пожелания. Он должен отсидеть эти три часа с апельсиновым соком, а потом запирается в задней половине дома и хлещет виски, или что-то ещё из бутылок из-под виски, которые потом регулярно появляются у мусорки. Что он ещё там делает? Неизвестно. Но он делает это очень тихо. Может быть спит? Ночью у него горит свет.

У телефона лежит регистрационный журнал, что-то он туда записывает. Интересно, что?

Почему-то Стоянову жизненно важным показалось убедить себя, что это ему действительно интересно.

Для посещения приемной Стоянов выбрал время сиесты, когда даже морской ветер стихает, устав от поединка с пустыней.

Блестящая ручка двери накалилась от солнца. Замок поддался с третьей попытки. В приёмной было пустынно и скучно, как в детском саду во время тихого часа. И стол, и протянутые руки Стоянова стали полосатыми от отпечатков жалюзи.

Журнал в ящике стола. Телефон.

Им овладело почти непреодолимое желание набрать любой номер и послушать, что ему ответят.

– Я Вас прошу, не надо, пожалуйста, – синюшно-бледный администратор с парабеллумом в дрожащей руке появился сзади как привидение. Похоже, он был не в себе. Стоянов улыбнулся и сделал успокаивающий жест. Один бросок, обезоружить и скрутить как щенка.

– Извините, пожалуйста, но это не положено.

В глазах администратора застыл такой безнадежный ужас, что Стоянов и сам струхнул. «Замочит со страху, ей богу, замочит», – подумал он. Пятясь, стараясь не делать резких движений, Иван выбрался наружу, захлопнул дверь и резко отскочил в сторону. На лбу выступила испарина. Вот сука, оказывается, и здесь не хочется умирать! Даже если потом воскресят.

* * *

Это случилось на третье утро. Видимо. Дни в его сознании уже начинали путаться. Тело лежало навзничь недалеко от магазина. Это была Медсестра. Её убили.

Всё-таки они сползлись. Несколько человек. Видимо, смерть временно вывела их из летаргии.

– Нет, это ново, – Инженер высоко поднял брови, – а мне обещали, что здесь будет тихо.

Стоянов наклонился над трупом. Пуля вошла в шею, пробив артерию. Наверное, смерть наступила мгновенно.

– Мне кажется, Вы обязаны что-то предпринять, – сказал Журналист, злобно поглядев на иссиня-бледного Администратора.

Тот прореагировал как-то вяло. Очевидно, его мутило.

– Дура была девка, – хрипло сказал восседающий на инвалидной коляске Полковник, – но хоть какая. Ну что стал столбом. Звони!

– Они уже знают, – Администратор с трудом сглотнул слюну.

– Могу ли я, ничтожный, устранить причину для беспокойства? – маленький китаец появился совсем незаметно и, не теряя не секунды, склонился над трупом. Покойница резко села и открыла глаза. У Стоянова закружилась голова. Полковник засмеялся. Администратор закатил глаза и плавно рухнул в обморок.

– На этот раз тебе не повезло, – хмыкнул Полковник, но к кому он обратился Стоянов, так и не понял.

Ему вдруг показалось, что всё это уже повторялось десятки раз, что все роли выучены и реплики выверены вплоть до нюансов интонаций.

Ухмыляясь бессмысленности своих действий, он всё же догнал медленно удаляющегося Китайца:

– Как вы это сделали? Она была мертва. Я видел!

– У слуги нет секретов, – с готовностью ответил Китаец с церемонным поклоном. – Секреты кулинарии – это секреты Неба и Земли, доступны каждому, кто следует естественности.

Тот, кто сумеет из известных продуктов приготовить соответствующие блюда тонкого вкуса, именуется «поваром, каких много». Владеющий искусством «Земного повара», сумеет приготовить блюдо тонкого вкуса из любых продуктов. Даже в пустыне и на горной вершине он найдёт из чего приготовить изысканное кушанье.

Тело человека целиком состоит из пищи, избыток или недостаток ветра и желчи рожают старость и болезни. Нарушение гармонии Инь и Ян вызывают расстройства тела и духа. С пищей человек вбирает в себя грубое и тончайшее. Владеющий искусством питания ци, соотносясь с пятью элементами и четырьмя временами года, не ведает горестей и болезней. Сведущий в том кулинар именуется «Небесным поваром».

Вещи бесчисленны, но все возвращаются к своему истоку. Люди многочисленны, но все восходят к единому корню Дао. Твёрдо стоящий в Едином способен отзываться каждому. Нет двух одинаковых людей, но каждый, следуя собственной природе, сумеет достичь бессмертия. Готовить пищу, следуя собственной природе каждого, твёрдо стоя в Едином, – искусство «Бессмертного повара» – таким называют вашего слугу.

– Ага, – только и сумел ответить Стоянов. – А меня Вы тоже...

Повар неслышно засмеялся:

– Всякая болезнь имеет свои причины: существуют причины жизни и причины смерти. Беспричинно только здоровье. Природа господина холодна и суха, ему ведома тоска и усталость. Когда тоска станет невыносима, ему следует всего лишь принять пилюли, которые даст ему слуга.

Странная слабость охватила Стоянова. Что ж, может быть это и выход. В чёрной бархатной коробочке оставленной китайцем лежало три пилюли.

* * *

Жар почти сожрал короткие тени. Несколько минут Стоянов стоял, прислонившись к стене, пытаясь ощутить в её глубине прохладу. А потом рассмеялся. Визит в офис всё-таки оказался не напрасным. Встряска пошла ему на пользу: заплывшие сонной одурью мозги прояснились. Он вдруг понял, кто стрелял в Медсестру. Надо было быть идиотом, чтобы не догадаться. В то утро был только один человек, который выпал из своего графика.

– Зачем ты это сделал? – спросил он спокойно, выкладывая на стол найденный в схроне ствол. А потом ударил. Слегка, только для остротки. Но Журналист заверещал, будто прощаясь с жизнью, закашлялся, согнулся в три погибели.

– Не надо! – прохрипел он, – меня нельзя бить! Я просто промахнулся. Я всё время промахиваюсь. Я плохо стреляю!

– Да? – улыбнулся Стоянов и ударил второй раз, посильнее. – И всегда по людям промахиваешься?

Когда Журналист распрямился, его лицо было как застывшая маска.

– Она не человек. Она Блудница. Нежить. Поймите, мы с вами заодно. Мы люди. Мы должны беречь друг друга. Ведь больше никого нет. Поймите, человечество уничтожено. Кроме нас, наверное, никого не спасли. Никто не заслужил. Я только надеюсь, что ещё где-то сохранили несколько женщин... А она не человек. Вы видели, её даже пуля не берёт! И ночами она исчезает, её здесь нет. Не надо!

Хук слева и второй справа, и Журналист обвалился на пол, как тряпичная кукла. Стоянов оскалился, пнул бездыханное тело ногой и вышел, забрав пистолет. Коллега хренов! Ещё один борец с нежитью! Иван плюнул.

Солнце плыло над горизонтом как яичный желток, просвечивая сквозь дымку оранжевыми всполохами. Ветви кустов сплелись чёрным колючим узором на розовеющем небе. В окне виллы, словно нахлобученной на 20 метровый меловой утёс, что-то ослепительно засверкало. Это длилось минуту не больше.

– Что это?

– Камера, – спокойно сказал инженер.

– Я пытался туда подняться – пробормотал Стоянов. – Дорога делает два изгиба и упирается в стальные ворота. Толстый стальной лист, врезанный прямо в скалу. Ни замков, ни охраны. Только кинокамеры повернулись и уставились с трёх сторон. Я пробовал стучать – бесполезно.

Губы Инженера растянулись в ироничную улыбку – стучать, зачем?

– Но там кто-то живёт?

– Хозяин.

– Вы видели его?

– Нет.

– А кто его видел?

Инженер пожал плечами:

– Зачем вам это, Иван?

– Мне интересно.

Инженер отрешённо глядя на море долго молчал. Наконец произнёс:

– А мне нет. Какое странное сегодня солнце. Как будто что-то меняется. Вы знаете, здесь никогда ничего не меняется, всегда одна и та же погода.

– Зачем ему кинокамеры?

– Чтобы наблюдать за нами. Они в каждом коттедже. Смотрите, какая занятная заметка. «Комсомольская Правда», 1946 г. Забавно, что она здесь сохранилась. Столько лет прошло...

Здесь совершенно не замечаешь времени. Как странно, должно быть наоборот. Здесь всё, чтобы ощущать его бег. Здесь, как в солнечных часах, нет ничего, кроме движения времени. Ночь, день, ночь, день...

Стоянов пробежал заметку – победный рапорт о завершении строительства электростанции в Вышгороде.

– Вы, я думаю, понимаете, что всё это – туфта. Электростанция была только частью проекта. На самом деле, мы создали абсолютное оружие, которое делало нашу победу окончательной и неминуемой. Мы называли его Генератор. Но, к сожалению, некоторые технологии себя не оправдали. Помните историю с эсминцем «Элдридж»? Вся приёмная комиссия исчезла в полном составе. Спустя годы некоторые из её членов нашлись. Они уверяли, что ничего не помнят. Им, конечно, не поверили, и не без оснований. Были сомнения, что это люди... Их поместили сюда и стали ждать, что будет.

Впрочем, вы же там были... Хотя, я не помню вашего лица...

Генератор! Машина счастья! Блин! Как же он сам не догадался! Ну конечно, она где-то здесь. Наверху Хозяин, а они все, радители за человечество, к этой машине после смерти как псы сторожевые приставлены. Чтоб и тут служили, стерегли.

Ботаник шёл, сильно припадая на левую ногу, щека ободрана, линиялая голубая рубашка в тёмных пятнах. Даже огненно-рыжая шевелюра поблекла, будто присыпанная песком. Только взгляд был обычно отрешённый. Добравшись до колонки, он долго пил. Потом стал умываться. Стекающая вода порозовела.

– Вам помочь? – спросил Стоянов.

– Нет, спасибо, всё нормально, сказал Ботаник, чуть помедлив, – просто я сорвался со скалы. Там на скалах встречаются редкие растения.

– А на той скале Вы были? – Стоянов ткнул в оседлавшую гору виллу. – Там что-нибудь растёт?

– Нет – сказал Ботаник, подумав, – там давно уже ничего не растёт. И, наверное, не вырастет.

– Что всё навстречу зыришь? – задумавшись, он даже не заметил подъехавшего Полковника. Плохо.

– Хочешь Хозяина увидеть? Награду, наверное, попросить хочешь? Это ты напрасно. Это вы там зажрались. Да я за такую жизнь, как здесь, знаешь, сколько человек в пыль стёр? – Полковник осклабился. На нервный тик похоже.

– Да, хочу вот увидеть. Точнее, просто посмотреть хочу, как он там сидит и решает, что с нами будет. Кресло какое у него. Ручка какая. В глаза, если успею, заглянуть хочу...

– Ты, я вижу, шустрый, быстро соображаешь. А я уж думал, ворота решишь взрывать. – Полковник загоготал. Потом сморщился, застонал, заныл: – Ты не серчай, не серчай, попались – так попались, бегали – бегали, а крышечка-то хлоп, крышечка-то, а? Старый я уже, видишь, ножки не ходят, а ты молодой. Так просто туда наверх не попадёшь, не попадёшь, но, если надумаешь, так и быть, покажу тебе проход. Через подземелье. Но и ты уж от меня туда вещицу одну передай, маляву. – Полковник пристально и властно поглядел прямо в глаза. – Передашь кому-нибудь из начальников и скажешь: привет, мол, от полковника Астахова, – чтоб не забывали. Пойдёшь?

– Пойду.

– Не забудь. И привет передашь.

Небольшой матерчатый свёрток оказался буддийской иконой, вышитой на шёлковом платке. В ней было что-то знакомое, отчего в душе Стоянова, как сквозняком, потянуло печалью.

Он решил идти ночью, по прохладе. Луна высвечивала мельчайшие детали, и он двинулся со стороны гор, укрываясь в их глубокой тени. Подъём занял меньше часа. Но то ли он сбился с пути, то ли луна его перехитрила, но теперь она светила прямо на него, и чёрная тень предательски отчётливо обозначилась на белой гладкой стене. Пробираясь вдоль ограды виллы, он чувствовал себя в свете софитов. Непроницаемая тишина впиалась в него десятками невидимых взоров. Стоянову стало страшно.

Что-то неестественное было в скольжении его тени по краю обрыва. И вскоре он понял – что. Теней стало две, как будто кто-то зажжёт впереди невидимый прожектор. Стена казалась бесконечной. Ворота куда-то сгнули. Он шёл и видел, как третья тень чёрной глыбой неумолимо вырастает у него из-под ног. Стоянов заметался. Тени плясали вокруг, затягивая в лабиринты своего призрачного хоровода.

Дорога вниз легла последней стезёй спасения...

И всё-таки Полковник не обманул.

Подземный ход начинался за выступом скалы. Электронный код открывал бронированную дверь в невзрачной подсобке.

Плита отворилась бесшумно. Винтовая металлическая лестница, полумрак. Сводчатая комната с концентрическими узорами на полу. Колодец. Гудение вентиляторов. Ярко освещённый коридор с зелёной ковровой дорожкой, утопленные в полукруглый потолок светильники через каждые двадцать шагов. Пол покато уходил вниз. Через 200 шагов шахта лифта. Рядом ввинчивалась в земную толщу бесконечная лестница. Через каждые два пролёта во тьму горизонтально проваливались коридоры. От гула вентиляторов тишина казалась ещё непроницаемой.

Значит, это и есть Машина Счастья. Но такое ощущение, что она давно уже стоит.

На минус десятом этаже он нашёл план эвакуации и добрался до комнаты с пультом и схемами коммуникаций. Бесконечные сети сплетающихся кабелей – нервные волокна подземного монстра. Беззвучно матерясь, он попытался разобраться в этом бесконечном лабиринте. Какие-то бесконечно дублирующиеся системы. Зачем всё это? Где же выход, о котором говорил полковник?

– Любой коридор – это выход. – Мирко сидел в соседнем кресле, заложив ногу за ногу. – Безразлично, каким ты воспользуешься.

Стоянов молча опустился в кресло.

– Не думай, я не обманываю. Я твой должник. Без тебя бы я сюда не попал.

– Извини, я не хотел, случайно получилось. – Стоянов вымученно ухмыльнулся. – Я так понимаю, это ад?

– Да, – кивнул Мирко, – это ад. И имей в виду, тебе повезло, ад существует только для избранных. Быдло сюда не попадает. Строго говоря, быдло вообще никуда не попадает. Ад – это результат свободного выбора, достояние личности. Это самый нижний круг ада – зеркальный. Видишь? – он щёлкнул тумблером. Стены-экраны вспыхнули лишь на мгновение, но краткого видения бесконечно ветвящегося лабиринта отражений было достаточно, чтобы Стоянов, вздрогнув и побледнев, вцепился в подлокотники.

Мирко засмеялся:

– Всё-таки увидел, молодец. Пока ты ещё слеп, но со временем будешь видеть лучше. Теперь ты понимаешь, что все коридоры одинаковые? Поэтому для видящего выхода нет. Но ты ещё сырой, можешь воспользоваться любым и снова стать быдлом. Гляди». – На этот

раз свет ушёл вглубь узким лучом. В глубине показалась обшарпанная комната, видимая словно из стеклянного шара. Показалось склонившееся лицо.

– Витёк, – ухмыльнулся Мирко. – Можешь помахать ручкой и посылочку передать. Видишь его?

Стоянов кивнул.

– А я не вижу. Так, догадываюсь.

– А что видишь?

– Себя, – пожал плечами Мирко. – Со временем здесь понимаешь, что среди отражений ты единственный оригинал.

– А не надоело свою харю видеть? Ладно, вот тебе для компании, – внутри у Стоянова была пустота, и ему показалось, что через неё говорит кто-то другой. Он развернул шёлковый плат, положил его на стол и щёлкнул тумблером. – Привет от полковника Астахова.

А потом сунул в рот китайскую пилюлю.

В последнее мгновение он успел заметить миллиарды золотых Будд и искажённое нечеловеческим ужасом лицо Мирко.

* * *

Розовел восход.

– Эй, послушайте, постойте. Вот вы, вы всё время лазите по скалам. Что вы там ищете, мне безразлично. Жуков, пауков... мне действительно безразлично. Так что не надо, про это не надо. Вы мне скажите: Бог есть? Впрочем, не надо не отвечайте. Лучше скажите, там дальше что-нибудь есть? Там, за скалами?

Ботаник остановился, глядя на море. Все, к кому он ни обращался, глядели на море.

– Там? Там встречаются интересные растения.

Солнце поднималось над горизонтом.

– Знаете, Ботаник, сегодня я пойду с вами. Я хочу поглядеть, что там за гребнем. Вы можете меня туда провести? Вон к той расселине?

– Нет. А впрочем, да.

Они вышли, и скалы были розовыми как эскимо с вареньем, и через три часа они достигли цели.

Там была стена, серая, каменная, вечная.

Стоянов засмеялся. Он смеялся долго, пока не устал, потом сел, прислонившись спиной к стене.

– Знаете что, возвращайтесь-ка один. Я, пожалуй, здесь останусь. Мне нравится эта стена. Правда, я привык изучать её с той стороны, но и отсюда она неплохо выглядит.

Когда Ботаник ушел, Стоянов достал оставшиеся китайские пилюли и проглотил их разом.

Стоянов сидел, прислонившись к стене, и ждал. Он сидел уже несколько часов. Что-то явно происходило. Далёкий рокошующий грохот прорезал тишину. Море занавесило мглой. Духота сгустилась и поползла по небу чёрными языками.

Внутри у него что-то накренилось, и ему трудно было сидеть ровно. С головой было явно не всё в порядке, словно вспыхивали зигзаги молний, высвечивая какие-то затенённые уголки, но это происходило слишком быстро, и он не успевал ничего разглядеть. Почему-то болело в груди. Наверное, сердце. Что ж, когда-нибудь это должно было случиться.

Над головой прогрехотал военный вертолёт.

«Ага, – подумал Стоянов, – в горах сошла лавина и снесла кусок шоссе». – Картинка увиделась так явно, что он даже не удивился. – И он летит, чтобы уничтожить посёлок. Поздно. Уже поздно.

Вертолёт завис над побережьем, а потом бесшумно камнем рухнул в морскую пучину. Сверху было видно, как море вскипает и гигантской волной наползает на сушу. Наверно, появился долгожданный ящер. Где-то ослепительно сверкнуло, и Стоянов упал ничком, сотрясаясь от дрожи. Да, он знал, что это, но у него не было сил в этом признаться.

Волна отхлынула, посёлка на берегу больше не было. Возвращаться больше некуда. Больше не спрячешься.

Стены тоже больше не было, под ногами разверзалась бездна. Ещё не всё.

Стоянов с трудом поднялся на ноги. Боже, отчего так больно? Ландшафт переменялся: горы обрушились, море отступило. Боясь глубоко вздохнуть, Стоянов двинулся к вилле, теперь она была совсем рядом. Каждый шаг отзывался болью в груди. Кусок скалы, обрушившись, проломил заднюю стену. Ветер играл лентами киноплёнки. Боже, сколько её здесь! Залежи, ящики, часы, дни, тысячелетия. Пустые гулкие коридоры, следы поспешного бегства. Ага, вот здесь должен быть кабинет. Удивительно знакомое место. Здесь он не раз бывал. Н-да, его любимое кресло, его любимые сигареты, за картиной должен быть встроенный сейф, а вот здесь в потайном ящичке стола ключ. Он протянул руку, и ключ послушно лёг в ладонь. Он открыл сейф и начал жадно копаться в папках. Досье, досье. Его собственные досье. Неужели он всю жизнь собирал досье на самого себя? Неужели ничего ценного?

Дело о строительстве Генератора. Ах, нет, просто фальшивая обложка, снова досье на Ивана Стоянова. Нет, пожалуй, даже уголовное дело. Чёрт... – обвинительные акты, апелляции... Какая мура!

Он с раздражением отбросил последнюю папку и вздрогнул. На выходящем к морю балконе стояла женщина. Вот она обернулась. Знакомое лицо. Медсестра. Фира! Как он мог её забыть? Она помахала рукой, вошла в комнату, бросила взгляд на развороченные папки, покраснела.

– Что, про меня читали? Ну и как? Сука я, да?

Стоянову стало смешно, но вместо смеха получился всхлип. Господи, как больно!

– Тише, тише! Раненый очнулся!

Капельница. Белый потолок.

Фрагмент 18

– Я очень плохой огородник, – Евгений обезоруживающе улыбнулся. Пожалуй, это было мягко сказано. Эти буйные джунгли меньше всего напоминали огород. Пожалуй, здесь было бы интересно поработать ботанику. Мак, васильки, сурепка, тыква, выюнок, горох, порей, полынь, помидоры и что-то ещё густо сплелись между собой на ближайшей грядке.

– Э-ээ, – промолвила Фира, – это, должно быть, по принципу «Да победит сильнейший!»

Впрочем, вопреки всем законам агрономии заросли имели на редкость цветущий вид. Вытащив откуда-то из-под лопухов два жирных огурца, Женя выпрямился.

– На самом деле ты очень хороший огородник, – усмехнулся Стоянов, – пожалуй, лучший из всех. Что у тебя с глазом?

– Ничего страшного, – с улыбкой ответил Ши, прикоснувшись к закрывающему глаз чёрному квадрату, – я так лучше вижу.

Втроем они прошли к скамейке под яблоней. В небе зажглась вечерняя звезда, в траве застрекотали кузнечики. Стоянов достал припрятанную бутылку.

– Это поминки? – печально спросила Фира. – По нам?
– Да, пожалуй, – кивнул Стоянов. – Они были славные ребята. Ну, с днём рождения, друзья!

Фрагмент 19

Вася с Егором живут на краю. Там за краем лес, а может и ещё что-то. Но они туда не ходят, потому что край. Вася ходит в школу, а Егор никуда не ходит, потому что, говорит, работы нет.

Чтобы точно видеть, где край и случайно не заступить, Егор протянул верёвочку.

Иногда там, за краем, что-то происходит: что-то непонятно шумит, слышится шорох, дикие голоса. Иногда оттуда выходят люди, подходят к верёвочке и пытаются заговорить. Но Егор с Васей им не отвечают. Никогда.

Как-то из леса вышел лохматый слон. Он стоял довольно долго и тёрся боками о деревья. Деревья стонали и шатались, и Вася испугался, что если слон доберётся до дома, то всё разломает. А Егор занимался по хозяйству и даже не поглядел. Он был привычный.

Знакомые, что к ним иногда приходили – друзья там, или тётя Ленка, – вообще делали вид, что ничего не замечают, но за верёвочку почему-то не заходили. Один дедушка Аполлоний Симонович ничего не изображал. Приходил на костылях, садился на брёвнышко, и слушал, что в там лесу происходит. А потом иногда говорил: «Это к добру», или «Это не к добру».

Но однажды вечером всё стало по-другому. Из леса вышли люди и пошли прямо через верёвку. Их было много, они шли целую ночь. Бесшумно, как тени, или гогочущими компаниями, с детьми, телегами, иногда поодиночке, они уходили в город, не разу не оглянувшись. Только к утру их поток иссяк.

Васе не спалось, и он глядел, как они шли. Где-то в глубине леса всю ночь горели костры, слышались возбуждённые голоса. Кто-то пел. Утром пришёл Аполлоний Симонович, молча убрав Егорову верёвку, и Вася понял, что края больше нет. А может, он теперь проходит где-то ещё. Он даже испугался, что это теперь они сами с той стороны и больше никогда никого не увидят. Но ничего не изменилось.

Со временем, осмелев, он стал всё глубже заходить в лес, особенно если в школе совсем доставали. Среди стволов попадались воронки, на дне которых поблескивала вода. «Это от снарядов», – объяснил Егор. Заброшенные землянки, какие-то развалины... Здесь всегда было тихо и пусто, грибов там не росло. Ноги утопали в опавшей хвое. Ни травы, ни кустов. Только однажды он видел в лесу людей – мужчину и женщину. Они целовались так долго, что ему стало неинтересно, и он ушёл.

Потом он надолго уехал к бабушке, а когда вернулся, леса уже не было: на его месте низкорослые смуглые рабочие возводили какие-то коттеджи.

Часть 2

*Этот атман – насыпь, граница для разъединения этих миров...
Чхандогья упанишада.*

Текст 21

Глава первая

В которой не происходит ровным счётом ничего

У Саныча лицо небритое, а глаза голубые. Сам он весь какой-то небритый и незаклёпанный. Но не голубой, это уж точно. Сидит Саныч, мастерит чего-то, и не поймёшь, то ли пьяный, то ли трезвый, то ли, ваще, в самадхи. Раз ворона пролетела, два, три. Три вороны – к непогоде. Четыре. Пронесло. Но главное, конечно, в Саныче – это дом. То ли Саныч его построил, то ли в нём самозародился, но только друг без друга они не воспринимаются. А остальное вокруг них меняется и происходит. Вот и мы как бы тут произошли. Не были, а потом появились и живём, как будто так и надо. А потом что-то изменится и ещё что-то произойдёт, как бы. А сейчас мы тут – я, Натаха и Николаенко. Все почему-то и как бы.

Но сначала о доме. В таком месте, где он стоит, домов вообще не бывает. Хотя, конечно, в старом городе чего только не бывает. Люди тут за последние восемьсот лет так вжились, прямо-таки прижились, что кажется, вот действительно, должны они тут жить и что так вот и надо жить, и именно тут. И все тут именно что обжито, даже до неприличия. Вот выйдешь из дома, а за ним овраг, а над оврагом курятник пизанский, как орлиное, простите, гнездо, всё как бы наискосок, а вниз – бурьян. Но это только кажется, что бурьян и всё, а там ступенечки деревянные, а спустишься – увидишь: не бурьян это, точнее, не только бурьян, а и огород. А тут, под ветлой, скамеечка. Сидишь на своём огороде, покуливаешь, дымок вдыхаешь, а перед тобой пейзаж. И речка внизу течет в камышах, и склон другой весь зелёный, и роща, и солнце садится. И соловьи тебе, блин, поют, и лягушки квакают, и комары гудят. Не, комаров не надо. И соседка молодая на реку купаться идёт. Ты её видишь, а она тебя нет. И всё вокруг такое тихое, одомашненное.

Устроились тут, вообще, люди, прижились по склонам и оврагам и всё, как себе, удобно сделали, без оглядок на всяких там. Каждый дом на свой манер. У кого подземный гараж бревенчатый, у кого берёза двухсотлетняя под окном, у этого стена задняя в склон вросла, так что вроде как одна крыша из земли торчит. Или, скажем, водный бак с окном, со ставенками. А какие деревья там бывают, уму непостижимо! Такой бансай в натуральную величину, что японцам и не снилось. А ещё, если в скворечниках, то ваще, нет слов.

Дома и заборы все навеселе, пошатываются, зато в резьбе красоты неземной. А есть и без резьбы, халупы просто. Но я всё отвлекаюсь. У Саныча дом... Ну, дом как дом, по здешним понятиям. Только не поймёшь, то ли стоит тут со времен Федорчуковой рати, то ли строил его Саныч время от времени, по мере необходимости, не очень представляя, что же такое у него в итоге получится, и из подсобного материала. А получилось что-то такое интересное, даже прямо-таки самобытное. То ли... нет, даже не скажешь, что напоминает, но что-то такое средневековое, туземно-этнографическое и глубоко народное в своей сущности, что ли. Только не очень поймёшь, какого именно народа. Впрочем, всю смелость замысла Саныча вам со стороны всё равно не оценить, уж больно дремуче разросся сад, так что не отовсюду и увидишь. Так только, угадаешь существование дома в этой «корзине зелени». А висит эта корзина на самом кончике мыса с крутыми склонами эдакой Куршской косы, врезавшейся в высохшие воды изрезанного фьорда напротив покатых могучих склонов древнего городища. Обзор во все стороны офигенный! Если, конечно, зелень раздвинуть. А дорога единственная к нам по этой самой косе вязами обсажена, как, понимаешь, к замку какому баронскому. И соседи раньше были, но только, кроме одичавших садов, ничего не осталось. Как поглядишь в сумерках с городища на наш дом – одинокий огонёк и дымок среди зелени – такой тоской сладостной по сердцу резанёт, ну хоть плачь, хоть медитируй на патриотические темы.

Ах, какие здесь бывают вечера! Словами не передать, какие здесь бывают ясные вечера! И подумать страшно, как тут зимой. Ё! А вот в мае... Черёмухи везде понатыканы. Летом и не узнаешь. И вишня, и яблоня, и всякое такое прямо по склонам само по себе. Ах, чёрт! Когда сады цветут и с вечера жгут костры от заморозков, и белый дым плывёт, и белые цветы облаками, и сумерки, и зелень новорождённая, и туман над рекой, и запах. Ах, чёрт! И мы сидим и глядим, как огоньки загораются среди зелени. А тополя пахнут умопомрачительно, и черемуха, и вообще... И фонарь прямо на тополь светит. Глядим. И у Натахи лицо такое одухотворённое и отрешённое, печальное и неземное, и что-то от Боттичели и от ахетатонской скульптуры. И голос такой нежный и звонкий. Скажет, типа: «Не пьялся, блин, урод», – и хочется ещё слушать. А как Натаха поёт и на гитаре играет! Аж в дрожь бросает. Но редко можно послушать. Обычно заберётся на чердак, закроется и играет. Однажды я поднялся послушать, а она: «Катись, блин, отсюда, Николаенко испугаешь». Подобрал её Саныч на вокзале, холодрыга еще стояла, всё мокрое, а она босая, в короткой юбке и с браслетом на щиколотке. Не мылась, наверное, месяц. Видимо, она с Санычем спит. Как-то ранним утром я встретил её в коридоре. Она шла от него совершенно голая. Попросила сигаретку, покурила в саду. Туман был и яблони цвели. Фигурка у неё идеальная. Да. Такая она, Натаха.

Ну, Саныч, ладно, а Николаенко, блин, достал. Сидим, например, с Санычем, выпиваем. Культурно так выпиваем. Местечко у нас хорошее, над обрывом. Брёвнышко лежит. Песочек чистый, вокруг корни, а над головой яблоня старая-престарая. А вид – зашибись. Вообще, с художественным вкусом у Саныча все в порядке, на пять. Напишу акварельку, подарю ему, он доволен, денег не просит. Ну, так сидим, значит. На свежей газете закусок, стаканы чистые, беседуем о кризисе гуманизма. Вдруг бутылка вдребезги!.. Саныч как заорёт: «Николаенко, мать твою!» Не нравится ему, вишь, когда пьют. Без него. Ну ладно, стали мы ему стакан оставлять под бузиной, вроде успокоился.

Я, вообще-то, сначала думал, что они с Натахой специально его придумали, чтобы меня злить. Скажешь что-нибудь, а они: тихо: «Николаенко услышит». Не любит он некоторых слов, сразу будто бы беспокоиться начинает – шуршит, гремит там. А у Натахи ещё при этом глаза так предательски поблескивают, ну ясно – разыгрывает. Так нет, хрен, правда.

Сидим как-то вечером, чай пьём. Я потому всё больше про вечера, что все дома бывают. Сидим. Вокруг фонаря жучки летают и вспыхивают как сверхновые. Иной уж далеко отлетит, а всё светится зелёным огоньком. Здорово! Так и гений. Подлетит к чему-то невыразимо прекрасному, засверкает отраженным светом и летит светить в темноту, пока не погаснет. Да, кстати, фонарь у нас свой, персональный. Светит только для нашего дома. Уж как это получилось – тайна. Саныч его холит-лелеет, лампочки ему меняет, а тот горит. Иногда, когда захочет. Старый такой фонарь, романтичный и рассеянный. Но я, как всегда, отвлекаюсь. Сидим, значит. Вдруг Арнольд встает и демонстративно уходит. Арнольд – это кот. Он тут не живет, но иногда заходит по-соседски. Гляжу, у Натахи глаза опять заблестели. И как-то она так лукаво улыбается, будто её тайное веселье распирает. Я хотел повернуться, куда она глядит. А она мне глазами: «Тсс!» – мол, не спугни. Поворачиваю голову тихо-тихо. Вижу, сидит на пороге что-то белое, вроде рогатой мыши, и шёрстка такая, как у барашка. Сам размером в два кулака. Посидел. По комнате пробежал быстро-быстро, в один угол сунулся, в другой. А у Натахи такой восторг на мордахе, будто, прям, невесть что. Любит она этого Николаенко, в пупсов и хомячков, видно, не наигралась. Якшается с ним на чердаке, только что платяиц не шьет. Ну да Бог с ним. Я ведь про город рассказывал.

От некоторых мест я прямо балдею. Например, старое кладбище. Заберешься на холм, на вершину, глянешь окрест – только тризны править да былины слагать. И церковь дивного елизаветинского барокко заколоченная. Города самый край, а кругом леса да луга. Да холмы двухглавые, да ци животворящие. Одно здесь плохо – воронье. Только сядешь, размякнешь,

особенно после жары и вечером (тьфу, опять вечером), воздух упоительный, гамма голубовато-зелёноватая, и вдруг – «Карр!!!» Взлетает вся их поганая стая, голов пятьсот. Вот так бы и наплевал на эту грёбаную ахимсу, взял ружьё и... бац, бац, бац! Да и вообще, на кладбище вороньё дурные ассоциации вызывает.

Но обычно я здесь утром бываю. Жду всяких людей. Позиция здесь стратегически правильная, тут какие попало люди не ходят, только всякие. А всякие люди – они прикольные. Посидишь, поговоришь. Всякие истории послушаешь.

Ещё иногда всякие люди в монастырь заходят. Но там не подождешь, злые там все какие-то. И нищие злые, и странники. Идешь, а тебя взглядами – бац, бац. По морде, по морде, под дых, а то и в пах. Такие питекантропы, упаси боже, не пойму только, где они раньше-то отсиживались. Ну, не православная у меня морда и бритая, но бить-то за что? Религия добра, блин. Но это всё Старый город.

На соседнем холме город Сверхновый – краснокирпичный, неприступный, ошестинившийся антеннами (некоторые для приёма сигналов с Марса, не иначе). Тама власть. Жизнь, Здоровье, Сила, одним словом. Ну, самая-то власть, конечно, не там. Самая власть за лесочком.

А есть ещё просто Новый город.... Ну да что вы, «просто нового города» не видели, что ли? Там вокзал, и тоже люди живут.

Глава вторая

В которой автор напускает тумана

В новом городе полно упырей.

Раньше, говорят, было меньше, но теперь развелось видимо-невидимо. Вроде бы Междунетие их разводит и запускает. Сосут они русскую кровь. Впрочем, некоторые согласны и на украинскую, но только первой группы. Какими такими, возможно, патриотическими соображениями они при этом руководствуются, неведомо, но факт есть факт. Собираются упыри обычно по вечерам в каком-нибудь тупичке близ дороги. Распознать их просто: съезжаются на нескольких машинах, фар не включают, дверцы не открывают, сидят себе в темноте, будто чего-то ждут. Потом вдруг раз – один фары включил, поехал, за ним вдруг второй, ни с того ни с сего, а остальные машины стоят. Сидят они там неспроста, но почему – никто не знает. Да и не стоит. Про упырей чем меньше знаешь, тем оно и спокойней.

Приманивают упырей на запах (2 бутылки водки на ведро бензина, отстаивать в холодном сыром месте, посолить по вкусу. Опрыскивать асфальт из расчёта – одна чайная чашка на 10 квадратных метров). Как повылезут, надо снимать на кинокамеру. Плёнки со снятыми упырями – вещь магическая. Поставит их Лядов на видак, запустит, и все упыри в его власти. Захочет – соберёт, захочет – рассеет, захочет – энергию их чёрную доить будет и в банки консервировать (говорят, полезная вещь – не хуже змеиного яда). Но то – магия. А нам про то знать не надобно. А мы и не хотим.

Да что упыри, для Лядова это семечки. С Лядовым вообще лучше дел не иметь. Однажды я из-за него чуть не свихнулся. Дело было так.

Как-то в пасмурный денёк сидели мы с Лядовым в скверике у бывшего горкома и созерцали Ильича. Ильич там странноватый – весь чёрный, будто дёгтем облитый, на всякие мысли наводит. Вот меня и понесло – про след в истории, про жизненные линии в пространстве-времени и всякое такое. Лядов слушает и ухмыляется. Неприятная у него такая манера – ухмыляться. И говорит:

– Знаешь, Рудик, это, скорее, не линии, а тоннели.

– Чего? – опешил я, – почему тоннели?

– Ну, тоннели или каналы, которые люди в пространстве протёрли, да и не только люди. Весь город ими пронизан... Шастают ведь по одним и тем же маршрутам и протирают, а потом только ими и пользуются и думают, будто ничего другого нет. Но есть каналы, которыми пользуются очень редко, старые, заброшенные. Стоит попасть в такой канал, и можешь идти, никого не встречая.

– И тебя, что, типа, видно не будет? Исчезнешь?

– Почти. Многие случайно попадают в такой канал, быстро пробегают его и не замечают, что их некоторое время не было. Но есть целые сети слепых каналов, лабиринты, ходы которых уводят очень далеко от обычных путей или идут с ними рядом, не пересекаясь. Их построили особые существа для особых целей. Иногда мне встречаются заблудившиеся там бедолаги. – Лядов опять заухмылялся. – А некоторые проделывают свой собственный канал, и когда он пересечётся с твоим, подумаешь – какой странный человек!

Теперь Лядов уже явно смеялся.

– Ваши метафоры, Лядов, как всегда жутковаты.

– Метафоры? Гляди внимательно.

Тут он встал, сделал два шага в сторону, достал из кармана коробок, медленно, одну за другой, зажёл три спички, дождался, когда они догорят, потом так же раздражающе медленно начал бродить между клумбами по довольно странной траектории. Зрелище это было завораживающее и одновременно тошнотворное. Когда совсем стало тошно, я на мгновение

прикрыл глаза. Но за это мгновение Лядов исчез. Блин. Ощущение было такое, как-будто во что-то неприличное вляпался. Когда Лядов хлопнул меня сзади по плечу, я чуть не хлопнулся носом в землю.

– Какого хрена! На кой ты мне всё это показываешь?

– А зачем смотришь?

Зачем? А любопытно.

– Неприятный Вы всё-таки человек, Лядов.

Он заржал:

– Пошли. – Положил мне лапу на плечо: – Зажигай!

Я зажёл спички, и мы пошли между клумбами как два заплутавших алкаша. Я ничего не почувствовал. Но через мгновение мы уже шли какими-то закоулками. Прокопчённый кирпич и запах котельной. Остановились у мусорной кучи. Присели на ржавом радиаторе. Закурили. За серой кирпичной стеной мерно гудело.

– Не понял. Что, вот это и есть параллельный мир? А я-то думал...

– Да ваш это мир, ваш, только со служебного входа. Смотри.

Из открытого люка внизу показалась испитая морда с красным носом. Оттуда вынырнул (жалко, нет слова «выпюркнул», или есть?) мужичишка в телогрейке. Поглядел на нас косо-вопросительно и прошмыгнул в переулок. Через минуту показался второй. Потом третий. Всего 7 однотипных мужичков. Только у пятерых носы были красные. А у двух синие.

– Их там чего, целая бригада?

– Это трубачи.

– Чего?

– Водопроводные черти. Те, которые с красными носами, из горячих труб, а с синими – из холодных. погоди. Повезёт, покажется сам Котельничий.

– Не, всё, Лядов, с меня хватит. У меня своих чертей в голове хватает, оставайтесь с вашими. Я пошёл. Трубачи, блин!

И опять этот гад ухмылялся:

– Счастливого пути!

Я пошёл, стараясь не оглядываться. И что, думаете, не вышел? Вышел запросто. Нашёл калитку, отогнул гвоздь – и на улице.

Дома Саныч посмотрел на меня мрачно.

– Ты чего, Саныч?

– А ничего. Ты как зашёл? У меня дверь с другой стороны.

С этого всё и началось.

Потянулись странные дни. Всё изменилось как-то неуволимо, но жутко. Всё стало не такое. Пизанский курятник стал выглядеть неестественно прямо, сад – пустынно, мир – неправдоподобно. С людьми стало трудно общаться, вроде, говорить не о чем, да и они меня, похоже, с трудом стали отличать от поверхности стены. Зато я начал отчётливо видеть множество деталей, которые раньше ускользали. Например, обнаружил до черта новых проходов. Оказывается, и по улице ходить не обязательно. То, что я раньше считал глухой застройкой, оказалось пронизано тьмой тропинок, дырок, пролазов, переулков, переходов. Лазай – не хочу. Я теперь и шнырял целыми днями по чужим дворам и огородам. И даже собаки на меня перестали лаять. А как сяду рисовать, всё какой-то абстракционизм прёт, каким я раньше не грешил. В очереди за нерусского стали принимать.

Забредать стал в какие-то уж совсем странные места. Однажды нашёл целый квартал нежилых, бесконечно старых домов. Причём некоторые неопишимо красоты. Под ногами что-то шуршит и похрустывает – черепки, черепица, черепа, черепаховые панцири...? Разинутые двери, развёрстые окна, оскаленные колоннады. И при этом что-то в них навязчиво знакомое, но неуволимое, что-то такое на уровне сновидений или прадедушкиных воспоми-

наний. Странные мысли: вот это здание, похожее на кирху без крыши, чем-то напоминает Канта, а вот эта башня звездочёта без окон, без дверей, – наверное, Лейбница, а то – Гегеля.

Но странно, действительно ли здесь не живут? Как мог сохраниться запах жизни среди цементной пыли, или это опять игры древней памяти? В коридорах деревянные половицы. Кем-то брошенные вещи, рояль. Стёрта пыль. Здесь бываю, на нём играют. Неведомый маэстро во фраке взлетает по проваленным ступеням, и стены привычно внемлют Баху. Колонны, завитки, каминные часы, раскрытая книга. Ещё немного – и я услышу голоса. Нет, пора выбираться отсюда, я и так далеко, слишком далеко забрёл.

Во куда меня занесло.

А тут ещё дома всё пошло наыворот. У Натахи очередной рецидив. Пропала на 3 дня, пришла белая как мел, растрёпанная, чуть ли не под дозой. Саныч её поколотил маленько, а ночью опять сбежала. Через окно. И дожди пошли. Нехорошо стало, муторно. Крыша протекает. Николаенко по чердаку ходит тяжело, как носорог – бум, бум, бум. Саныч захандрил, сидит с ножовкой, пилит чего-то часами визгливо. Хоть с квартиры съезжай.

Николаенко стал большой, как кошка. Сидим на чердаке, глядим друг на друга. Кто кого переглядит. Интересно, понимает он что-нибудь или нет. Если ни о чём не думать, он сидит как замороженный, будто слушает, а если разглядывать, начинает нервничать и егозит. Скоро он стал совсем ручной. Глядит своими блестящими глазами, как в вечность, и звёзды отражает. Вроде знака Зодиака.

Однажды мне стало по-настоящему нехорошо, и я завыл:

– Саныч! Почему всё так погано?

– Наверное, недопил.

Саныч – он мудрый.

– Нет, Саныч, чего-то главное не так, где-то кинули всех нас, чего-то недодали, где-то в самой середине здесь червоточина.

А тени наверху шасть, шасть.

Наконец, когда я его совсем достал, сказал:

– Ладно, есть червоточина, пойдём покажу.

Пошли оврагами, камышами, нехоженой стороной. Часа через два вышли к озеру. Глухое место и печальное. Как воронка среди холмов. Дуплистые вётлы над чёрной водой. Бурьяны. Запах гниловатый. Чей-то свиарник над водой свесился.

– Вот она, твоя червоточина: мировое зло.

Может, «недопил» – это не так уж и страшно по сравнению, скажем, с «перепил»? Шуршало, шумело, кричало хищным птичьим голосом, тиной пахло. Постояли, покурили.

– Глубокое?

– Без дна.

Опять помолчали.

– Вроде бездонной лужи?

– Лужа – его отросток.

(Ну тут, наверно, надо про бездонную лужу рассказать. Лужа – это действительно лужа, ну при очень большом уважении – прудик. Рядом с поповским домом. Лужа как лужа, гуси плавают. Но однажды, когда в город приезжал товарищ Долгих, решено было её засыпать, как портящую пейзаж. В общем, не помню, сколько машин песка и гравия туда ухнули – и ничего! Только воду слегка замутили. Пришлось отгородить от дороги заборчиком. С тех пор местные лужу зауважали. Бросают туда кирпичи и желания загадывают. Вот только попутается).

В камышах что-то шмыгнуло по направлению к воде.

– Саныч, мировое зло не может быть бездонным. Бесконечность – это атрибут Бога.

– А х... его знает, чей атрибут. Бездонное и всё. Вроде дырки. Сам подумай, куда это всё годится, если в самой середине дырка, а там ничего.

– Постой, постой, разве вода – ничего?

– Да поди разбери, вода там или чего. Разве бывает столько воды? Сам прикинь.

А ведь что-то тут такое Саныч ухватил, что я забежал. А ведь правда, какой смысл во всём, если там – ничего. В мозгах у меня затрещали остатки курса философии. Стоп.

– Решается это, Саныч, так: абсолютный максимум совпадает с абсолютным минимумом. В бесконечности, понимаешь, абсолютное бытие тождественно небытию, а пустота-шунья – это и есть абсолютная реальность.

С остервенением я запустил в озеро кусок кирпича. Он глухо шлёпнулся в воду и исчез, не оставив следа. Станный какой-то всплеск.

– Ты что, охренел! А если чего будет?

– Да ты что, это ж суеверие, ничего не будет, – сказал я и осёкся. Над поверхностью воды начал подниматься туман. Саныч поглядел на меня без симпатии.

– Ничего не будет, говоришь?

Не сговариваясь, мы быстрым шагом рванули к дому.

За несколько минут молочные клубы полностью скрыли озеро и лес. Когда мы цепляясь за лопухи, уже поднимались к себе, я в первый раз оглянулся. Овраг клубился густой белизной. Она переливалась через край и поднималась дымными столбами. Когда мы добрались до дома, ни холмов, ни города уже не было.

– Ползёт, – только и выдохнул Саныч

– Что это, а? – жалко спросил я.

– Будто сам, гад, не знаешь, пустота твоя г... Сам ведь сказал, что «ничего не будет», вот его и нет.

Дом плыл в тумане как одинокий айсберг.

– Прости Саныч, я не хотел.

– Эх, да что уж теперь. И ты прощевай, выпьем хоть напоследок.

Глядеть на ослепившую окна пелену и ползущие в щели струйки не хотелось. Мы сосредоточенно выпили, и по второй, и по третьей, и по четвёртой. Саныч поглядел на меня испуганно-растерянно. Быстро выпили по пятой и молча уставились друг на друга. Как воду пили. Только прозрачным всё вокруг как-то подозрительно сделалось.

– Саныч, слышь, ты водку-то где брал?

Он поглядел на меня как-то насквозь.

– Слышь, Рудик, давно я в тебе какую-то странность замечал, а теперь понял: тебя, знаешь, вроде как нет.

Приехали. Пожалуй, даже обидно.

– Так, меня, значит, вроде как нет, а ты, стало быть, вроде как есть.

Он подумал и, наконец, горестно сказал:

– Да, пожалуй, что и меня вроде как, того, тоже не совсем.

Снова выпили, чувствуя, что окончательно трезвеем.

– А Натаха?! – вдруг вскричал Саныч. Поражённые ужасной мыслью, мы оба вскочили и, не сговариваясь, рванули в её комнату. Минут через пятнадцать я тоскливо спросил: «Саныч, ты не помнишь, сколько у тебя комнат было»? Глядя на бесконечную анфиладу, он так же тоскливо ответил: «Шесть, и пять подсобок».

– А эти? Выходит, они всегда здесь были?

– Выходит, всегда.

Мы вышли во двор. Сияла луна. В её зеленовато-прозрачных лучах тени стали объёмными и живыми, скользили, сплетались, складывались в дома, холмы и деревья и даже казались людьми – мной и Санычем.

Если спросите, как мы из всей этой хреновины выпутались, честно скажу: не знаю. Помнится, вроде бы задремали под кустиком. А как проснулись, поглядели вокруг – красота!

И всё как рукой сняло. И никакого похмелья. Но, думаю, тут без молитв старца Аполлония Симоныча не обошлось.

Глава третья

В которой читатель начинает подозревать, что его водят за нос.

Аполлоний Симонович, сновидящий старец, – инвалид войны. Нога у него одна и глаз тоже один. Глубокий он человек, ох глубокий. Большую часть времени Аполлоний Симонович спит. Говорит, что когда спит – целый, а когда проснётся – 1/2 часть. Зато, когда не спит, говорит что-нибудь мудрое или делает что-то такое необычное. В большом он авторитете, ибо единственному глазу его дано зреть великую мудрость там, где обычный человек, кроме фиги, ничего не узрит.

Читает Аполлоний Симонович уже лет 50 всё одну и ту же книгу – кулинарную. Человек невежественный и недалёкий, узнав об этом, может решить, что Аполлоний Симонович – дурак. Нет ничего более далёкого от истины. Во-первых, книга эта непростая – на ней нет ни года, ни места издания. А во-вторых, нет такого глубочайшего философского или запутанного житейского вопроса, которого бы он не решил с её помощью. Толкования его, большей частью, аллегорические. Скажет, например: «Гармония – вот главное-то, детки. Всякое по земле ходит да произрастает, а вот, нут-ка, собери так, чтобы гармония вышла. Гармония та, по-индеански – Рита, а пища – Анна. Пища – то, что всё питает, жизнь самую и дух – Проню. Всё, что соберёшь в гармонию-то, то есть и пища тебе, и уму твоему, и сердцу, и Богу жертва твоя, и сам великий дух от неё – Параша. Но мало ты чего в Риту соберёшь без усилия – топаса (а топаса та – от „топить“), то есть без жара душевного и духовного – Агнии. Потому и говорится, что мало чего без огня приготовишь. А для одних огонь по Надям их нужен сильный (духовный), а для других-то малый (душевный), для одних краткий, а для иных – великий, ибо сыры они и непригодны».

Вот скажет что-нибудь такое, и ум за разум заходит, чувствуешь – мудрость!

О Аполлоний Симонович! Не раз помянул я тебя, пробираясь жарким июльским днём по петлянским трясинам. И, каюсь, не всегда добром помянул.

Бытие под ногами сочно похрустывало, почавкивало и прихлопывало. Жирные тростники хлестали по морде. Водичка внизу предательски тёпленькая.

Вторые сутки ползли мы по болоту, вызывая на каждой кочке взрыв буйного энтузиазма у тамошних комаров. А чё? Ползём. Ничего. Скоро чешуёй обрастём, совсем славно будет. Мне уже и сон вещий приснился. Привиделось мне что-то вроде заводи. Тишина, вода тёплая и зелёная. Будто сижу я в этой воде и кайфую. Всё классно – тиной пахнет, свет зеленоватый. Шевельнусь – и скольжу по воде бесшумно, без малейшего усилия. Внизу водоросли шевелятся, всякой живностью кишат. Вижу – рыбина плывёт здоровая, я её хватить прямо ртом и проглотил. И думаю, чего-то здесь не так, рыба-то сырая, а с другой стороны, чего так-то не ловить, ни удочек не надо, ни прочей дребедени. Эка я, думаю, опростился. Тут спину почесать захотелось, а дотянуться не могу, пришлось о корягу. Не, думаю, это я сплю. А не просыпается. Потом плыву, вроде как по затопленному лесу. Вода вязкая – вроде как и не совсем вода. Деревья мёртвые стоят. Ненадёжно стоят. Толкнёшь – оно и падает. Свет тусклый, серый, и с небом не всё в порядке – прямо над головой висит, даже у деревьев верхушек не видно. И опять мне вроде как это всё по кайфу. Вижу: мужик плывёт на плоскодонке, весь заросший, правит к избушке на острове. А избушка вся из натурального материала, большей частью вообще из булыжников неотёсанных. Курить мне тут захотелось, страсть. Поднимаю голову из воды и говорю: «Слышь, командир, закурить не будет?» А он как вытаращится, замахал руками, чуть с перепугу из лодки не вывалился. «Зверь, – кри-

чит – зверь!» Разорался... И чего обзывается? Решил я его ещё больше припугнуть, шлёпнул по воде, пошла рябь тягучая. Лодка заболталась, тут он замолк, схватил весло да дёрнул к своей избушке. Дикий какой-то. А потом прикидываю, а мужик-то вроде знакомый. А где встречались, не помню. И вот думаю: может, я нехорошо поступил? Вот напугал мужика, дал пищу для суеверия, вот так оно мракобесие и развивается... А сам обвил шеей ствол и покачиваю легонько.

ТЬФУ! Какая только ерунда не приснится.

И спросите вы: «И чего, Рудик, тебя сюда занесло?» И промолчу я уныло. И скажете: «На что тратишь ты, Рудик, золотое летнее время, на что променял ты веранду санычева дома и золотистые сумерки с кузнечиками и выюнками? Или был бы ты, на худой конец, страстный рыболов или пионер-болотопроходец». И скажу я горько и честно: «Не корысти ради, а токмо за компанию». Не мог, не мог я бросить на съедение Лох-Петлянскому чудовищу слабую женщину, поклявшуюся это самое чудовище изловить или хотя бы лицезреть. И дал я обет: если выберемся мы отсюда живые и здоровые, всю следующую неделю провести дома, перечитывая труды Блаженного Венедикта, и не удаляться, под страхом вечной гибели, далее магазина. Ну ладно, теперь по порядку.

Ящеров в Лагожске не помнили.

Уже потом, постфактум, краевед Бесштанов нашёл в сообщении посетившего эти места в 17 веке Адама Олеария упоминание о множестве коркодилов, будто бы доставлявших немало хлопот здешним поселянам.

Более с тех пор о коркодилах слышно не было.

Первое внезапное явление гигантского пресмыкающегося на пустынном шоссе повлекло за собой серьёзное автопроисшествие, жертвой которого стал один из уважаемых граждан нашего города, депутат и предприниматель Максим Петрович Рвигорло (известный друзьям, как Малюта). Когда Малюту извлекали из искорёженного Мерседеса, бизнесмен смог произнести только: «Всё, блин, завязываю. Завязываю, всё, блин». Но последующие явления чудовища, увы, рассеяли сомнения в его реальности. Судя по описаниям, существо было ростом несколько поболее коровы, с серой складчатой кожей и лицом рогатого крокодила. В некоторых показаниях очевидцев, впрочем, фигурировали также три головы и какие-то малопонятные хобота. Сообщения, полученные, главным образом, от огородников, позволили приблизительно локализовать район обитания монстра – заболоченную долину Петлянки. В городе слухи о ящере были восприняты скорее юмористически, и только лик старца Аполлония Симоныча омрачился тревогой. «Не к добру, детушки, гад сей, ой не к добру», – изрёк он. А позже, посмотрев очередной вещий сон, добавил: «Чую, враг мой извечный сотворил сие на погибель». Произнеся эту загадочную фразу, Аполлоний Симоныч весь запечалился. Хотя совершенно непонятно было, кому предречена погибель – врагу, ящеру, самому Аполлонию Симонычу или ещё кому-то, один вид запечалившегося старца разорвал Натахино сердце.

– Ну чего Вы, дедуль, в самом деле. Может, это и не извечный вовсе и не на погибель. Может, это как в Африке – Мокеле Мбембе.

Поглядел на неё Аполлоний Симоныч добрым глазом, вздохнул тяжело, и ясно стало – извечный и на погибель.

Если кто не понял, извечный – это Лядов. Вражда между ними началась в незапамятные времена. Хотя даже и удивительно, где могли пересечься их пути. Аполлоний Симоныч, весь такой благостный и сонный, из избы-то выходит только за продуктами, в то время как Лядов активен, даже до неприличия, причём главным образом по ночам, когда Аполлоний Симоныч сны вещие смотрит. А случилось это, как ни странно, из-за Божьего Царства. Однажды Аполлонию Симонычу открылось в дивном сновидении, что первый малень-

кий кусочек Божьего Царства появился уже на земле, на холмике у Александрова Погоста (от Вышгорода километрах в двенадцати). И показался этот первый росточек Царства ему таким беззащитным и неприкаянным, что добрый Аполлоний Симоныч обнёс его заборчиком, чтобы не затоптали. Хотя, казалось бы, кому, как не самому Богу и позаботится о своём Царстве? Да только Аполлоний Симоныч крепко подозревал, что на земле Господь не только о Царстве, но и о себе-то позаботиться не сумеет. И Евангелие его сильно в этом подозрении укрепляло.

Ну кому, спрашивается, этот заборчик на пустыре помешает. Помешал Лядову. У Лядова, видите ли, есть привычка парить по ночам, так сказать, над грешною землёй, и в этом месте он как раз брал разгон. То ли он как старый холостяк и мизантроп просто не любил менять привычки, то ли там в воздухах, кроме как по чётко выверенной траектории, не больно попаришь, не знаю. Только тогда они и поцапались. Аполлоний Симоныч заборчика, конечно, не убрал (а, видно, в астрале он был посолондней, чем с виду), Лядов поклялся отомстить и попортил старцу немало крови. И с тех пор, по-моему, Аполлоний Симоныч частенько на воду дует. Чего не случись, матч там футбольный наши проиграют, или тарелки какие пролетят, он всё грешит на извечного. Можно подумать, прям не Лядов, а мировой сионизм.

Так вот. Тогда и родилась в Натахиной голове эта гиблая затея.

А вначале всё было даже романтично. Разрезаем чёрную воду, раздвигаем кувшинки. Берегов с вёслами давно не видно, камыши стеною, шуршат, наверху гуд кровожадный. Саныч на руле (он фарватер знает), я гребу, Натаха воду вычерпывает. Посадка у санычевой лодки своеобразная – видно, готовилась в подводные, да по конкурсу не прошла. Плывём как по лягушину супу, перед носом бултых, бултых – французы бы от восторга с ума посходили. А из-за камышей луна оранжевая в полнеба.

Бр-р... Аж дрожь прошибает.

Петлянка – речка специфическая: честолубивая до тщеславия. Это вам не какая-нибудь Непрядва. Ту вы пересечёте и не заметите. С Петлянкой этот номер не пройдёт. Двигаясь в любом направлении, вы пересечёте её не раз. И не два, и не три раза, а ровно столько, чтобы почувствовать себя навсегда заплутавшим в лабиринтах сансары. Кажется, она даже саму себя порой пересекает. И обитатели её берегов – люди такие же странные и загадочные.

Скажем, Петлянские рыбаки. Люди вдумчивые, отрешённые, искусные в медитации. Они из опыта твёрдо знают: сидишь ты на одном месте, плывёшь ли или, избави Боже, бредёшь берегами, – в конечном итоге всё равно окажешься почти в том же месте. Просверлит такой рыбак зимой лунку и сидит над ней сутками в глубоком самопогружении. Рассказывают, один так самопогрузился во время ледохода, что с льдины его сняли уже в Каспийском море. Пограничники.

А есть ещё таинственная каста петлянских огородников, ушедших в её камышовые дебри ещё во времена хрущёвских гонений на прусадебные хозяйства... Но далее замолчим, они умеют хранить свои тайны.

И первые три дня, уподобясь старожилам, мы спокойно вкушали мир и уединение. Иногда мы кого-нибудь вытаскивали из воды и, плотоядно ухмыляясь, варили и ели. И лишь Натахина привычка обходиться без купальника наводила порой на греховные помыслы.

Меня даже потянуло на литературное поприще, и я начал сочинять дзуйхицу в японском вкусе. Вот:

«Весной – гололёд. Ты идёшь осторожно, глядя под ноги, и всё равно падаешь и больно ушибаешься. А вокруг падают другие. И это не забавно!

Летом – комары. Они гудят над ухом с омерзительной настойчивостью. Ты машешь руками и осыпаешь себя пощечинами, они отлетают недалеко, чтобы вскоре вернуться. Комары знают, что рано или поздно дождутся своего часа. Право, было бы лучше, если бы они кусались молча...

Осенью – дожди. С тёмно-серого неба падают ледяные капли. Под ногами слякоть. Люди с тоской говорят: «Сколько же можно, когда же пойдёт снег». А снега всё нет, а если и пойдёт, то всё равно превратится в дождь. Как это печально!

Зимой – холод. Какая же зима без морозов! Но иногда они пробирают до костей, и тогда бывает очень холодно. Вот что плохо». По-моему, недурственно получилось.

И тут эта доисторическая скотина себя обнаружила. Такая была дивная ночь. Со звёздами. И это поганое земноводное высунуло свою голову, или чего там ещё у него, из воды и заорало благим матом метрах в 50-ти. А потом, насладившись эффектом, шумно удалилось, ломая камыши и оставляя чистый фарватер метра эдак в три шириной. И всё, и прощай рыбалка, и погребло литературное дарование, и три придурка, обуреваемые азартом, ломались по следу в нехоженные болота, где в прошлом веке ещё какой-то придурок затеял то ли осушительные, то ли оросительные работы и нарыл каналов, по которым ни на лодке не проплывёшь, ни вброд не переберёшься. И-эхх!

На второй день погони нашли в шалаше на острове двух аборигенов, совсем одичавших. Живут рыбной ловлей и собирательством. Собирают бутылки и сдают оптовику-лодочнику, в порядке натурального обмена. В городе не бывают. Оба классные ребята, но действительность воспринимают малость неадекватно. Уверяют, будто недавно царица Тайдулла пожаловала рыбные ловли на Петлянке Сорокасвятской церкви. Ну, отца Пахомия, тамошнего настоятеля, положим, знаем, человек он предприимчивый, какую хочешь бумажку добудет. Вон и церковь саму у краеведческого музея отобрал и отремонтировал так, что красота. Стоит, как новенькая, 500 лет в жисть не дашь. И что чёрные везде повылазили, это тоже верно, но не до такой же степени. Петлянка, чай, всё-таки общенародное достояние. Хотя, с другой стороны, хрен его знает. Ведь поделил же Малюта весь город между братвой, ходят, дань собирают. Может, они там, за лесочком, и сдали нашу Петлянку какой Тайдулле.

Ящера оба видели неоднократно, но описывают по-разному. Который помоложе, описал существо довольно забавное, причудливое и кислотной расцветочки. Старый же глядел на мир сурово, с намёком на Апокалипсис и Дракона из бездны. Дракон же этот, судя по описанию, сильно смахивал на Зелёного змия.

В ту ночь животина орала, не переставая. А на третий день... Нет, тут надо подробно.

С утра Саныч хандрил. С ним это временами бывает. Сидит смурной. А спросишь, мол, «чего хандришь, Саныч?», изрежёт что-нибудь произвольно-обобщающее типа: «Скучно, всё-таки на Руси жить», или какое другое неverified суждение. А чё скучно-то? Нормально.

Денёк предвидился туманный – неплохо, не так жарко будет. Припас был на исходе. Скорость ветра 7 футов в секунду (шутка). Ничего катастрофического мироздание не предвещало.

Часа через два кончились камыши, пошла чистая вода и затопленный мёртвый лес. А дальше нечто вроде озера. Тут и меня охватили дурные предчувствия. Что-то мне всё это напоминает. Одна Натаха не врубается. А ещё говорят, у женщин, мол, интуиция, интуиция какая особая. Когда не надо, у них интуиция!

Поворачиваюсь я к Санычу и чтобы проверить свои подозрения, начинаю: «А не находишь, Саныч?...» А тут мне в ухо кто-то как гаркнет: «Ага!». А чего «ага»? Я-то хотел намекнуть, что «Дао порождает одно, одно порождает два, а два порождает три»..., ну, типа, Бог троицу любит. Изысканную такую мысль завернуть хотел, а тут – «ага!». Только я вознаме-

рился удариться в амбицию, гляжу – а вокруг никого. А сам я не в лодке сижу, а в чистом поле.

Ну, в натуре, ваще... Овсы.

– Ну и чего, – спросил я неизвестно кого, – а где все?

– А ничего, – ответило мне – где и были.

– А чё за поле? – спросил я тупо. Ведь находит же порой эдакий ступор.

– Информационное поле, в натуре.

«Вот, блин, – подумал я, – неужели я так ссучился, то есть, типа, пал, что высшие силы со мной по фене балакают?» И говорю так рафинированно академически: «Ну, в таком случае, коллега, не могли бы Вы меня проинформировать...» – а сам лихорадочно придумываю, что бы такое спросить поумнее. Что-нибудь о предельных тайнах. А голову лезет: «Пи мезоны, Пи мезоны...»

Тут из земли по пояс высывается профессор, поправляет очки, стряхивает с бороды глинозём и начинает вещать: «...Э-ээ, кхм, кхм... Итак, коснёмся проблемы остаточных влияний. Действительность, отражённая в зеркале фантазии, лишь в той степени адекватна восприятию, в какой в ней находят проявление остаточные влияния первоначальной флуктуации. Явленная в изначальной нейтральности событийного поля, она впервые вызывает в нём эффект относительной поляризации, находящий условно-адекватное отображение в принятых знаковых системах. Понятно, что длительность существования флуктуации в критериях абсолютного времени ничтожна, но в категориях собственного времени замкнутых систем её остаточные влияния...» – проговорил я заплетающимся языком.

Саныч и Натаха взирали на меня, разинув рты. «Нет, стоп, стоп, – мысленно закричал я, – погоди. Ты, это, скажи, что с нами будет: со мной, с Натахой, с Россией?» – В ответ в ушах раздалось только гадкое удаляющееся хихиканье.

– Интересно мыслишь, – глубокомысленно заключил Саныч, а Натаха, девушка невежественная, молча покрутила пальцем у виска.

– Короче, Саныч, – сказал я, – это третья дыра. И так могли бы догадаться, что их должно быть три.

– Это я понял, – заметил Саныч. (Всё-таки он умный мужик, Саныч), – а что ты там насчёт флуктуации-то говорил?

– Остаточные явления, – сказал я твёрдо.

Тут лодка отчаянно заболталась – метрах в двадцати из воды высунулась шея, длинная, как у жирафа, и на ней морда тупая-претупая, глупая-преглупая. И с рожками. И кто-то в стороне, как тогда во сне, всполошно завопил: «Зверь, зверь!» И на этот раз, наяву, придурка этого длинноволосого я признал сразу. И звали этого придурка Ипатием, но историю знакомства нашего умолчу. Неохота мне про этого гнуса писать, может, потом когда.

Короче, пока мы полоумно взирали на эти существа, лодка, естественно, перевернулась. У пресмыкающегося в этот момент был прекрасный шанс плотно позавтракать, и удивляюсь, почему оно его упустило. Когда мы, чертыхаясь, выбрались из воды, оно всё ещё ошарашенно взидало на нас, медленно ворочая своими допотопными мозгами. А потом, видимо, решив, что с нами лучше не связываться, с шумом удалилось.

Купание ли меня так разозлило или созерцание Ипатия, что я без труда, одним усилием мысли, вытащил по грудь из воды своего профессора и грозно спросил: «Ну?»

– Родничок у мироздания не зарос, – ответил он, нервно передёрнув плечами, уже безо всяких выкрутасов, – незавершившееся творение. Тут чего хочешь может случиться. Известное дело.

– А динозавров кто напустил?

– А этот, Ипатий, – довольно захихикал профессор (ну вылитый водяной!) – у него в мозгах такие ящеры ползают... Вот и расползлись. Но ты не его бойся, а Междунетие, – произнёс он напоследок загадочно и, пуская пузыри, скрылся под водой.

В общем, Ипатия этого мы изловили и, из соображений информационной безопасности Отечества, увезли с собой в качестве трофея. Труднее было с Натахой справиться – всё порывалась спасать ящеров. Мол, что с ними теперь будет, мол, замёрзнут зимой, и всё такое. Мне бы её заботы... Всё-таки бабы – они и есть бабы.

Глава четвёртая

В которой подозрения читателя крепнут

Снова дожди. На чердаке хорошо – тук, тук, тук, тук-тук-тук. Уютно. За окном шелестит, из трубы булькает.

Весь сад зарос белыми цветами. Забыл, как называются. Какая-то родня цикуте и болиголову. Запах!!! По дорожкам улитки ползают. В бочке с дождевой водой лягушка поселилась – с неба, что ли, упала? В магазин ходим в резиновых сапогах. Натаха сонно струны перебирает. Иногда в сад выходит. Мокнуть. Дуракам закон не писан.

Нет, мы с Арнольдом никуда не выходим. Сидим, укутавшись в плед и, во исполнение обета, перечитываем Блаженного Венедикта.

Иногда в гости заходит отец Пахомий. Что-то он к нам последнее время повадился. Зонтик у него интересный. Огромный такой зонтик, с бамбуковой ручкой. Раскроет, поставит сохнуть, сразу всю веранду занимает. Да и самому отцу Пахомию, двухметровому детине, не меньше полкомнаты надо, чтобы рассесться. Одно слово – высокопреподобный.

Как Николаенко зашебуршит, морщится – развели, мол, нечистую силу. А при этом ходит, как на работу. Очень уж батюшку потусторонние вопросы интересуют. Посидит. Послушает, перекрестится: «Ох! Тяжкая ересь, бесовщина!» Вздохнёт и добавит: «А ну, ещё чего-нибудь соври!»

Не пойму, может, ему для отчёта надо?

Как он мне сильно надоест, напускаю на него профессора – высунется, как гвоздь из стены, и начнёт: «... Э-ээ, м-мм, да. Так вот, что мы можем сказать о божественном предопределении? Данность как явление относится к изначальной предначертанности, как абстрактная единица смысла, индифферентная прочим аспектам значимости, относится, точнее, соотносится с собственным гиперболизированным отображением в безначальном космическом ничто. В этом смысле, понятие Промысла как такового является лишь некорректной формулировкой закономерности (довольно призрачной, заметим, закономерности) в порядке проявления символов абсолютной реальности в практически тождественной ей среде, условно принимаемой как явленный или „реальный“ мир».

– Ну, ересь! Ну, бесовщина! – радуется отец Пахомий, – Ну, ты и закрутил!

И уходит домой писать отчёт.

Про Междунетие как-то его спросил, так он мне целую брошюру притащил с грифом «для служебного пользования» и сборник стихов. «Хуйку» называется.

«Из всех сект антисистемного толка опаснейшая – адский орден Междунетие. Подобно всем зиндикам, его адепты не верят в благость Творца и ненавидят творение. Господь (этого слова они избегают, употребляя нечестивые прозвище «Междунетие» или просто «Нет», отрицая тем самым явление божества) согласно их учению, содержит в себе образы и познания бесспорно более ценные, чем их материальные воплощения, которые достойны существования лишь в силу своего отражения в Божественном разуме. Впадая в противоречие, они не верят во Всеведение как актуальность, но лишь как в потенциальность, и полагают, что актуализация его – призвание адептов. Посвящённые (люди состоятельные) платят жрецам регулярные взносы за право приобщиться к божеству. Посвящаемый, встав слева от сеней, должен отречься от земли, от леса, от отца с матерью и от Бога. Позднее они изучают тайный язык, недоступный простым смертным. К профанам относятся с презрением и со временем перестают с ними общаться. Друг с другом же объясняются на тайном либо иноземном языке и, большей частью, магическим образом.

Верят, что, посвятив себя своему божеству, получают в награду всезнание и богатство. Адепты высших степеней проводят большую часть времени в трансе, стремясь к полному

растворению в «Междунетии», и умерщвляют плоть затворничеством и аскезой. Сколь ничтожны их потуги! Ибо, не заплатив вовремя жрецам, они лишаются доступа к своему божеству и своего мнимого могущества, и становятся ничтожнейшими из смертных!

Адепты Междунетия из разряда «прета», стремясь заманить невинные души в свои жуткие сети, воздействуют и чрез искусство. Сбивая с толку незрелые умы, они искажают и разрушают образ Божьего мира и лишают образа и подобия Божия и самого человека. Обещая возвысить его и сделать «личностью», они превращают его в сумасшедшее животное. И нет того жуткого и уродливого, что не воспели бы они, дабы посрамить Бога чрез его творение и придать последнему образ ада.

Всё созданное ими легко распознаётся чрез их маниакальную привычку метить свои творения антихристовым числом, всегда обнаружимом при внимательном изучении.

Да пребудет над ними Анафема! Аминь».

А хуйку ничего, забористые:

Сру во дворе.
Надо мной
голая жопа луны.

А?

О Междунетии этом давно ходят тёмные слухи. Один программист врал, что это ребята из будущего, которые решили переделать прошлое. А так как сами они давно живут в виртуальном мире, то и наша реальность – это плод их виртуальных усилий. А ещё говорят, воду они заговаривают в водопроводе. И все, кто пьёт, будто бы зомбируются и голосуют за демократов. А сами-де пьют только «Кока-колу». То ли наоборот, «Кока-колу» они заговаривают, не поймёшь.

Да тьфу бы, вообще говоря, на это Междунетие, если бы не намёки профессора да не Лядов. Встретился и сказал испуганно-уважительно: «Рудик, на кого ты наехал?!» Я аж загордился. Хотя ума не приложу, где я сектантам этим мог дорогу перейти?

Кстати, факт есть факт, как начитался я их дерьмовых хуйку, крыша у меня малость поехала. Сны стали сниться авангардные. Вообще, мне, бывает, интересные сны снятся, но чтобы такое!

Короче, приболел я, температура поднялась, и на третью ночь приснилось мне вот что. Сидим будто мы с Аполлоном Симонычем в шезлонгах, и вижу я, что у него оба глаза и ноги на месте. Я удивляюсь – как, мол, это Вам, Аполлоний Симоныч, удалось? А он: «Хе-хе-хе. Новейший, – говорит, – препарат, на основе солидола. Мне, говорит, из Сингапура привезли. Помажешь, и всё, что надо назад отрастёт».

И взяла тут меня за державу крепкая обида: Это надо же, из Сингапура возим, а у самих этого солидола – завались!

Потом вроде как я уже этим солидолом намазался, и отрасли у меня крылья – два комплекта, вроде как у стрекозы. Лечу я в голубоватом тумане и вдруг – паутина, и везде крылышки висят недожёванные. А в центре паутины – пишущая машинка. Хищно так пристроилась. Подлетаю я к ней и по клавиатуре кувалдой, кувалдой... (выходит, я вроде как с кувалдой летел). Треск, искры летят, а я луплю и приговариваю: «А вот тебе за Пушкина, а вот тебе за Лермонтова, а вот тебе за Есенина...» А потом как со всей силы трахну – и темнота.

Просьпаюсь – темнота. Выскакиваю во двор – нет города, темнота. А не ослеп. Потом уже узнал: на электростанции авария была. Ну а тогда, спросонья, как я перетрусил! Чего ж это такое я, думаю, раздолбал?

А потом гляжу – звёзды! Одна, другая, третья – полное небо звёзд! И каких звёзд! В жизни я таких звёзд не видел, даже на Памире. И что-то у меня тут щёлкнуло. И понял я всё. Всё-всё. И понял: вот стоит захотеть – и улечу к звёздам. Прямо сейчас. Невесомость полная. А все кусты и улитки вокруг – ну прям как родные. И звенят так нежно-нежно.

И думаю – надо сейчас что-то такое сделать, необычное. Чтобы память осталась. А то проснусь ведь и всё забуду. И прихватил я звёздочку. Небольшую такую, зелёненькую, и спрятал в бочку. Накрыл сверху и пошёл дальше спать.

Утром припёрся Лядов, весь загадочный, и нарасказал кучу новостей. Уж на что Саныч не любит Лядова, а тут тоже сидел, разинув рот.

Оказывается, пока мы тут по болотам таскались да дождь пережидали, в городе нашем разразились события, по местным меркам, космического масштаба. Я имею в виду нашествие чёрных. Нет, началось давно. Ещё весной. Сначала какие-то вроде беженцы, то ли из Дарваза, то ли из Рошана. А может быть, вообще из Шугнана. Расползлись по городу. Вроде цыган. Под ногами путаются, милостыню выпрашивают. Ну, это ладно, тоже люди. А тут – вооружённое вторжение. Облюбовали наш город нотухойцы. Приехали сразу человек 50. Все на иномарках и с гранатомётами.

– Один математик, говорят, недавно историческое открытие сделал. Доказал, что ваш Вышгород – это наша историческая родина: Самцхе-саатабаго называется. Жить тут будем.

Малюта наш малость струхнул и собрал курию. Все лены и фьёфы давно поделены между ментами и благородным воровским сословием. ГАИ пошлины на каждом мосту собирает. С чего пришельцы кормиться будут? А ну как всё захотят забрать?

Пригласили и отца Пахомия с Лядовым. На предмет, нельзя ли на кавказских гостей порчу какую навести.

Отец Пахомий вообще-то склонялся к джихаду, но на власти имел сильную обиду, и потому приписал нашествие божьей каре за попустительство Междунетию и, в особенности, пастору Шмыгу из Христо-продакшен.

Лядов, как ни странно, тоже грешил на Междунетие. Мол, когда-то одна очень солидная корпорация составила и запустила программу «Майя», которая, несмотря на все вирусы, благополучно действует и донныне. Действовала, пока всякие молодые охломоны не начали в ней ковыряться и запускать свои «Майя-2», и даже «Майя-3». Причём последние из них о существовании «Майя-1» даже и не подозревали, а думали, что «Майя-2» – это и есть реальность. В итоге – полнейшая каша-малаша. И то, что абсурд ещё не стал всем очевиден, заслуга лишь таких подвижников-альтруистов, как он, Лядов.

Нет, если бы не гранатомёты, Малюта всю эту оккультную чепуху слушать бы, конечно, не стал... Но теперь до него дошло, что кого-то там в космических иерархиях придётся подмазать.

И вот тут, по предложению Лядова, всё это благородное собрание решило обратиться ко мне, как к глубокому знатоку вопроса. Короче: «Ну, мужик. Ты попал...». И в награду мне было обещано пожаловать три бензоколонки, место в церковном совете и шаманскую тропу на Сириус.

Я так и сел.

– Ага, – говорю, – о'кэй. Всё будет шито-крыто. Бензоколонка на Сириусе, это, говорю, круто. Мироздание подлатать – это мы запросто. И парней с гранатомётами замочить на церковном совете – нет проблем. Тебе, стало быть, Малюта на хвост наступил. А ты на меня стрелку перевёл.

А Лядов так невинно спрашивает: «А что это у вас в бочке?»

Тут я заткнулся.

– А действительно. А что это у нас в бочке?

А Саныч не смутился и спокойно так отвечает: «Лягушка».

Забегая вперёд, скажу: спасла меня из этого идиотского положения эпидемия шаманской болезни. Разразилась она в то самое утро, когда мы за чашкой чая с Лядовым приятные беседы вели. Трудно сказать, откуда эта зараза взялась: то ли беженцы из Вахана притащили, то ли... Ещё грешили на Ипатия с краеведом Бештановым, которые разрыли какой-то древний могильник... В общем, навалилась на город туча духов и давай трясти кого ни попадя. Недели две это продолжалось, пока один командировочный чукча не научил всех обзавестись бубнами. Но за это время нотухойцы сбежали. Да и Междунетие притихло. Что-то такое электронное и сверхточное у них в ночь аварии безнадёжно испортилось.

Зато теперь – красота: очереди в больницы исчезли, каждый сам себе шаманит помаленьку или друг другу. Идёшь теперь в сумерках по улице, а за каждым окном бубен тихонько так постукивает и пение негромкое. Даже телевизор теперь в городе почти смотреть перестали. Зачем?

Глава пятая

В которой читатель понимает, что одурачен и решает отомстить.

Тихо стало. Тепло опять, даже жарко. Немного сонно. Город дремотно цветёт. Трамвайные пути заросли мышиным горошком, а остановки – вьюнками. Петлянки из-под кувшинок не видно. Вот когда у нас на горе хорошо – ветерок... По склонам земляника зреет – собирай горстями. Цикорий, синяки, колючки всякие красивые – лиловые, Иван-чай, донника в человеческий рост заросли непролазные. Кузнечики трещат, как линия электропередач.

В саду тень. А ещё у нас звезда. Зелёная. В бочке вода – уже и не вода вовсе – светится неярко светом зеленоватым. Налейшь в графин – как ночник получается. Читать можно. А ещё Ипатия мы этой водой отвадили. Как увидел свет, побледнел весь, затрясся, и больше мы его не видели. Решил – радиация страшная. Кто знает? Может, и радиация. Только нам от неё хорошо. А так, от незваных гостей средство неплохое, рекомендую. Цветы с неё цветут как бешеные, и все садины и порезы заживают, а Натаха милая такая, умиротворённая стала – одно загляденье. Не знаю, может, мутирует?

Николаенко – тот точно мутирует. От бочки не оттащишь. Сидит днями и ночами. Разжирел, как боров. Ладно, ладно, шучу. Как единорог или Пегас, или во что он там собирается превратиться?

Бочку мы давно открыли. Вечером наша звезда оттуда выплывает и пристраивается светить где-нибудь на яблоне. А утром сама обратно в бочку забирается. Короче, прижилась. И всё в её лучах немножечко другое. Душевное, что ли. Или идёшь куда-нибудь и подумаешь: «А дома звезда!» И спокойно так становится. И люди не такими дураками кажутся, а вроде даже и симпатичными. Даже Ипатий. Может, зря я к нему, зануде, так плохо относился? Тоже ведь дерзал человек, тайн мироздания искал, может, даже нашёл и пропал ни за что: явились ему однажды ночью телепузики и забрали с собой. И поминай как звали. Тайны – они такие, ими только заинтересуйся.

И порой сижу я такой благодушный под яблоней и ем черешню, а рядом мольбертик, и явится мне голос Разума в лице профессора, и скажет: «А, может, хватит тебе, Рудик, дурака-то валять?» А я отмахнусь лениво, как от мухи, и отвечу: «А пошли Вы! Может, оно вот это-то и есть – счастье».

Ну, потом достал меня, конечно, этот голос Разума, достал. Куда от него денешься. Напустил, гад, тоску экзистенциальную.

И вот ведь не угадаешь, на чём попадёшься. Затосковал я об анфиладах, что нам с Санычем в тумане в доме открылись. Вроде как потерял я там чего. И не поймёшь, что там было? То ли было, то ли не было... Даже на бездонное озеро ходил. Может, явится чего? И до Божьего царствия добрался. Аккуратный такой заборчик стоит. Только с одной стороны подрыто – это Ипатий с Бесштановым там копались.

А потом увязался туда со мной Николаенко. Уже август шёл. Яблоки падали, и сквозь открытое окно по вечерам пахло старо-китайской лирикой, а иногда бабушкиным садом в деревне. Я сначала не обрадовался. Думаю: как я с таким чудом по улице-то пойду? Что люди подумают? А потом махнул рукой: а, пусть идёт. В случае чего, скажу – мол, коза такая, новой породы. И домой к Санычу он не вернулся. Остался в Божьем царстве. Сначала скучали. Ходила Натаха туда к нему, навешала. А он ничего. Прозрачный стал и отстранённый. Потом одной лунной ночью вообще исчез куда-то. Натаха даже всплакнула. Ветер, ветер зашумел. Звезда замерцала тревожно, потекло всё куда-то, потекло...

Аполлоний Симоныч умер. Потруился перед этим немало. Царствие разгородил – пусть теперь растёт себе на воле! И дом свой, с нашей помощью, разгородил – мол, занимал эту землю временно, а теперь и её отпускаю. Вещи все раздал.

Молвил: «Пожил, детушки, и пора. Заждались, готов обед-то. Готов. И гости званы», – и не стало Аполлоний Симоныча. И книгу его не нашли.

А по ночам ветер, ветер... Листает страницы.

– Ну, что, пан профессор, побеседуем, без дураков.

– Ты и так всё знаешь, Рудик.

– К чёрту, всё знать и знать всё – разные вещи. Собака, она тоже всё понимает.

– Ветер, ветер, слушай ветер, Руди. Но что же всё-таки движется, ветер или флаги?

– К чёрту Ваши парадоксы. Сознание движется, сознание. Не принимайте меня за пятилетнего. И с чего это Вас именно сейчас понесло говорить загадками?

– Потому, что ты уже знаешь разгадку.

– Не знаю, ничего я не знаю. Я только слышу, как ветер листает страницы, уже тысячелетие за тысячелетием. Я исчезну?

– А кто это спрашивает?

– Поганая привычка отвечать вопросом на вопрос.

В ночи кто-то печально кричит. Тёплая ночь. Какое сокрушительное одиночество испытывает кто-то во мне, перед тем как исчезнуть.

В лунном свете одна за другой открываются анфилады, полные бесчисленных призраков – моих Я. Да каких, к чёрту, призраков – живых, тёплых и полных памяти.

Мы молчим. Надо всё-таки закрыть окно, а то налетят комары.

Не бойся! Исчезнуть страшно, только когда знаешь, что что-то останется...

Глава шестая **Которую никто не читает, или**

СОКРЫТИЕ В ОБЛАКАХ

Глава седьмая

Прочитанная по привычке совать нос в конец

Урожай в этом году богатый. Отличный урожай. Яблок вообще девать некуда. На рынке за ведро ещё и приплачивают. И осень хорошая, солнечная, сухая. С нашей горы дали открылись – аж до Москвы. Богатая осень.

Опята опять-таки – вёдрами. Солим кадками. Огурцы уже засолили, впереди капуста. Саныч Натаху к хозяйству приучает. Чёрт его знает, может, и приучит. А может, и сбежит. Сейчас, во всяком случае, старается.

Лядов с отцом Пахომием заходят. Уважительные очень. От самого Малюты привет передавали. Интересовались, когда в Москву собираюсь. Наметил ли день? Наметил, конечно. Да только так я им и скажу. Я лично не спешу. Мне лично и здесь хорошо. Вон Санычу помогаю. По базару хожу. Чего только там нет, посмотреть приятно. За Божьим Царством, опять-таки, присматриваю. Ничего, подрастает помаленьку. Рисовать там хорошо. Сейчас, правда, везде хорошо, но там особенно. И картины совсем особенные получаются. Спрос на них хороший. А иные просто так раздаю, для настроения.

Прохладно, хорошо работается. Хорошо, да...

Ну, что вам ещё сказать... Приезжайте. У бездонного озера с удочкой посидим.

P.S. Фрагмент 20

Вася теперь живёт в Москве и ничего не боится. Он знает, что бог есть, и если его хорошенько попросить, он обязательно заступится. Бог живёт на пустыре за оврагом. Все местные ребята об этом знают, но чужим ни за что не расскажут. А если кто не знает где это место точно, им его ни за что не найти. Бог обитает в загадочном храме из пустых банок, от которого по ночам исходит призрачное сияние, видимое за пару шагов. В жертву Богу надо приносить ручки, карандаши, цветные фломастеры, пробки и разноцветные стекляшки. Их сваливают в груды, и горе тому, кто на всё это покусится. Однажды бог так шарахнул молнией одного непочтительного бомжа, что они с тех пор боятся и ни за что не подойдут. Бог добр и помогает почти всем, кто к нему обращается, ну кроме разве что зубрил. Бог любит музыку и пиво. И когда доволен, то гудит торжественно и грозно: «О-со-а-вииии-ааа-химмм, О-со-а-вииии-ааа-химмм, Осо-а-вииии-ааа-химмм!»

Комментарии

От автора комментариев.

Представленный вашему вниманию текст интересен как своеобразный образчик максимализма и александризма в современной русской литературе. Автор его неизвестен; по некоторым из существующих мнений, он умер. Уместнее, однако, предположение, что он никогда не существовал. Не исключено, что он скрывается среди героев этого произведения. Едва ли нашу задачу облегчит тот факт, что тексты, посвящённые двум персонажам, написаны от первого лица. Скорее, ключ к разгадке может дать тот факт, что отрывок из Джерома, вынесенный в эпиграф, взят из «Рассказа священника». Но даже если наша догадка верна, остаётся абсолютно загадочной ключевая фигура тётушки.

Д-р. Майкл Гонник. Чикаго.

Сеть Индры – согласно буддийской мифологии состояла из жемчужин, каждая из которых отражала все остальные, включая собственное отображение в них, содержащие все прочие отражения.

Индра – громовержец, царь богов ранней индусской мифологии.

Джером К. Джером – английский писатель, юморист (1859—1927).

Фрагмент 1

Раби – учитель (ивр.). обращение к духовному лицу.

НаРаНХаЙ. – Нэфэш, Руах, Нэшама, Хая, Йахида – энергии высших духовных миров Асия, Ецира, Брия, Ацилут, Адам Кадмон.

Подкова – видимо, раби хочет сказать, что обретение свитка после пребывания в высших мирах равносильно подкове, оставшейся после утраты лошади.

Моше – Моисей.

Ари – Исаак Лурия Ашкенази (1534—72), знаменитый каббалист, оставил наиболее авторитетное истолкования Зоара.

Зоар (Зогар) – священная книга каббалы. Вероятно, написана во 2 веке Шимоном бар Йохая, опубликована в 13 в. Моисеем Леонским.

Машиах – мессия.

С Его стороны – со стороны Бога.

Текст 1

Хараппские иероглифы – письменность древней Индской цивилизации. Не расшифрована.

Кохау-ронго-ронго – древняя письменность острова Пасхи.

Гиперборея – мифическая околполярная страна блаженных античной традиции.

Прус – легендарный прародитель Рюриковичей. Персонаж исторической мифологии 16 в.

Рыбаков – академик, историк; *Петраков* – академик, экономист; *Лихачёв* – академик, филолог; *Лигачёв* – секретарь ЦК КПСС; *Янин* – академик, историк; *Янаев* – вице-президент СССР; *Фоменко* – академик, математик; *Доренко* – телеобозреватель.

Грозный Бедржих – знаменитый лингвист и криптограф. *Фрейд Зигмунд* – основатель психоанализа.

Жид – здесь *Id*, *Оно* – по Фрейду, – инстинктивные и врождённые начала личности, комплекс разнообразных бессознательных побуждений, влечений, инстинктов и т. д. Здесь игра слов: *Id* – еврей (идиш).

Документ 1

Значительную часть изложенных в статье представлений Бесштанов мог почерпнуть в современной Российской прессе и псевдонаучной литературе.

Бодрый Яр – возможно, родина предков известного мыслителя Бодрийера

Крестословицы – эта часть воззрений М. С. Бесштанова вполне оригинальна.

Пэнлай – гора, обитель бессмертных китайской традиции.

Асгард – город богов в германской мифологии.

Шамбала – священная страна буддийской мифологии.

Сыны Ямато – японцы.

Фрагмент 2

Хедер – начальное еврейское училище

Гальперин Иехиаль – еврейский историк, автор трактата «Седер Гадарот (Порядок поколений) 1700г.

Гановер Натан – автор хроники Иевейн Мицула, 1653 г.

Франк Мардохей – неустановленная личность

Столько теней – сравни текст 15.

Фрагмент 3

Малахутовка – игра слов: Малаховка, малхут – царство (ивр.)

Галутвин – игра слов: Голутвин, галут – рассеяние

Мокша – название реки, мокша – нирванна, полное освобождение (санкр.)

Ibbur – «Зачатие», реминисценция из книги Майнринка «Голем».

Купить себе новые – возможно, намёк на Ветхий и Новый заветы.

Текст 3

Вав – буква еврейского алфавита

Ацилут, берия (брия) – названия высших духовных миров в Кабале

Текст 4

Леонида Ильича – Брежнева.

Англицкими письменами – надписи были сделаны по-английски.

Автобус то, автобус! – благодаря магической защите дом Витька можно обнаружить, только приехав на автобусе.

Журналисту – Ипатию.

Астралопитек – буквально: астральная обезьяна.

Маркс – немецкий экономист, *Флоренский* – русский религиозный философ, *Тагор* – индийский писатель. Носили бороду.

Документ 2

Кассандра – легендарная пророчица, предрекшая гибель Трои. Сравнение меня с Кассандрой абсолютно смехотворно, хотя бы потому, что Кассандра – женщина.

Пушкин – русский поэт, *Распутин* – влиятельный авантюрист (нач. 20 века.), *Есенин* – русский, советский поэт, *Чуковский* – советский поэт писатель, *Маленков* – премьер-министр СССР в 1953—55 гг, *Микоян* – формальный глава СССР в 1964—65 гг., *Апполоний Тианский* – мистик и религиозный деятель (2 в. Н.Э.).

Ирина Х., Эрнест М. – невыясненные персонажи.

Текст 5

Ельцин – президент России в 1991—99гг, *Ястржембский* – пресс-секретарь президента Ельцина, *Рохлин* – политический оппонент Ельцина, национал-патриот, *Путин* – президент России с 2000 г.

Доказательств много... – этот человек не располагает никакими доказательствами.

Американцы – наглая клевета. В своей борьбе в защиту американских ценностей и демократии во всём мире Соединённые Штаты никогда не прибегали и не прибегают к подобным методам.

РОНО – районный отдел народного образования.

Местком, партком, горком, исполком – местные органы власти в СССР

Документ 3

Тара – сакральная столица средневековой Ирландии, здесь, скорее, образ сакрального центра мира.

Самайн, Имболк, Бельтайн, Лугназад – кельтские праздники, справлялись соответственно 1 ноября, 1 февраля, 1 мая, 1 августа.

Бригита, Бел, Луг – боги кельтского пантеона.

На западе – мудрость – фрагмент известен по другим памятникам.

Телец, Опора – забавны соответствия: der Kalb (нем.) – телёнок, кальб (арабск.) – столп, опора, также тайный святой существование которого предотвращает наступление конца света.

Сеть – Владельцем сети традиционно считается бог Огмий (он же бог огама). Сеть, в некотором роде, и есть огам – система, знаком стягивающая и формирующая мироздание. См. также каббалу.

Огам – тайный язык.

Ночь Самайна – фраза непонятна, однако можно предположить, что в тот год ключевая встреча миров, вторжение сакрального времени в профанное произойдёт не 1 ноября, а 1 августа.

Дагда – древнее божество с элементами хтонической символики.

Текст 6

Эон – космическая эра.

Текст 7

Баал – бог-хозяин земли (семитск.)

Баальзебуб – Вельзевул. Буквально «Повелитель мух». Буба называет себя именем этого древнего бога.

Такла-Макан – пустыня в Центральной Азии

Хайку – японские трёхстишия.

Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР.

Алайя – Рыжий использует термин философии Йогачара. Алайя-Виджняна – сознание-сокровищница – субстратное сознание и источник всех его форм и типов.

Текст 8

Бытие – философская подготовка Евгения оставляет желать лучшего

Валгалла – рай германской традиции.

Тартар – бездна, подземный мир античной традиции.

Дугал Мак-Гайл – см. текст 15.

Фрагмент 6

Панкиси – ущелье на Кавказе. Зона военного конфликта.

Масох – вероятно, местность на Кавказе. Сравни, Гог – царь Масоха и Фувала (библейск.) – в позднейшей транскрипции – Гог и Магог.

Фрагмент 7

Полуразрушенные коровники – фразу следует понимать буквально, в России мне действительно часто попадались полуразрушенные заброшенные фермы.

Часы – по-видимому, такими часами располагает каждый из хранителей. Начав ход, они знаменуют наступление особого сакрального времени, «последних времён».

Текст 10

Хуанди – Жёлтый предок. Мифический первый император Китая. Не позднее 3-го тысячелетия до н.э.

Юдхиштхира – легендарный царь Пандавов. Индия. Приблизительно 2-е тысячелетие до н.э.

Первое упоминание Вышгорода в летописи – 1352 г.

Джамшид – мифический царь древнейшего Ирана.

Риши – легендарные создатели Вед. Примерно, сер. 2-го. тысячелетия, до н.э.

Мандава – графическое изображение, наделённое мистическими и магическими свойствами.

Кальб – букв. «опора». В суфизме, святой, поддерживающий существование мира.

Тантризм – мистические направления в индуизме и буддизме, практикующие работу с психофизическими энергиями.

Дхармапала – в буддизме, гневные божества, защитники веры.

Текст 13

Тайное имя – подлинное имя Бога. Согласно каббалистической легенде, нашедший его становится всемогущим; код материнской Программы найденный Ицхаком.

Фрагмент 11

Братство – возможно, речь идёт о легендарном ордене розенкрейцеров.

Навин – Иисус Навин, библейский персонаж.

Коперник – польский астроном, создатель гелиоцентрической модели.

Вы боги – цитата из Библии.

Развязанное на земле – цитата из Евангелия (искажен.)

«*Существую*» – возможно, из Декарта: «Мыслю, следовательно, существую», далее Декарт выводит из этого тезиса существование Бога и мира.

Документ 5

Нигде – город в Турции

Снов – посёлок в Украине

Наш Друг – вероятно, Лядов.

Генератор – см. ниже.

Фрагмент 17

Никому не отвечал – согласно одному из буддийских преданий, Будда после просветления не произнёс ни слова, но каждое приходящее к нему живое существо слышало проповедь спасения, соответствовавшую его духовному уровню.

То ли от мудрости – мудрость и сострадание – две составляющие пути Бодхисаттвы.

Трансцендентальный субъект – понятие новоевропейской философии, субъект познания, отвлечённый от любого эмпирического индивида, в дальнейшем понятие Т.С. сближается с понятием Бога.

Текст 14

Иэмото – глава традиционной школы.

Хунхуз – бандит.

Хатиман – синтоистское божество.

Чжуан-цзы – даосский трактат 4 в. до н.э.

Война – русско-японская 1904—1905.

Бодхисаттва – милостивый персонаж буддийского пантеона, давший обет спасти все живые существа.

Ваджра – громовой алмаз, символ несокрушимой твёрдости.

Махавайрочана – вселенский Будда, абсолют.

Война – вторая мировая.

Документ 9

Кузнецов – секретарь ЦК, курировал работу органов ГБ.

Абакумов – министр Государственной Безопасности.

Фрагмент 16

Марсельеза – революционная песня.

Текст 16

Кяфиры – язычники.
Звезда – см. вторую часть.

Текст 17

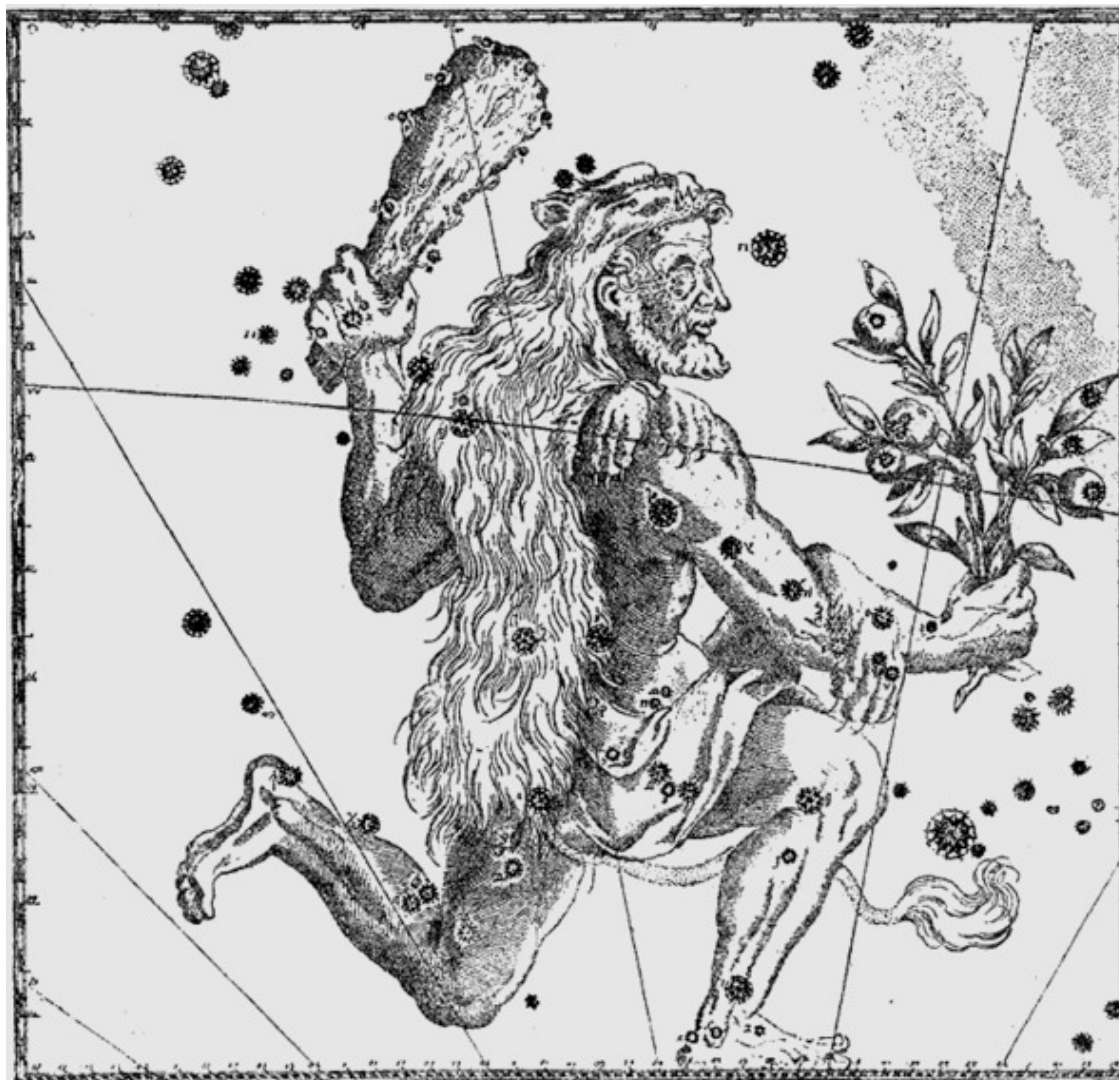
Смиты – Фира принимает «двух чёрных» за персонажей фильма «Матрица».
От передоза кони двинул – умер от передозировки наркотиков.

Текст 21

Самадхи – глубокое сосредоточение, экстаз.
Бансай – искусство карликового садоводства.
Федорчукова рать – 1328 г.
Боттичелли – итальянский художник 15 в.
Ахетатонская скульптура – древнеегипетская скульптура эпохи фараона Эхнатона (14 в. до н.э.)
Ци – жизненная энергия.
Ахимса – принцип ненасилия (непричинения вреда живому).
Жизнь, Здоровье, Сила – официальная титулатура фараонов.
Кант, Лейбниц, Гегель – немецкие философы.
Долгих – секретарь ЦК КПСС.
Шунья – пустота, несубстанциональность, отсутствие реального бытия.
Рита, Анна, Проня, Параша, Рита, топас, Агния, Надя – искажённые санскритские термины:
Рита – гармония.
Ана – пища.
Прана – жизненная энергия.
Пуруша – мировой дух, душа.
Тапас – аскеза.
Агни – огонь, энергия.
Нади – энергетические каналы.
Блаженный Венедикт – Ерофеев.
Адам Олеарий – немецкий путешественник 17 в.
Мокеле-Мбембе – африканский аналог Несси.
Дзуйхицу – лирический дневник, бессюжетная проза. Рудик пародирует здесь «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон.
Тайдулла – ордынская царица 14 в.
Пи-мезоны – элементарные частицы массой 273,2 электронных.
Зиндики – приверженцы гностических культов, еретики.
Дарваз, Рошан, Шугнан – области в горах Памира и Гинкуша.
Самцхе – нотухщцы заблуждались, область Самцхе находилась совсем в другом месте (в Турции).
Лены и фьёфы – феодальные владения полученные вассалом от своего синьора.
Майя – творящая мир божественная энергия, космическая иллюзия.
Сокрытие в облаках – цитата из Гэндзи-моноготари.

1996—2000 г.

Мистерия о Геракле повесть

Глава 1

Раскопки в этих краях производить приятно. Считается – как на курорте. Но ощущения курорта нет. Есть ощущение жёсткости, напряжённой тревожности, необустроенности, как и везде, где оставил свой след советский Молох. Однако, всё-таки юг. Маки, всюду маки среди отвалов белого камня. Изъеденные людьми скалы. За века здесь было проедено столько «червоточин»... – неудивительно, что выдающееся археологическое открытие было совершено только недавно и, разумеется, случайно.

Традиции удивительно стойки: хотя целла храма была высечена в скале, наружу когда-то выступал портик. Сенсацией стало уже то, что храм был посвящён Геркулесу. Первое святилище этого странного культа, обнаруженное в здешних местах. Существование его, несомненно, было связано с пребыванием здесь римского гарнизона.

Почитание Геракла как бога было распространено, в основном, в западных провинциях империи, где наложилось на кельтские культы Езуса и Огмий. Он был почитаем воинами как воплощение силы (его поклонником, в частности, был император Коммод), кельтами (в качестве Огмий) – как бог мудрости и красноречия, а некоторыми (судя по дошедшим посвящениям) даже в качестве верховного (или единого) божества. Подобный ход религиозной мысли в отношении могучего, но простоватого сына Зевса и земной женщины, назначенного за заслуги виночерпием олимпийцев, достаточно необычен. И свет на него, как представляется, и могут пролить наши раскопки, главным открытием которых стал даже не храм, а соседнее высеченное в скале лабиринтоподобное сооружение, предположительно идентифицированное как мистериальный центр. И это притом, что никаких сведений о существовании мистерий, связанных с Гераклом, дошедшие до нас источники не донесли...

* * *

В девять месяцев я научился говорить, в шесть лет – читать, в 8 я прочитал всего Жюль Верна, в 12 – Конан Дойля, в 14 – Евангелие. В 19 я переспал с женщиной и решил, что это не очень-то интересно. Курить и целоваться я так и не научился. В 22 я получил диплом, в 25 овладел искусством медитации. К 26 годам я научился разговаривать со стариками, к 30 с девушками и детьми. В 32 смог пить пиво и водку без отвращения. В 33 ко мне явился ангел и предложил выпить. «Может, не сейчас?» – взмолился я. В левом боку у меня была дыра размером с чайное блюдце, я был влюблён без взаимности и сидел без копейки денег.

– Пей, пей, – сказал ангел, – большая честь, между прочим. Сейчас откажешься, потом изведёшься, – и протянул мне чашу с зеленоватым пойлом.

И я выпил.

О том, что не всё ладно, первыми сказали настенные часы. Кукушка вылезла из дверцы и молча посмотрела на меня с насмешливым любопытством. Руки прилипли к столу. Сердце замерло между двумя ударами пульса. Время утратило длительность и обрело глубину, и там, в глубине – сиреневый отсвет вечности. «Ку-ку!» – вдруг сказала кукушка, и интонация у неё была явно издевательская.

В тот день я дважды порезался. Руки, ноги вдруг вышли из-под контроля: переплетались, запутывались в вещах. Воздух перестал быть однородным – я то вяз в нём, как в киселе, то проваливался, как в яму. Временами он просто исчезал, или это просто я забывал дышать.

Память потекла и потеряла отчётливость. Простые действия вдруг стали невообразимо сложными, целыми комбинациями действий, часть из которых я не помнил. Я забывал, как

едят, ходят, включают телевизор, или помнил об этом чисто интеллектуально, как способы решения задач по геометрии. События утратили однородность, когда-то одинаковые действия приобрели беспокоящую уникальность. Поднимаясь к себе, я теперь проходил каждый раз по новой лестнице и молился о том, чтобы квартира осталась на прежнем месте, а ключ подошёл бы к замку...

* * *

Утро медленно заплывало жаром. Солнце пожирало город. С каждым часом оно подбиралось к нему всё ближе и ближе, слизывая последние тени, забираясь в самые укромные щели, превращая воду в резервуарах в расплавленное золото. И Геракл оставил его без сожаления, направив лёгкий шаг в прохладу лесистых гор.

Сплета люльку и подвесив её на ветвях могучего дуба, он проспал в ней десять дней, пока новое имя, данное ему оракулом, искало путь к его сердцу. Открыв глаза, он увидел льва. Тот стоял неподвижно, словно охваченный сомнением. Он был огромен. Встав на задние лапы он, пожалуй, мог бы дотянуться до Геракла, но что-то удерживало его, и Геракл с удивлением понял, что это страх.

– Мы похожи, – сказал льву герой, – и отныне мы станем нераздельны. Меня будут узнавать благодаря тебе. Десять дней мы видели друг друга во сне, но проснётся только один из нас.

Он пошевелился, и лев одним прыжком исчез в зарослях. Геракл засмеялся...

Глава 2

– Ты не думай, что там неглубоко, там очень глубоко. Нырнёшь – не вынырнешь, такая глубина, и темно там. Сначала белое всё, а потом как закружит, через крест протащит, и темнота.

– Это он про что?

– Да про раковину. Он два раза в раковине топился.

Жарко. Но сквозь давно не мытые непробиваемые стёкла мордой в забор день всё равно кажется серым.

Наверху рамы спрятана половина бритвенного лезвия. Но Васюте эту тайну не доверяют: порежется – всем плохо будет. Больше никаких загадок и достопримечательностей. У баб покрывала в цветочек, а у нас серые. Сейчас прогулка будет, потом ужин, а потом телевизор будем смотреть.

Самое страшное место здесь – курилка. Это ад: 6 кв. м., голая лампочка, голые стены. Человек 15 разного пола набиваются и курят, сидя на полу или стоя. Одутловатые, нездоровые. Здесь все выглядят лет на 15 старше своего возраста. То ли от болезни, то ли от лечения.

Буйных на вязку. А так – не бьют.

Ни одного Наполеона. Но есть один Господь Бог.

Лев Трифонович Немейский глядит на меня ледяными глазами нормального человека и разговаривает наедине как с нормальным. Это его метод.

– Ну что, скотина, не надоело? Будем дальше ваньку валять?

– Да я не валяю, доктор. Если я нормальный, так выпустите меня отсюда.

– Я тебя отсюда выпущу только в тюрьму. Сам знаешь. А раз числишься психом, то отсюда не выйдешь. Никогда, понял? Знаешь почему?

– Знаю. Потому что я могу убить своих детей, – повторяю я смиренно заученный ответ.

– Правильно. В прошлый раз они чудом от тебя спаслись. И следующего не будет. Ясно?

– Ясно.

– Ты видениями чудовищ другим голову морочь. На самом деле, ты просто хотел от них избавиться. Мешали они тебе. Ведь мешали?

– Мешали, – признаю я покорно.

– Я прав?

– Правы, – я знаю, что лучше не спорить.

* * *

У Господа Бога очень интересное лицо. Как у Веспасиана. Лоб мыслителя, седая бородка – породистое лицо человека с биографией. И абсолютно железная логика.

– Если Вы Бог, то почему находитесь здесь?

– А какая разница?

Если подумать, то действительно, для Бога разницы никакой.

– Давно хотел спросить, вот Вы всемогущий, да? Когда в Освенциме миллион человек в газовую камеру загнали, они ведь, наверное, молились, к Вам взывали, орали даже. Вам их нисколько жалко не было?

– Было.

– И Вы могли их спасти, да? Или вы свободу воли оберштурмбанфюрера Хёсса боялись нарушить?

– Миру был нужен урок. Вы очень тупые, очень скудное воображение. Иначе вас не проймёшь. Вы должны были увидеть, к чему приводит нарушение моей воли. Потом, откуда вам известно, что они не спасены? Голубчик, мой родной сын просил пронести мимо него «эту чашу». Но так было надо.

– Знаешь как там глубоко? Нырнёшь и не вынырнешь. В воронку затягивает. А там темнота. И тянет всё ниже, ниже, сил нет.

И булькает. Врагу не пожелаешь это бульканье услышать. И темнота...

* * *

День холодный и сухой, белый и похрустывающий как накрахмаленная скатерть. За открытым окном насупленные снегом сердитые облака. Даже часы идут полущёпотом. Секунды падают в подставленное хрустальное ведёрко и тихонечко позвякивают: дзинь-дзинь.

Мэриэн сидит на вертящейся табуретке. Ей грустно и чисто. Торжественно сверкает надменное фортепьяно. Его звуки ещё летают по комнате, оседая в углах серебристой пылью.

«Бум-бум-бум!» – раздалось глухо как из погреба заброшенного ватными одеялами. Мэриэн подняла голову. «Бум-бум-бум», – настойчиво, как шум в ушах или соседский ремонт.

Опять. Теперь наяву. Стук из сновидения, преследовавшего её уже третью ночь... «Бум-бум-бум», – как удары пульса.

Мэриэн вскочила и легко завальсировала по зеркальному полу: «Тра-та-та тра-та-та тра-та-та-таа». «Бум-бум-бум».

Голубая кошка поглядела вопросительно и повела ушами. Тоже слышит – Мэриэн захотелось плакать. «Тра-та-та тра-та-та тра-та-та-таа». Она не выдержала и, накинув шубку, вышла через французское окно во двор.

Похрустывают тоненькие льдинки. «Бум-бум-бум». На улице ещё слышнее. Это из чулана – маленькой железной дверцы под крыльцом, которую никто никогда не отпирал. Как говорил па, дворники когда-то хранили там метлы и лопаты. «Бум-бум-бум». В воздухе кружат запоздавшие снежинки. Снова тишина. Насыщенная, как после концерта. А вдруг они не дождались и ушли? Хотя куда можно уйти из чулана? Только назад в сон. Как страшно! Её пробила дрожь. Теперь они будут стучать там всегда!

Маленькими изящными ручками в замшевых перчатках она подняла оставленный кем-то тяжеленный лом и начала бить по ржавому висячему замку.

Взорванная тишина вопит, умирая, жуткими лязгающими звуками. Мэриэн промахивается, плачет, всё время попадая не туда. Внезапно отлетает скоба.

Снова тихо. Кошка топорщит уши. К горлу подкатывает комочек ужаса.

Через скрипучую щель вместе с вековой пылью, как стая джиннов, вылетают клубы чьего-то дыхания.

Дверь отворяется бесшумно, как в страшном сне. И они выходят.

Мужчины и женщины с закрытыми глазами, словно приклеенные друг к другу. Их много. Чёрной рекой вырвавшись из чулана, они идут и идут бесконечным потоком, не замечая застывшую в немом ужасе Мэриэн. Идут молча, оставляя следы на свежем снегу.

Вот слепая толпа достигла ворот, вздрогнувших перед неостановимым напором, и сквозь калитку, сквозь дыру в заборе вылилась на пустынную снежную улицу.

Они шли весь день и всю ночь.

Последний аккуратно прикрыл за собой дверцу, и разыгравшаяся под утро метель замела их следы пушистыми белыми сугробами.

– И что было дальше?

– Дальше Вы сами знаете, – она глядит на меня устало, – они поселились в наших домах и все дома в городе превратились в сумасшедшие. Их было очень, очень много, и постепенно мы сами стали превращаться в них. Перенимать их позу, выражение лица, манеру смеяться и проводить время – просто чтобы не выделяться на улице. И настал день, когда остались только они, а оставшихся из нас рассовали по психушкам. Разве Вы здесь не по тому же поводу?

* * *

– Итак, приступим, – Немейский достаёт чистый лист бумаги. – Приступам неконтролируемой ярости ты подвержен с детства. На учёт тебя поставили после того, как ты чуть не убил учителя музыки. Верно? Он что, тоже показался тебе чудовищем?

– Это был несчастный случай.

– Хм, допустим. Но ты ведь его не любил, верно?

– Неправда.

– Скажем по-другому: он тоже тебе мешал. Он ограничивал твою свободу именно потому, что ты любил его больше всех других. Возможно, ты не признавался в этом даже себе, но ты хотел его убить и попытался это сделать. Ты убийца. Такие как ты опасны для общества, и я буду держать тебя здесь, пока ты не превратишься в растение. В тыкву или в кабачок.

Лист бумаги остался чистым.

– Почему бы тебе не согласиться с ним? Ведь он прав, ты действительно убийца, – Васюта поморщился. – Как только ты согласишься, выйдешь отсюда.

Я вздрогнул.

– Ты что, слышал?

– Случайно услышал.

Врёт.

За окном идёт дождь и стучит по крыше больничного барака. Единственный звук, доносившийся сюда снаружи.

– Это тебе Господь сказал?

– Неважно. Главное, что правда.

– А что ещё сказал?

– Убей его.

– Кого?

– Немейского.

Я встал и вышел в туалет, открыл кран и долго слушал шум падающей воды. Сначала всё белое, а потом темно и вниз затягивает.

Глава 3

Я живу почти у самого моря, ближе только дюны. Посёлок наш был основан пещерными людьми. Дома уже не одно десятилетие пытаются выбраться из скалы, выпуская из своего подземного нутра, как усики, веранды и галереи, громоздя пристройки и притворы. Выкидывая для их возведения на поверхность ослепительно белый камень и тем самым всё глубже вращая в скалу, прирастая всё новыми пещерными безднами. Вешая на вырубленные в вечной скале окна ситцевые шторы и выставя горшочки с геранью, посёлок делает вид, что никакой скалы нет. Нет скрытых в её нутре бесконечных лабиринтов, во время последней войны укрывших целый город.

Взорваны штольни и проходы, прошлое погребено. Есть занавески в горошек, подсолнухи, крылечки, бельё на верёвках, солнце, море. Монастырь над посёлком. Ещё выше, на самой вершине – руины крепости для редких экскурсантов. Есть пробирающаяся под отвесной стеной железная дорога, сарай, куры, ослики.

У меня скала – это только задняя стена, заклеенная зелёными обоями. А за окнами виноград, дюны, море.

Хотя море – одно название. Бухта. А рядом заболоченный лиман.

Один из ходов лабиринта, который мы освободили от завалов, уходит под воду. На его стене сохранилось процарапанное изображение кальмара. Хотя здесь они не водятся. Только медузы.

Наши раскопки напоминают складывание картинки из детских кубиков. Тут фрагментик, там фрагментик. Вроде бы и не связанные.

Но если подумать, вся жизнь состоит из таких фрагментиков. А картинки уж составляем мы сами, кому какие нравятся...

* * *

– Вот там она и живёт, в самой середине. А как корова подойдёт напиться, так она выползет и хват! Вон, вишь, в камышах протоки. Это она корову волокла. А посреди болота – острова, и там рога, рога. Вот так всё колхозное стадо и перетаскала, гадина.

– Слышь, Кузьмич, А точно она перетаскала? А, допустим, ни кто ещё, с голодухи?

– Она, она, не сумлевайся. С девятью головами, вот те крест. А не веришь, так сам на остров тот по трясине поберись и рога посчитай. Я так и председателю нашему новому Ерофею сказал: иди, мол, сам и посчитай. Тока чей-то не пошёл. Тебя прислал. Чтоб, эта, рога посчитал. Хи-хи-хи!

Камыши, камыши, чав, чав.

– А ежели подкараулить, да из ружья? Корову на берегу привязать, а самим в кустах схорониться.

– Ишь придумал, умник, – обиделся за гидру Пал Кузьмич, – так ты её и прошибёшь, о девяти-то головах! Да так она тебе и выползет. Да и кто тебе корову на такое дело даст, и не осталось их, кормилиц, почти.

– Слышь, Кузьмич, а давай болото подпалим. А рога, так хрен с ними, с рогами, сколько их там. Сгорят и х... с ними. Жара-то какая!

Пал Кузьмич задумался.

– А ежели выползет?

– Ну ты чудака-человек! Так я и хочу, чтобы выползла! А башки-то я ей посшибаю.

– Ишь задумал, умник, – сказал Пал Кузьмич, но дальше не придумал, что возразить.

И мы его подожгли.

Я когда в Москве жил, каждый день думал, какой м... их там поджигает? Теперь-то понял. Ничё, подышат маленько дымком.

Всё одно вокруг горит, жара, блин.

* * *

Геракл глядел, как зачарованный, на медленно выползающее из трясины создание. В его немыслимом безобразии было что-то завораживающее, привлекательно-омерзительное. Неужели этот спрут сидел во мне многие годы, высасывая силы и страсть? А жизнь моя была многолетним странствием по этому болоту, прикинувшемуся цветущим лугом? И стоило потянуться за прекрасным цветком, как нога проваливалась по колено, и трясина, жадно чавкая, тянула вглубь, высасывая соки.

Это была она сама. Душа трясины. Без неё болото перестанет быть гиблым и будет просто мокрым лугом.

Засверкал меч. Но на месте каждой отрубленной головы выросли две новые. Как могучие скользкие удавы, они оплетали Геракла, и сердце его, трепеща от ужаса и омерзения, взмолилось о пощаде: «О герой, разве ты не видишь, что сила гидры – это твоя сила? Что десятикратно выросла она с того мига, как ты обнажил меч? Пытаясь победить зверя, ты породил чудовище».

И Геракл понял: лишь огонь, огонь, выгнавший её на поверхность, способен одолеть гидру.

Корчились обугленные щупальца, всё легче и легче становилось Гераклу, и вот, наконец, он увидел глаза врага. Это были глаза самого небытия, бесконечной бездны, жаждущей наполниться и вобрать, втащить в себя целый мир.

Единственная настоящая голова гидры была бессмертна, и Геракл придавил её огромным валуном, лежащим на краю болота. И горе тому смертному, кто, играя силой, решится сдвинуть его.

А стрелы свои он наплат ядовитой кровью гидры. Ибо вся страсть, вся сила, собранная ею, была заключена в этой крови и пламенем своим могла испепелить любого врага...

* * *

– Ну чё, не ползёт?

– Задохлась, ей богу, задохлась. Дымище-то какой!

Мы сидели на здоровенном булыжнике, лежащем тут, видно, с ледникового периода.

– Ну да, и я так думаю, поползла на остров свои рога спасать, и задохлась... Ну, что у нас там дальше в программе?

В лесу ночевать страшно. Нельзя в лесу ночевать. Ночью его нет. «Был вечер, было утро», а посередине-то ничего. Дыра чёрная. Ничего не было. Так и тут нет, может одни звёзды. И это «ничего» шуршит-шуршит, передвигается и дымом воняет. Щас выползет из ничего девятиглавая: а кто болото моё поджжёт?!

– Ничё, ещё часок и до третьей бригады доберёмся, то бишь до Бабёнок. Хоть там ночевать, я тебе скажу, тоже не приведи господи.

А звёзды здесь знатные, никогда я раньше таких звёзд не видел. В Москве – это разве звёзды? Так, бутафория.

– Пал Кузмич, вот ты человек бывалый, в Москве жил, скажи, а откуда на небе звёзды?

– Э-ээх, будто сам в Москве не жил? Ну да ладно, слушай:

Откуда на небе звёзды

В старые времена звёзды светили на земле. Они висели на каждом столбе, и ночью было светло, как днём. Только как-то Гоголь решил подняться на небо. Он взлетел высоко-высоко и тут-же заблудился, ведь на небе было темным-темно.

– Кря-кря, – сказал Гоголь, – так дело не пойдёт, – он нырнул вниз, схватил одну звезду и повесил её на небо. – Так-то получше, – подумал он, – надо, чтоб на небе было так же, как в Москве.

Целый день он воровал звёзды и таскал их на небо. А ночью сказал Великому Пауку: «Ну-ка погляди наверх. Сколько времени ты ткал Москву? А я построил небесный город за один день! Видишь, сколько там светится окон?»

– Неплохо, – усмехнулся Паук, – а теперь погляди на Москву и погляди на свою небесную паутину. Она же вся рваная! Посмотрим, сколько ты наловишь туда людей!

А из-за того, что Гоголь наворовал столько звёзд, теперь во многих московских дворах по ночам темно...

* * *

А места тут глухие, ползи-ползи – не проползёшь.

Только по тропинке, а тропинки здесь на своих заговорённые. Хошь ходи, хошь не ходи, всё одно не выйдешь, а если выйдешь, не обрадуешься. Бабёнки – место гиблое, одно слово, третья бригада. Мужики здесь не приживаются. Одни бабы. А появится, заездят. Выпивать не дают, только кормят на убой. Чтоб днём работал, ночью работал. Как кто проживёт месяц, так и копыта откинёт, если сам не сбежит. А сами пьют по-чёрному, наварят себе котёл колдовского зелья и песни поют тоскливые и будто нерусские.

Главная у них – бригадир Поля, чтоб тебе её вечером встретить!

В сумерках Бабёнки разлеглись, как лиловые тюлени в салате. Ни звука, ни души. Только зелень чародейская да папороть. А болиголову! У крадущейся речки не продохнуть. Войдёшь – не вернёшься.

Мы барабаним в окно, не слыша своего стука, и с крыши сыпятся летучие мыши.

Дверь проваливается вглубь тёплой темноты, и на пороге вырастает босая Поля. Глаза у неё чёрные, как окна избы. А сама белая. Она глядит долго-долго, а потом тыкает мне в грудь: «Ты в избу!»

– Не ходи! – хватается меня за руку Кузьмич. – Не ходи! На сеновале заночуем. Пропадёшь!

Поздно. В избе темно и горячо, как в паху, и не уйти.

Утро жёлтое, как иволга и холодное, как похрустывающий ледок. Падают листья. Кузьмич глядит на меня заботливо и вздыхает:

– Пропал парень, никак поэтом стал.

– Да это я, Кузьмич, окстись!

Он медленно уходит, втянув голову в плечи.

Бабы смотрят сумрачно. Нехорошо смотрят бабы. Точно прибьют. Но я иду на них и улыбаюсь. Как будто не я. Прав Кузьмич.

Я засовываю руки в карман и сжимаю комочек материи, снятый с Поля, и мне не страшно. Я гляжу дерзко, и они пятятся, проваливаясь в наползающий туман. Короткие и плотные, как половецкие бабы.

Деревню заносит листопадом.

* * *

– Здесь вторая бригада была.

Дождит, глиняная дорога абсолютно непроходима, но мы идём. Пал Кузьмич теперь смотрит на меня с почтением, замешанным на страхе.

– А куда делась?

– Сгинула.

В гнилых деревянных бараках и бывшей лесопилке что-то невыразимо унылое, под стать погоде... Что-то невообразимо-уныло-знакомое, из дедушкиной жизни. Чёрные срубы в гнилом тумане из военного фильма.

– А живых не осталось?

– Неведомо.

Что-то неразговорчив нынче Кузьмич и смущён что-то. Знает, но не говорит. У обочины собачий скелет. Распахнутые двери, оторванные рамы.

Но, чу! В крайней избе что-то зашевелилось.

У людей таких белых лиц не бывает. Видно, нежить. Без пола, без возраста, и глаза такие стеклянисто-нездешние, как будто видели то, что человеческим глазам видеть не дано, не положено и не стоит.

– Демид, ты? Живой? – проскулил Пал Кузьмич неуверенно.

Зомби поглядел неузнаваемо.

– Не думаю. Хотя возможно. Очертания прошлого неясно встают передо мной.

– С остальными-то что, а?

– Не важно, – зомби брезгливо смахнул со стола что-то невидимое, – они не выжили. Нас было около тридцати, не знаю, что стало с другими. Отсев в таких делах неизбежен. Видимо, сомнения сожрали их. Один из тысячи, один из миллиона – это хороший результат. Мутация оправдывает всё. О священный зелёный змей, преподнёсший Адаму и Еве священный эликсир познания добра и зла! Ты даровал нам разум, приходящий в тот момент кристальнейшей ясности, который предшествует неизбежной расплате – возвращению в состояние скота. Бесчисленные поколения должны были пить, чтобы замысел эволюции окончательно свершился, и явился сверхчеловек. Поглядите на меня! Это он!

Мы поглядели на него, потом ещё – он сидел неподвижно, как фотография покойника, – а потом встали и молча вышли из избы.

Где-то заржала лошадь, мы это слышали совершенно отчётливо.

– Съел он остальных, видать, больше-то здесь жрать нечего.

Лошадь снова заржала.

– Не ходи, тьфу, тьфу, призрак это!

Да, эта постройка раньше явно была конюшней.

Створка ворот рассыпалась у меня под рукой, и в нос ударила едкая вонь.

Эта была та самая лошадь, на которой ездила Смерть.

Лошадь взглянула на меня абсолютно красными глазами и выплюнула чью-то недождёванную руку.

Я осторожно выскользнул наружу.

– Лошадь там, Кузьмич. Наверно не кормили давно.

Кузьмич перекрестился: «Нехорошо говорить, но хошь не хошь, забрать её отсюда надо. Чтоб не с пустыми руками. Иначе Ерофей нас сам съест. У него-то в усадьбе лошадей совсем нет. Прости старого дурака, если, что не так».

Не знаю, почему я достал из кармана Полины трусы и дал понюхать лошади. Та отпрянула и потрясла головой. Глаза у неё были человеческие.

Глава 4

– Лев Трифонович, можно с вами поговорить?

Немейский смотрит на меня внимательно, как на блоху, и медленно, цедя сквозь зубы, отвечает: «Позже, я сам вас вызову».

Но я не ухожу, а иду за ним следом, подражая его походке, и чувствую, как его спина начинает излучать страх.

– Не ходите за мной, я же сказал, я занят.

Он вбегает в кабинет и хлопает дверью. Выждав пару минут, я стучу и решительно распахиваю дверь. Сейчас он наверняка вызовет санитаров. Но кабинет пуст.

* * *

– Знаешь, а я в раннем детстве себя не помню, – сказал Васюта Нигода. То есть помню кусок какой-то. Куда-то идём, зима была. И мы всё время куда-то шли. Зато потом всё время на одном месте. Детский сад, школа, офис – всё рядом. В институт, правда, ездить приходилось на трамвае. Но я там редко бывал – зачёты, рефераты купить проще. А так всё, как у всех. Ну, кошек любил ещё. На этом и попался.

– Всё очень просто, Васюта, – сказала Кэт, – мы с тобой людско-кошки. А есть люди-собаки или люди-хомячки.

– А ещё кто есть? – ему стало интересно.

Она задумалась.

– Ну, ещё люди-рыбки, – голуби, – вороны, – воробьи, – утки и крысы. Вот Светлана Александровна (начальница нашего отдела) типичный людско-крыс. И вообще тут все девки крысы.

Как же это ему самому не пришло в голову? Действительно, ярко-выраженная крыса с прищуром.

Кэтина мудрость воодушевила Васюту необыкновенно. Как всё просто! Надо просто держаться своей породы: за воробьями охотиться, а от собак уносить ноги. Ах, какая умная девушка Кэт, настоящая сиямочка!

– Слушай, – спросил он её, – а почему в детстве мы всё время куда-то шли? И главное, откуда?

– Глупенький котёнок, – сказала Кэт, – ты действительно хочешь это узнать?

– Нет, ну просто интересно.

– Я могу тебе показать, если хочешь. Но для этого съездим кое-куда. Ведь ты уже большой, правда? Хочешь меня?

– Ага. То есть много о себе воображаешь!

Кэт засмеялась.

Кэт жила у чёрта на рогах. В какой-то Некрасовке, где нормальные люди вообще не живут. Васюта даже не думал, что есть такие места, он думал, что за кольцевой живут одни неандертальцы, если там жизнь есть. Но Кэт и сама сказала, что тут отстойники, что обозначает, как он понял, полный отстой.

Уже на Выхино он пожалел, что ввязался в это дело, и чем дальше ехал автобус, тем тоскливей ему становилось. Он бы сбежал, если бы не мрачные слухи о том, что автобусы здесь ходят нерегулярно и вообще можно заехать куда-то не туда, откуда уже не выберешься,

или попасть на обед к люберам, которыми его пугали ещё в детстве. Он глядел на Кэт умоляющими глазами, но она словно не замечала его страданий.

Они поднялись на восьмой этаж, и при виде того, как Кэт неуверенно выбирает ключ из связки, подозрение Васюты переросло в панику. Ни фиги она тут не живёт!

Но загипнотизированный холодными голубыми глазами, он, сам не поняв как, уже очутился в комнате, в глубине которой сидело что-то большое как обеденный стол. Стоя в проходе, Кэт медленно, через голову стянула платье вместе с лицом, и голова у неё оказалась кошачья, а под платьем ничего не было. Только Васюте уже было всё равно. Нечто со стол пошевелилось и, потягиваясь, вышло на середину комнаты. Это был лев.

Последним угасающим отсветом сознания он видел, как тот прыгнул, и ощутил его горячее дыхание у самого лица.

Голос звучал глухо, как из-под земли:

Знайте, во дни, когда звёзд ещё не было, люди вышли из тьмы, и главными среди них были Толстый Лев и Гоголь. Они первыми научили людей покупать себе еду и вещи в магазинах и многим другим вещам. Чтобы люди стали настоящими людьми, Толстый Лев разделил их на кошек и собак, крыс и воробьёв.

– Ха-ха, – сказал ему Гоголь, – зачем ты это сделал? Разве здесь было мало кошек и собак?

– Нет, – сказал Толстый Лев, – я правильно сделал. Потому что кошка не может быть собакой, а собака кошкой, и только люди могут быть кем-то ещё. Именно этим они отличаются от всех, и поэтому они люди.

– Ну что ж, – сказал Гоголь, – я придумал кое-что получше!

И отправился в подземный мир, где обитали мёртвые души, которыми правила ведьма Гишермайер. Она владела тремя сокровищами: воздухом, который питает огонь, водой, которую можно пить, и светом в железных проводах.

– Хорошо тут у тебя, – сказал Гоголь, – но чего-то не хватает.

– Ах ты бездельник! – воскликнула ведьма. – Чего же это у меня может не хватать?

– Видишь ли, там наверху, где мы теперь живём, есть Солнце. Оно такое светлое, что и так всё видно, и такое тёплое, что огонь не нужен, а вода сама льётся с неба.

– Да ну, – сказала Гишермайер, – пожалуй, я хотела бы его иметь.

– Я бы мог его тебе достать, только тогда нам пригодились бы твои сокровища. Иначе как же мы будем обходиться?

– Ну ладно, – сказала ведьма, – Так и быть. Я пуцую вам наверх и газ, и воду, и электричество.

– По рукам, – сказал Гоголь и отправился в верхний мир.

– Слушай, Солнце, – сказал он, – ты сидишь тут на небе и думаешь, что всё видишь. А на самом деле, там внизу под землёй такое же небо. А ты и не знаешь!

– Не может быть, – закричало Солнце, – немедленно покажи! – и вместе с Гоголем спустилось под землю.

– Ну, дела! – сказала, увидев его Гишермайер. – Ладно, выполняю своё обещание.

А Солнце, побродив по подземному миру, вернулось на небо. Гишермайер проснулась – Солнца нет.

– Куда же оно закатилось, – подумала она и стала шарить по своему царству. Шарила целый день и подумала: «Кхм, наверное, Гоголь меня обманул и опять унёс Солнце наверх!» – и выбралась наружу. А Солнце тем временем опять спустилось под землю. Так Гишермайер до сих пор и бежит за Солнцем, а иногда с досады грызёт луну. Когда луны становится совсем мало, Гишермайер отпускает её и луна охотится по кустам на опоссумов, пока снова не становится толстой и гладкой.

*Так люди, благодаря Гоголю, получили свет, воду и огонь прямо в свои квартиры.
Состарившись, Гоголь и Толстый Лев пошли бродить по Москве, да и окаменели. Вы
и теперь можете их увидеть.*

Закончив говорить, Большое осталось неподвижно сидеть посреди комнаты, тяжело вздымая бока. В полумраке мелькали неопределённые фигуры. Кто-то тихонько запел.

Вася Нигода попробовал подняться, но кто-то сильно надавил ему на плечи и сказал: «Сиди спокойно, ты сейчас отправишься в Нижний Мир».

Остальные голоса подхватили песню. А потом раздался шум льющейся воды. Глаза стали смыкаться, голова закружилась, и Васюте показалось, что он плывёт вместе с водой куда-то вниз, вниз, вниз...

Сначала было темно и холодно, и он то и дело цеплялся за какие-то провода. Но потом вдруг вспыхнул яркий свет...

– Никогда не видел такой красоты! Прямо сказочные дворцы из драгоценных камней, статуи, мозаики... Лестницы сами двигаются, а трамваи никогда не опаздывают, так и ходят один за другим. И всегда тепло и светло, и не жарко. И воздух свежий. Представляешь?

А людей там не меньше, чем здесь, наверху. Хорошо мертвецы живут! Просто здорово!

Я им говорил, что хочу остаться. Хотя эти меня назад вверх тянули. А я не хотел!

Ну, в общем, не знаю, что дальше было. Очнулся уже здесь. И меня тут за психа держат. Но ты же понимаешь, всё это правда! А Гоголя я сам однажды видел. Он в кресле сидит!

* * *

– Ну что, Ерофей Палыч доволен?

– Надо думать. В Москву опять укатил. Звонил. Быка теперь ловить велел.

– Какого на х.. быка?! Кузьмич! Очумел?

– Да тише, тише ты. Там во второй ещё бык был. Он ещё раньше сбежал и теперь по лесам бродит. Видели его не раз. Злой – страсть. Кого встретит – сразу рога вниз... и того. Ерофей – мужик хозяйственный, велел всё, что ещё цело, собрать. А бык этот здоро-о-вый! Призёр-производитель был. Как кормить перестали, так он сразу стену сломал и на вольные хлеба.

– А почему я-то?

– Кто ещё? Больше некому. Ты ж у нас герой! Вот и того, лови, значит.

– А Ерофей, значит на джип и в Москву?

– Выходит, так. За кредитом, говорит, поехал.

Снег, говорят, в этом году ранний. Печальный снег. Белый-белый и неглубокий. Следы хорошо видны.

– Смеяться будешь, Кузьмич, я этих быков ещё не видел ни разу. Не довелось как-то, лошадей видел, а коров только на картинке.

– Так я ж говорил, гидра всех коров слопала. Один этот и остался.

– А на фига вам бык, если коров нет?

– Ну, – Кузьмич задумался, – коров Ерофей Палыч потом купит. Вот возьмёт этот самый кредит и купит.

Снег, прямо как в детстве, пушистый, вязкий.

Следы мы нашли на второй день. А потом Кузьмич куда-то запропастился. Но место он угадал. Бык был у стожка, он жрал. Ё-моё, с маршрутку ростом. И весь чёрный.

В этом стожке я и заночевал.

Разбудило меня громкое сопение, огромная морда чуть не ткнула меня в бок. Пар как из котельной. Когда я схватил его за кольцо в ноздрах, он оцепенел. Так мы и стояли. Долго. А потом я его повёл. Медленно, шаг за шагом.

Прежде чем звёзды совершили полный круг, бык поседел. Шаг, ещё шаг, снег растаял и снова выпал. Налитые кровью глаза, полные ярости. Шаг, ещё шаг. Утро или вечер. Я веду или меня ведут. Немеют руки. Опять снег. На спину быка села белая птица и глядит на меня сиреневыми глазами. Следующий шаг последний. Вдруг я понял, что бык больше не сопротивляется. Он шёл сам. Нет, скорее, мы оба плывём по чёрной воде. Нет, это я плыву на огромном белом облаке. Глядите, как здорово! Мы плывём! Всё дальше, дальше, дальше. Видишь, Кузьмич, я на облаке! Зачем-то он бьёт меня по щекам и поит водкой. Какая гадость!

– Кузьмич, бык где?

– Здесь он, здесь. Но ты не думай, это не конец. Это самое начало.

Глава 5

Ночью я увидел кабинет Немейского во сне. Он был освещён слабым голубоватым светом и снова пуст. Впрочем, одно отличие было: кабинет был заперт изнутри. Но каким-то образом я в него вошёл! С этой мыслью я проснулся.

В тот день я напрасно караулил Немейского, он не появлялся.

На следующее утро, после раздачи таблеток, он, как ни в чём не бывало, вызвал меня к себе.

– Ты подумал над моими словами?

– Да, Вы правы, я действительно убийца. Это моё призвание. И сейчас я убью Вас. – Я встал, и одним движением сдвинув стол, перегородил выход из кабинета. – Хотите позвать санитаров?

Немейский заметно побледнел, но всё ещё криво улыбался.

– Ну всё, дружок, теперь поедешь в Луговой как социально опасный. Ну ударь меня, пожалуйста!

– Нет, Лев Трифонович, бить я Вас не буду. Я Вас задушу.

– Попробуй!

Не потерять, только не потерять его! Страшно захотелось спать. Вода, тонкой струйкой стекающая в раковину. Немейский глядел мне прямо в глаза, и я чуть было не упустил момент, когда он исчез. Усилием воли я ухватился за край белого халата и очутился в круглом синем коридоре с пульсирующими стенами.

* * *

Пробуждение было ужасно.

Темнота и вонь. От страшно неудобной позы тело затекло, а чуть распрямился, начали корчить такие судороги, что захотелось орать.

Мокро и холодно.

Чертыхаясь, я отшвырнул от себя белый халат, который зачем-то сжимал мёртвой хваткой, и нащупал шершавую рубчатую сталь. Ё-моё! Пробудился, называется! А потом наступил страх. Совершенно дикий, неуправляемый, панический. Я совершенно точно знал, что попал в ад, и ситуация абсолютно безысходна.

В панике я перебирал известные мне обрывки молитв, подозревая, что здесь они бесполезны.

Довольно быстро я понял, что ад – это труба, по дну которой струится зловонный поток. Идеальное воплощение одномерности – или вперёд, или назад, – и бессмысленности, ведь эти «вперёд» и «назад» ничем не отличаются, поскольку труба однородна и бесконечна.

И я пошёл по течению.

Шаг, ещё шаг в крошечном мраке, и совершенно жуткое ощущение, что здесь нет времени. Минута или час? 10 метров или километр? И невыносимо хочется распрямиться.

Шаг, ещё шаг. И какой-то обрывок, как мантра: да святится имя твое, да святится имя твое, да святится имя твое... Потому что святится – это значит светится. Заливает всё лучезарным светом. Или ещё вот: ом, ом, ом...

Вечность прерывалась короткой дремотой, не дающей успокоения.

И ощущение что труба становится всё уже, уже, уже...

Или это правда? Вода уже выше пояса. И как-то странно шумит...

Когда я уткнулся в запертую железную решётку, я заорал.

А потом что-то щёлкнуло, и наступила тишина и спокойствие. Я вдруг осознал, что стою, распрямившись, и надо мной пустота. Чуть позже я нащупал скобы. И тут же понял, что так изнурён, что подняться наверх не смогу. Что сейчас просто упаду и захлебнусь.

Мысль о том, что в аду тоже можно умереть, почему-то переполнила меня весельем, и я долго хохотал (надеюсь никогда больше не услышать эти звуки).

А потом полез наверх. С твёрдым ощущением, что лезу не я, а кто-то ещё, в то время как часть меня сейчас тонет в вонючей жиже.

Этот кто-то был очень крутой. Он без труда отодвинул тяжеленный железный люк и выбрался в бетонную комнатушку, наполненную светом.

Свет! Он струился из дыры под потолком, на которую невозможно было смотреть. Да светится имя твое!!!

Из угла раздалось глухое рычание.

Никогда я не видел такого чистого воплощения злобы, как эта ощеренная, покрытая лишаями псина.

Но я-то уже был не я. Я умер, и это наполняло непередаваемой лёгкостью. И когда она прыгнула, целя в горло, я каким-то образом удержал её на лету и держал за шкурку, как щенка, извивающееся чудовище в полцентнера весом. А потом, подтянувшись на одной руке, вытащил его вместе с собой в ослепительный, лучезарный, всепоглощающий свет.

* * *

Если собраться с мыслями, то местность, в которую я попал, трудно было назвать приветливой. Если подумать, ничего более унылого мне видеть не приходилось. И воздух казался свежим только после трубы. На самом деле здесь пахло падалью. Кругом под свинцовым небом простирались какие-то прямоугольные углубления, а прямо передо мной возвышался чудовищных размеров бетонный цилиндр с какими-то погаными пристроечками. На горизонте виднелись трубы, и оттуда тянуло такой тоской, что я пошёл в противоположенную сторону, туда, где углубления как-то плавно переходили в геометрически организованное болото и бесприютного вида поля.

Час ходьбы по мокрой глинистой почве, и впереди показались беспорядочные полуразваленные хибары, часть которых была в своё время чем-то животноводческим, а часть, судя по всему, сараями и жильём. Причём всё вместе производило впечатление редкой загаженности, особенно, почему-то, автобусная остановка у раздолбанного, уходящего в сторону труб, шоссе.

Мысль о том, что здесь ходит автобус, тоже почему-то показалась мне донельзя забавной.

На берёзе в развилке, в метрах в трёх от земли печально сидел мужик в рваной телогрейке. Одной рукой он держался за ствол, а другой бережно прижимал к груди авоську с бутылками. Вся фигура его одновременно олицетворяла безмерное страдание и не менее безмерное терпение русского народа.

Я подумал о том, как выгляжу сам и о том, что, пожалуй, неплохо гармонирую с местностью. Не без удивления я ощупал довольно густую бородку и обнаружил на себе чудовищно грязный, когда-то белый халат Немейского (решительно не помня, при каких обстоятельствах я его надел).

– Эй! – сказал я хрипло.

– Не сюда, – ответил мужик грустно, – на крышу лезь!

Я всё ещё обдумывал странный совет, когда бурьяны у дороги зашевелились, и оттуда вылез кабан.

Громадный, щетинистый, чудовищно грязный и настроенный более чем решительно, так что я едва успел воспользоваться дельным советом. С появлением свина вся картина приобрела объёмность и законченность шедевра незаурядного мастера, написанного в состоянии дичайшего похмелья.

Животное никак не могло успокоиться и периодически пыталось дотянуться до моего ботинка. Вид у него был тупой и дикий. И снова не я, а кто-то засунул руку в карман халата и извлёк оттуда что-то вроде шестизарядного кольта из вестерна. Выстрел, грохнувший над самым ухом хряка, ошелолил его, на мгновение он застыл, но в это мгновение я с воплем сверзился сверху и, схватив какую-то слегу, загнал его в открытую дверь сарая, а потом припер эту дверь снаружи.

Потом я не спеша подошёл к берёзе и помог спуститься мужику, точнее, водке.

В глазах аборигена читалось нездоровое оживление:

– Ну, мужик, ты вообще герой!

– Ты один тут?

– Да не, ребята щас подойдут. Они тут скинулись, а я в Москву сгонял. Вишь? Я знаешь чего думаю, герой, мы с тобой начнём, а ребята подойдут. А то такое дело – как не отметить! Вишь, как ты его! А то он нас з...л, из дома не выйдешь! Давай заходи, мы тут маленько...

Дом, тепло, я странно обмяк. От первого же стакана заструилось тепло по жилам. Усталость навалилась тысячетонным медведем. И я мгновенно отрубился.

Спал я недолго, но когда проснулся, обе бутылки были пусты, а мой собеседник спал по соседству непробудным сном.

Ребята, видимо, только что вошли и медленно осознавали ситуацию.

Причём по мере осознания их лица приобретали странное выражение, которое будет являться мне в ночных кошмарах.

И я осознал, с кристальной ясностью осознал, что болото, бурьяны, трубы, беснующийся в сарае кабан – это они. Точнее, продукты медленного тления-разложения всего полуживотного, полунедочеловеческого, что накопилось в них за их в общем-то недолгую и бесславную жизнь.

Я молча достал из кармана кольт и взвёл курок.

Тихо стало.

Я остался сидеть один.

В избу вошёл пожилой мужик с человеческим лицом.

Опасливо поглядел на кольт и перекрестился в запаутиненный угол.

– Доброго здоровья! А пистолет бы ты, паря, спрятал. Ушли все.

Я молча налил из бутылки остатки водки и протянул ему стакан.

– Слышь, герой. Кто ты, откуда, нам тут без разницы. Но мужик ты, видно, дельный. Сразу видно, герой. У нас тут председатель новый. Ерофей Палыч зовут. Он таких велел привечать. Ежели сторгуется, будет тебе и стол, и квартира. Работы много. Вишь, как всё засрано. Прости, если что не так сказал. А зовут меня Пал Кузьмич Молархов.

* * *

– Ну что ж, – сказал Авгий, – каждый начинает именно с этого. Вот лопата.

Геракл улыбнулся: «Ты уверен, что твой метод эффективен?»

Авгий пожал плечами: «Другого у нас нет. Как говорится, каждый несёт свою лопату».

- Прости, но мне потребуется топор.
- Ты глуп, Геракл. Впрочем, дайте ему то, что он просит.
- Да, и откройте вечером ворота конюшен...

Глава 6

Век героев

Век героев – так обозначил Гесиод сравнительно короткий период между Девкалионовым потопом и Троянской войной. Античные мифографы предложили свои датировки (14—13 вв. до н.э.). Забавно, Геракл был практически современником Эхнатона и Моисея. И в Египте он бывал...

Где-то в это же время в Бактрии проповедовал Заратуштра. В Индии слагали Ригведу...

В Греции мифы делают старшими современниками Геракла Орфея и Диониса, с которыми связано учреждение Элевсинских мистерий. Геракл был в них посвящён. Орфей, как и Геракл, живым сходил в Аид. Дионис, как и Геракл, сын Зевса и земной женичины, тоже стал богом. Богочеловек Дионис посещал Индию. Греки считали, что он почитался там позднее под именем Шивы. Интересно, был ли он знаком с Кришной. Индийские мифографы датировали смерть Кришны 3102 г. до н. э. Разрыв большой. Но если битва действительно была при Курукшетре, а арии, по последним данным, проникли в Индию только в 14—13 вв. до н.э., выходит то же время (ну это, конечно, уже чистая спекуляция). Впрочем, вспомним, что битва при Куру открывает Калиюгу, а Троянская война, начавшаяся поколением позже Геракла, – Железный век. Обе заканчиваются гибелью великих героев. Иранский аналог предводителя Пандавов Юдхиштхиры, Кей-Хосров, после долгой кровопролитной войны победил Туран. Второй его преемник на троне, Вишitasна, был покровителем Заратуштры. И все они были современниками героя Рустама.

Одна эпоха.

Великой войне на земле предшествовала великая битва богов с гигантами (дэвов с асурами) в которой участвуют земные герои – Геракл и Арджуна. Арджуна уничтожает движущийся город асуров доверенным ему небесным оружием – астравидьей. Гиганты могут погибнуть только от руки смертного.

Несомненно, то был грандиозный катаклизм (взрыв Санторнина? казни египетские и расступающееся море?). О борьбе света и тьмы учил иранский пророк (имя его бога – Ахура – асура).

Явленные в те времена откровения стали важнейшими священными преданиями для осевых религий.

О чём же было это откровение? О важности роли человека в космической битве и о твёрдости выбора стороны (да не будет у тебя другого бога пред очами моими)? Или о божественной сущности человека – Сына Божия? Открытие этой сущности в себе – суть элевсинских мистерий: в ней тайна победы над смертью. Вознесение живыми на небо – награда за подвиги Юдхиштхире, Кей-Хосрову, Гераклу. Тайну открытия небесного света в глубинах материи/ада увидел в Ведах Шри Ауробиндо.

Можно пытаться копать дальше.

У Геракла имя от Геры, его «гонительницы». Но именно эти «гонения» подвигают его на подвиги, а Гера – супруга высшего бога – не шакти ли? На Олимпе она выдала замуж за Геракла свою дочь...

А самосожжение Геракла?

Очищенная божественная природа Геракла восходит на Олимп, а пустой призрак – сброшенная сила – достаётся Аиду.

Идея, развитая ещё Алисой Бейли, о том, что Геракл – не воинственный ахейский аристократ и не бог, но мист, 12 подвигов которого – ступени посвящения, инициальные

испытания, стадии духовного совершенствования, получила благодаря нашим раскопкам неожиданное подтверждение, равно как и связь их с 12 знаками Зодиака.

Однако её интерпретация конкретных подвигов, как кажется, может быть значительно скорректирована.

Первые три подвига: Немейский лев, Лернейская гидра и, видимо, Эриманфский вепрь, вполне возможно, олицетворяют три клеши: ненависть, жажду обладания и невежество (в пользу последнего говорит связь с вепрем эпизода с кентаврами – полулюдьми-полуживотными – и опьянением).

С Критским быком связано обуздание «природного человека» (образ укрощения быка хорошо известен на Востоке), укрощение кобылиц-людоедок и обретение пояса Ипполиты – с контролем над витальным. Изгнав беспорядочные мысли – Стимфалийских птиц – Геракл ловит в сети дисциплины Киринейскую лань ума. Что позволяет ему с помощью потоков божественного света очистить Авгиевы конюшни подсознательного и пройти посвящение смертью, победив стража адских врат Кербера. Тогда понятней становится и тайна обожения Геракла.

Вспомним, что кельтский Геракл – бог тайной мудрости.

Согласно загадочному учению орфиков, Дионис – Бог-сын («Всё творил Зевс-отец, а Вакх приводил в исполнение») и преемник Зевса – был убит по наущению Геры. (!) А из пепла вкусивших его плоти титанов был создан Человек. Но интерпретация ими Геракла ещё поразительней. Этим именем названо первосущество, предшествовавший всем богам дракон – Нестареющий Хронос, родивший мировое яйцо (вспомним, что в одном из иранских учений этот Хронос-Зерван – отец Ормузда и Аримана).

Здесь уж открываются поистине головокружительные перспективы...

(Написал вот по заказу теософского журнала. Ну действительно, не про раскопки же писать...)

* * *

Поля заколосились. Никто даже не верил, что в этом году будет урожай. Ходят, удивляются. Премудрость Ерофей Палыча хвалят. А секрет прост. Просто вспомнили, что раньше здесь были поля орошения, когда дерьмо на удобрение идёт, а сточные воды очищаются и текут дальше, аки слеза.

Теперь мои функции изменились. Всё на охрану урожая.

Сначала одолевали птицы. Ни минуты покоя. На секунду отвернёшься, уже стая сидит.

Пришлось поставить трещотки. Целый день бормочут свою мантру, птицы пугаются, не подлетают. Потом новая напасть. Копытные из леса потравы устраивают. Особенно одна лань повадилась. Красоты, кстати, неземной!

А стремительная! Носится с быстротой мысли. Её я долго ловил. По таким дремучим лесам и буеракам лазил, что и представить трудно. Но, в конце концов, поймал. Теперь у меня живёт. Как урожай соберём, отпущу.

А насчёт коров...

Кредита на них, видно, не хватило. Поэтому пригнать стадо поручили тоже мне (как шефу службы безопасности), из дальнего совхоза. «Всё, – передали, – пригонишь, выпишу тебе трудовую книжку, паспорт справим и зарплату за полгода выдам».

Как тут откажешься?

* * *

Мутны воды подземной реки. Вырываясь на поверхность, течёт она широким и незамерзающим даже в лютые морозы мелким потоком. Но разливаясь по полям, по желобам, проходя через фильтры, становится всё чище и светлее, и дальше, вновь собравшись воедино, обновлённая, смело несёт свои воды к закату. По пути в неё впадают всё новые и новые ручейки и речушки. Она становится всё шире и полноводнее. И, наконец, спокойно вливается в бескрайнюю ширь моря-водохранилища, чтобы уже оттуда повернуть могучий поток свой вновь к востоку, в Москву.

Здесь город ещё далеко. Вода, не прошедшая через фильтры Московского Водопровода, ещё полна памяти и, медленно испаряясь от водного зеркала среди сосновых лесов, рождает волшебные фата-морганы Островов Блаженных, вырастая причудливыми громадами замков-особняков, резиденций и элитных санаториев для небожителей. Закатный мир сбывающихся грёз и воплощённой мечты, укрытый от смертных звуконепроницаемыми заборами. О, огни твоих ресторанов и ночных клубов! О, дивные цветы оранжерей и потрескивающие поленья в камине! Молчу, ибо путь мой лежит дальше, ибо даже над тобой властно время, о мир награды. И хоть недвижима гладь водохранилища, всё же неостановимы воды реки. И оборванный и небритый странник – не твой гость. И да минет его в пути зоркий взгляд стражей твоих.

И вот я в печали гляжу, как зеркало вод окрашивает пурпур, и цель моя дальней тенью маячит на грани ночи.

Был тот самый последний час, когда лучи заходящего солнца заливают, заполняют всё потоком неземного света – густого, до осязаемости плотного золотого света. И всё замирает, купаясь в небесном сиянии, и вновь ненадолго на грешной земле проступает лик утраченного рая.

Мой любимый час.

Катер явился в ослепительном до нестерпимости закатном ареоле, скользя по расплавленному золоту. И я натянул тетиву своего лука, ибо знал, что царствие небесное берётся силой.

И бог засмеялся.

– Тебе нужен корабль, герой? Он твой. Вернёшь на рассвете. Говорят, одна почтенная дама давно ищет меня. Встретишь – передай привет!

Кивнув, безмолвно взошёл я на золотую ладью и устремился к последнему пределу, где на безлюдном острове огромные, как облака, красные коровы задумчиво паслись на алых травах среди багряных скал.

Трехглав был их владелец. В прошлое, настоящее и будущее были обращены его лики. Он ведал всё. Разве можно обмануть всепожирающего? Но тёмный плащ на мне был соткан из пустоты, а стрелу направляла рука вечности. И я повернул вспять движение солнечной ладьи, и пурпурные коровы следовали за мной обратным путём, и золотые рога их звенели, задевая за ветви деревьев.

Мы шли, и вновь расцветали увядшие цветы, и старики становились молодыми.

Напрасно воры хотели украсть моих коров и, путая следы, вели их за хвосты. Разве можно украсть благодать?

– Достигнув цели, ты станешь тем, кем был до своего рождения, – сказал мне помолодевший старик.

– Достигнув цели, я всего лишь получу справку, – ответил я, – разве я куда-нибудь выходил?

Всё, что мне нужно – это всего лишь бумажка. Да, ну ещё и зарплата за полгода!

* * *

Сезон раскопок подходил к концу.

Каким бурным стало море за пределами нашей тихой бухты! Бесчисленные прозрачные медузы, укрывшись от бурь, колышутся, как в супе.

Теперь я знаю план лабиринта, но влюблён без взаимности, и в боку у меня дыра размером с чайное блюдце, пробитая соперником-колдуном. И, судя по вестям из столицы, с зарплатой будет задержка.

Теперь мы можем точно говорить о мистерии, связанной с двенадцатью подвигами Геракла. Посвящаемый, проходя одиннадцать помещений, в конце концов оказывался в первом. Что он встречал там, мы можем только догадываться.

Судя по росписям, последнее, 12-е путешествие было самым странным и самым длительным. Чем были те яблоки, которые Эврисфей вернул Гераклу? Не теми ли плодами Древа Жизни, о которых повествует Библия? Ведь Геракл единственным из смертных вошёл в число олимпийцев.

Но так это или не так, мы уже никогда не узнаем.

Заключение. 12-е путешествие Геракла

В антикварной лавке прохладно. Затемнённые окна и толстые каменные стены встали надёжной преградой на пути всепроникающего жара. Из-за вьющегося за окнами винограда всё в комнате кажется зеленоватым. Хозяин – старый грек, любитель хороших вин и памятных вещей – приветлив и говорлив.

– Эти вещи собраны в удивительнейших местах, они как заряженные батареи: когда тебе грустно и ноют старые болячки, прикоснись к ним, и они заиграют, щедро наделяя тебя своей памятью, своим теплом. Люди расточительны – они безоглядно разбрасывают отведённые им запасы страстей, жизненных сил, и те оседают на вещах тончайшей золотой пылью. Стоит дунуть, и она взлетит сверкающим облачком и, может, даже споёт тебе свою песню.

– Почтенный Моларх, мы ищем вещи, напоминающие о Геракле. Вы ведь знали его?

Хозяин усмехается, и лицо у него становится отчаянно плутовским.

– Вы пришли по адресу! Едва ли удача так обернётся к вам где-либо ещё! Именно у меня хранится его палица и шкура Немейского льва, и даже его трудовая книжка с записью о службе Эврисфею! Геракл не был рачительным человеком. Усмирив какое-нибудь чудовище, он тут же отпускал его волю, поэтому из наследства его мало что осталось. А ведь если бы не происки Геры, он мог бы стать царём Аргоса! Ведь именно это было предназначено ему от рождения.

Впрочем, у меня есть кое-что интересное, только боюсь, это будет вам не по карману.

Совершив двенадцать подвигов, он зашёл ко мне, и мы беседовали с ним в точности, как сейчас с вами. И он сказал мне: «Добрейший Моларх! Мне не раз приходилось пользоваться твоим гостеприимством, и каждый раз я был не при деньгах. Теперь я кое-что оставляю тебе на память из того, что мне больше не пригодится».

В этот раз он отсутствовал дольше, чем обычно, и я понял, что вижу его в последний раз.

«Любезный Геракл! Какие пустяки! Так, может, сувенирчик на память. Но где ты так долго пропадал? Твой рассказ для меня несравненно ценнее любых денег!»

«Добрейший Моларх, – сказал он мне. Он всегда меня так называл. – Действительно, моё последнее путешествие затянулось. Я искал волшебное дерево, приносящие золотые яблоки. Мне пришлось облазить немало стран, прежде чем на крайнем западе, где Эридан дарит свои воды Океану, я напал на след. Путь мне указал морской старец Нерей, но чего стоило мне удержать его, прежде чем я добился ответа! Он принимал тысячи обликов, становясь всеми вещами, которые я когда-либо встречал. Он струился водопадом и расстилался туманами, разливался рекою и шелестел тихим дождём. Он был многим, но я твёрдо держался единого, и он открыл мне тайну пути. И прочее я мог бы и не совершать.»

Он выпил вина. Этого самого вина, которое мне привозят от Красного Камня, и продолжил:

«Путь мой был не прям, но так заведено, что идущий на север, должен прежде отправиться к югу. В пустынях Ливии я победил Антея, черпавшего силу от Земли, чтобы в садах Гипербореи одолеть умом держащего небо Атланта. Ибо воистину: что внизу, то и наверху. Эту истину мне поведал Гермес Триждывеличайший, которого я встретил в Египте. Там я отверг Путь Жертвы, ибо нечем уже мне было жертвовать здешним богам, и я заколол на алтаре самого приносящего жертвы. Блуждая в песках Аравии, я повстречал людей, ведомых Зевсом, и говорил с ними. Но они не признали во мне его сына, ибо глаза их были прикованы к Быку. В горах Кавказа я освободил Страдающего за людей, ибо сила моя росла, и в Восставшем я увидел лик Царя. В дивной Гиперборее за снегами Рипейских гор, чьи

вершины пронцают небо, я встретил стоглавого Ладона, на сотни голосов шептавшего об истине, и каждая голова вещала по-своему, но и он не остановил меня. И сам Атлант – хранитель Неба, принёс мне три яблока, и третье из них – ценнейшее. Даже Эврисфей не решился принять их, и теперь я свободен».

«Куда же ты теперь держишь свой путь, Геракл?» – спросил я его.

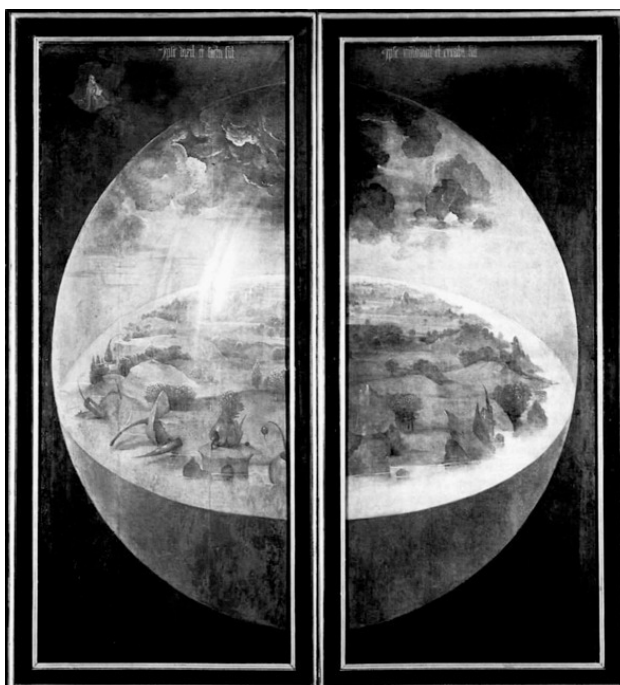
«Едва ли я смогу рассказать тебе об этом, добрейший Моларх, едва ли. И не потому, что хочу что-то скрыть от тебя».

– Да, так он сказал, – Моларх щурится, разглядывая на солнце опустевший бокал, – ну что ж, вернёмся к делу.

Откуда-то из глубины лавки старик приносит шкатулку красного дерева, ставит её на стол и осторожно открывает.

На чёрном бархате, пульсируя глубинным светом, переливаются золотые яблоки Гесперид.

2008 г.

География Камалоки **РАССКАЗЫ**

Записки из Авичи

Мысль – явление крайне редкое, если не уникальное. Возможно, это уродство или результат психического заболевания. Возможно, я единственный, кто мыслит, если понимать под мышлением абстрагированное рассмотрение самоочевидных предметов и назойливое стремление превратить их в текст. Наракки обычно не размышляют, всецело погружённые в единственно оправданное занятие – ощущение себя. Наша бесценная индивидуальность заключена в нашем неуничтожимом теле, и Ощущение – то, что наполняет нашу жизнь и делает очевидным сам её факт. Ощущение непрерывно доступно каждому, независимо от его воли. Перенесение его центра со ступней на колени или ягодицы, или равномерное его распределение по передней или задней плоскости тела даёт очень незначительный эффект разнообразия, поскольку Ощущение всегда всецело и полностью овладевает Вашим существом. Можно предаваться ему осознано или неосознанно, и именно на этом различии основаны религия и культура.

И всё же, как это ни крамольно звучит, Ощущение чрезвычайно однообразно, как однообразен и сам Город. Однако чтобы понять это, необходимо, как минимум, покинуть его.

Опыт любого из нас начинается с чувства продолжительного падения, после чего мы сразу же осознаём себя в Городе и начинаем ощущать. Единственность мира и формы жизни известны нам априорно, но обитатели Города склонны именно его отождествлять с миром, и это ошибочно. Город огромен, но конечен. Это знают все. Он замкнут со всех шести сторон, но имеет четверо чрезвычайно удалённых друг от друга ворот, через которые каждый может покинуть его. Это мы знаем из опыта. Но для социума удобней считать, что за пределами Города ничего нет. Учение о существовании другого города, где Ощущение прямо противоположно нашему, считается тяжчайшей ересью (впрочем, она мало распространена, ведь противоположенное ощущение невозможно представить). Распространённое представление об абсолютной изоморфности материи и пространства также основано только на опыте пребывания в Городе.

Наше существование, безусловно, имеет начало, ибо ни один не может вспомнить себя до момента падения; следовательно, возникновение имеет место за пределами Города или, по крайней мере, в верхней его части. Многие считают, что мы – порождение огня. Имеет ли наше существование предел, неизвестно. По крайней мере, в Городе ничья жизнь сама собой не прекратилась. Однако, при постоянном притоке новых поселенцев и ожесточённой Борьбе за Пространство, естественная убыль населения необходима. Этот вопрос никогда не обсуждается вслух, и даже про себя об этом не думают и не замечают, когда это происходит, но рано или поздно наракки выходят за ворота и больше не возвращаются. Происходит ли это неизбежно с каждым? Этот вопрос могла бы решить статистика, но она недостаточно развита. Причины уходов не вполне ясны. На своём примере судить не могу, мой опыт был слишком катастрофичен и ужасающ. Даже сейчас, обладая колоссальным опытом, я не могу думать и вспоминать об Этом. Это – есть. Точнее, иногда бывает. И в то же время его нет, потому что нормальное сознание не может удержать память об Этом. Из тех, кто испытал его воздействие непосредственно, многие исчезали или, прекращая двигаться и регенерировать, сгорали; затронутые краем, вроде меня, сходили с ума (боюсь и то, что я называю мышлением – результат того чудовищного потрясения); редкие счастливчики начисто забы-

вали о произошедшем. Но чудовищность Этого даже не в его последствиях, а, скорее, в его абсолютной чуждости, несовместимости с реальным мирозданием. Это – белый луч. Или существо, нет, скорее, просто что-то невообразимое, невозможное в нашем огненно-красном светящемся мире (когда я говорю «белый», я могу употребить и любое другое слово. Этот цвет не имеет ничего общего с тем ослепительно-белым оттенком, который иногда можно наблюдать на стенах Города.)

Я не смог забыть Этого, заболел психически, дальнейшее пребывание в Городе стало для меня невыносимым. Я вышел за ворота. Здесь я начал понимать, почему вышедшие за ворота никогда не возвращаются. Увидеть Город снаружи само по себе сильнейший психологический шок для тех, кто видел его только изнутри. Возможно, это также пагубно влияет на их психику, как на мою – видение Этого.

Надо признать, это потрясающее зрелище. Потрясает именно контраст между пылающими стенами Города и окружающей тьмой (понятие для жителей Города невообразимое). Источник света находится теперь не с шести сторон, а только с двух – со стороны Города и под ногами. Передвигаться по Пригороду довольно затруднительно. Материя здесь не твёрдая, а, скорее, сыпучая. Ноги проваливаются в неё по бёдра. Ощущение – очень мощное – непривычно концентрируется именно в ногах. Для успешной регенерации необходимо вытаскивать их наверх. Переживание, связанное с этим процессом, особенно с моментом мгновенной регенерации на поверхности, трудно передать словами. Переживаемое в этот момент отсутствие Ощущения оказывается способным воздействовать сильнее самого Ощущения и даже вызывает острое нежелание его возобновления. Перепады в состоянии психики в Пригороде имеют несравненно большую интенсивность, чем в Городе.

Ещё большее потрясение ожидает достигших (после длительного путешествия) Рва. Является ли Ров и находящийся за ним Лес – Другим Городом, о котором учат ересисархи? Трудно сказать. Привычное Ощущение там полностью исчезает и заменяется многими новыми. Я бы не сказал, что они противоположены Ощущению, равно как не совпадают с восхитительным состоянием его отсутствия, они просто другие. Они не воздействуют на всё тело (и это, как ни странно, довольно приятно), а связаны с обонянием (во Рву) и механическим воздействием на части тела острых предметов (в Лесу) и (что особенно пугающе) питающихся нашей плотью разнообразных существ. Наличие существ других видов противоречит самим основам нашего мировоззрения и было бы способно окончательно свести с ума, если бы не приходящее со временем понимание, что «другие», в действительности, не являются живыми и не способны ощущать. Все обитающие там нараки – выходцы из Города, совершенно ополумевшие от новых впечатлений. Снова и снова залезают они на деревья, получая механические повреждения и теряя глаза, весьма медленно регенерирующиеся.

И вот я на берегу Реки. Её бурлящая тёмная материя ещё менее плотна, чем во Рву, и даже в глубине не даёт опоры телу. Её воздействие на кожу вызывает слабое воспоминание о почти забытом Ощущении. Погружённые в неё тела, кажется, изменяют свою консистенцию и теряют способность к регенерации. Передвижение в ней возможно плашмя, при активном участии всех конечностей. Раз вступившим в Реку обратного пути нет: находящиеся здесь псевдосущества не дают снова приблизиться к берегу. Здесь, на берегу, я, проделавший бесконечно долгий путь и сам бесконечно далёкий от городских нараков, подвожу последний итог.

Мир загадочен и непостижим. Возможно, его цель ясна существу или существам, давшим нам жизнь и поместившим нас сюда (иногда я будто бы припоминаю их облик, виденный в начальный момент падения). В Городе – центр и смысл мира, но постигается он лишь за воротами. Высшее существо наделило нас вечно неудовлетворённым духом и нашим вечным телом-индивидуальностью, которое настолько самоценно, что не может выдерживать

сколько-нибудь долго соседство других и жаждет само занять занимаемое ими пространство, и в то же время наша бесценная плоть является пищей для примитивных псевдосуществ, поддерживая в них подобие жизни. Абсурдно думать, что мы существуем для них. Скорее, они необходимы для возникновения новых необычных ощущений, обогащая тем самым наш опыт.

Ощущение и отсутствие ощущений – две стороны доступного нам опыта. Отсутствие ощущений великолепно, но только наличие ощущений придаёт ему ценность. Именно способность ощущать делает нас нараками и бесконечно возвышает над псевдосуществами.

Последний вопрос, преследующий меня, – вопрос о свободе.

Никто не понуждает нас покидать Город, странствовать или, скажем, забираться на утыканые вращающимися шипами деревья. Мы делаем это свободно, но во всём этом просматривается какая-то высшая целесообразность, и не является ли даже абсурдность этого необходимым условием незыблемости мира?

С верой в целесообразность и высший смысл я пускаюсь в моё, возможно, последнее плавание.

Бабочка

*Однажды Чжуан-чжоу
приснилось, что он бабочка...*

Чжуан-цзы

Его сильно ударили по голове, отобрали деньги и документы и вышвырнули на ходу из машины. Неизвестно, что бы он поломал при падении, если бы не был так пьян. Но пьяных хранят боги. Ограждение в этом месте было сломано и, падая, он ударился о землю, а не о металл. У него даже хватило сил подняться, но в темноте первый же шаг пришёлся в пустоту. Он скатился с 20-ти метровой насыпи и подвернул ногу. После этого в сознании был провал. Очнувшись, долго лежал, охватив голову руками, потом попытался встать, но резкая боль в левой ноге заставила его отказаться от этого намерения. Стоная, он ощупал ногу, но ничего не понял. Его мутило, и он подумал, что это, вероятно, от сотрясения мозга. Думать он смог только часа через два.

Он находился в чахлом леске вблизи развязки автострады. Насыпи, частью забетонированные, окружали его с трёх сторон, с четвёртой была тряси́на. Наверху непрерывным потоком неслись машины. Он не смог даже определить место, с которого скатился вниз, – видимо, рано утром ограждение починили. Вначале он отказывался верить своим глазам, сопротивляясь пониманию того, что оказался в ловушке. Потом, выбрав наименее высокую насыпь с травянистым склоном, попытался выбраться наверх. Однако, эта, казалось бы, простая задача оказалась ему не по силам. Во время второй попытки он поскользнулся, упал на больную ногу и потерял сознание от боли. Очнувшись, понял, что повредил и руку. Им овладела ярость. С тупым остервенением он ползком повторял попытку за попыткой, пока не впал в отчаяние. Это было нереально, противоестественно – подохнуть без медицинской помощи в 10 минутах езды от города. Потом он попытался привлечь внимание проезжающих, крича и размахивая руками, пытался кидать камни в проезжающие автомобили, но они не долетали. Он не сомневался, что его видят, но дорога была скоростной, и никто не затормозил. Оставалось надеяться, что кто-то из сотен ежеминутно проезжающих сообщит куда следует о странном человеке. Но этого не произошло. Не заинтересовал он и проехавшую машину автоинспекции, ведь он явно был пешеходом и даже не нарушал правил движения. К вечеру он обессилел, его мучила жажда. Рядом что-то упало. Это была пустая банка из-под пива.

Вторая ночь была ужаснейшей в его жизни. Голова, тело, рука, нога нестерпимо болели, гудели комары, кругом было сыро, и когда стал накрапывать дождик, человек завыл. А выше двигался во все стороны, сияя электричеством, поток жизни.

Трудно сказать, когда он тронулся умом – ночью или под утро. Но на следующий день он как будто забыл о существовании внешнего мира. Зато лесок, куда его забросило, неожиданно обрёл в его сознании право на существование – онтологический и гносеологический статус.

Человек обнаружил болотную воду и множество земляники.

Но дело было даже не в этом, просто в какой-то неуловимый момент он понял, что существует, и существует именно в этом лесу. Как Робинзон, обошёл, ополз его весь, и факт действительности бытия ошеломил его. Забыв о боли и голоде, он глядел вокруг, пытаясь осознать существование зарослей кустов и полутора сотен деревьев.

Лу́жа, стебли камыша – непостижимое количество стеблей; травы, бесчисленные травы, все разные и неведомые, открылись его глазам. Он не знал их имён и мычал от созна-

ния собственного невежества. Он попытался сосредоточиться на деревьях. Увы, берёзы, осины, сосны, клёны – теперь эти названия были подобны пустым отзвукам утраченного смысла. Слова плясали вокруг хороводом обесмыслившихся знаков, отказываясь соотноситься с этими живыми мирами – мириадами листьев, оттенков, запахов, форм, трещин, жуков, веток, непостижимым образом сливающихся в симфонию дерева. Отчаянно пытался он сохранить, как единые образы, лес, болото, берёзы, и тонул в шелестящем океане многообразия, увлекаемый, втягиваемый как в туннель каждым пятном зелени. Миллион оттенков зелени. Актуальная бесконечность захлёстывала, опрокидывала, потрясала. Он понял, что не в силах ни вместить, ни даже осознать её, чувствовал, что его сознание сейчас разорвётся и серебристой пылью разлетится в пространстве. Упав ниц, он с ужасом чувствовал, что не может закрыть глаз, не может не видеть и, собрав все силы, устремился в одну произвольно выбранную точку. Стать чем угодно, лишь бы только не всем. Гигантская ромашка заслонила на миг горизонт, перед тем как исчезнуть, расплыться в разноцветных сияющих потоках. Бесконечность милостиво вобралась, сжалась до выносимых размеров, поплыла перед глазами в лёгком бездумном ритме. Цвета заменили формы. Невиданные и невообразимые оттенки сплелись в волшебный пейзаж неземного мироздания. Вселенная раздвоилась, распалась на гранёные фрагменты, обступила со всех сторон. Осталось лишь направление движения и струи безмолвного знания – плывущие, несущие, зовущие ароматы. Он засыпал.

Машины по-прежнему проносились мимо, но ничто уже не отвлекало внимания водителей – странный бродяга исчез.

Чжуан Чжоу открыл глаза и с недоумением уставился в зеркало.

Самайн

«Когда король был изнурён властью и больше не мог гарантировать благо своей стране, тогда в ночь Самайна он подвергался ритуальной смерти, раненый насмерть врагом, утопленный в бочке вина или пива и сожжённый заживо в пожаре королевского дворца».

Из книги «Культура кельтов и нордическая традиция античности».

Лица людей стираются из памяти первыми. Дольше остаются звук голоса, очертания фигуры, запах одежды и волос. Иногда мне кажется, что я существую только в памяти знавших меня и выпцветаю, блекну по мере забывания. Однажды я погляжусь в зеркало – и не увижу своего лица. Поэтому-то я и не гляжусь в зеркала. Память – странная вещь.

Ещё всего лишь год назад я был молод и самонадеян. Хотя, возможно, это был не я? Но тогда я был абсолютно уверен, что я – это, без сомненья, я, и рассмеялся бы в лицо любому усомнившемуся. Я был беден и беззаботен, и интересовался только палеонтологией. Но когда получил приглашение навестить почти забытого двоюродного деда в его уединении, у меня хватило практичности согласиться.

Это было глухое местечко в холмах Южного... Городок отличался неожиданной зажиточностью. Трактир назывался «Крестец дракона». Я сразу понял, что крестец тут, под ним. Хотя, нет, конечно, нет, я вообще не думал ни о чём подобном. Моё внимание было поглощено замком, чьи величественные руины тяжело придавили холм над городом. Я даже не замечал лиц прохожих. Впрочем, у меня просто плохая память на лица. И тогда ещё мелькнула мысль о том, как это солидно и стильно – быть хозяином замка. Даже такого полуразрушенного.

Меня встречали. Дом деда был у самого подножия холма в заросшем буковом парке. Ворота запирали так мучительно долго, что можно было усомниться в том, что это обычная процедура.

Между стволами плыл туман, падал мокрый снег, а ведь был ещё октябрь. В этот момент мне впервые стало не по себе.

Природа страха загадочна. Я говорю, конечно, не о страхе, возникающем по вполне понятным причинам, когда, например, вас атакует злобный бультерьер. А о страхе неопределённом, ползучем, произвольно и без видимых причин возникающем в некоторых местах. В детстве мне внушало ужас большое старое кресло, в котором не было абсолютно ничего страшного. Но подсознание упорно подсказывало, что с ним связано что-то настолько жуткое, что об этом лучше не вспоминать. Не знаю, может быть, ещё младенцем я видел там привидение? Вот и в этом доме некоторые детали были пугающе знакомы, как будто я уже бывал здесь в каком-то ночном кошмаре. Эти эбеновые перила, эта старая мебель под чехлами. И кресла. То кресло явно было взято отсюда, – повсюду дремали или только притворялись, что дремали, его близнецы.

Дед сидел в кресле, но даже сидя казался выше остальных на голову. Его длинное лицо вобрало в себя нас всех: отец, тётки, я, дяди с фотографий – все мы были набросками к этому лицу. Живой предок.

Его любезность напоминала прабабушкин сервиз. Вы никогда не пробовали беседовать с портретами предков, со сладковатым ужасом ожидая, что Вам ответят?

– Я хочу, чтобы вы поближе сошлись с Эли, мой мальчик, она так одинока. Общество больного старика не слишком подходит для девушки.

И немигающий взгляд поверенного – доктора Крозе: «Да, да. Каждое слово здесь имеет значение, слушай, слушай. Каждое слово здесь на вес золота, дедова золота. Тебе предстоит стать бароном, бароном, бароном...»

Эли, серая бабочка Эли, наверное, ей и впрямь было одиноко. Теперь мы гуляли вдвоём и молчали. Не представляю, о чём с ней можно говорить. Трогательная Эли. Наверное, её можно полюбить, если у любви и жалости есть что-то общее.

– Д-р Крозе, сколько же лет этому замку? (Старый умный д-р Крозе, мне скучно и страшно, или эти два чувства несовместимы? Тогда что же это, скажите.)

– Не так много, всего лет 400. Старый замок был не здесь. Он там, дальше. На болотах.

– Интересно. Расскажите, он цел? (д-р Крозе, почему меня не выпускают за ворота, зачем их вообще запирают, зачем?)

– Да, он стоит на гранитном острове среди трясин. Стены из громадных блоков, они сложены навечно. Пока нужно было прятаться от врагов, можно было терпеть нездоровую местность. Вы понимаете?

Наверное, это шутка – он улыбается. Ха-ха-ха. Плиты срослись и вросли в скалу. Белый камень посерел от времени, дороги забыты, тропы утрачены. Да и есть ли дороги в туманах? Забытая дорога к забытому замку... Путник, заплутавший в трясиных, вдруг натолкнётся на неё, мощёную булыжником, и выйдет под луной к чудовищной громаде, и закричит, поняв, что сгинул навеки, и крик его поглотят туманы. Брр!

Как время меняет предметы! Точнее, сколько оно добавляет к ним. Только под воздействием времени вещи открывают свою истинную сущность. И я понимаю, почему старый замок на болоте оставили призракам. Просто нажитая, наколдованная атмосфера его, пропитанная миазмами страха и тёмными страстями, сделала его непригодным для жизни. Даже здесь уже почти невозможно жить, так давит атмосфера тайного умирания.

И от нашего «романа» с Эли, как и от всего здесь, тянуло какой-то безысходностью. Всего лишь миг казалось, что я любил её, и она отдалась мне покорно и как-то отчаянно. Пути назад были отрезаны, теперь мне оставалось только просить её руки. О Боже, я ведь ничего не знаю о ней!

Дядя Адам, пропащий Адам. Его имя у нас в семье не произносили вслух. В детстве я нашёл его фотографию, где он в элегантной морской форме. Тогда я впервые услышал это имя. В первый и в последний раз. Я понял, что он перестал существовать и его имя запрещено. Он стал моей тайной, моим кумиром.

Я видел его во сне. Я думал, он исчез где-нибудь в Австралии, но вернётся внезапно, загадочный и богатый, чтобы забрать меня с собой. В глухом уголке парка я нашёл его могилу.

– Д-р Крозе, скажите, кем Эли приходится барону?

Доктор вежливо и скептически улыбается. В его глазах скрытая усмешка.

– Как, Вы не знаете? Это его жена.

Я словно лечу в тёмный подвал, в ушах звон. Почему?!!

Той ночью я решил бежать. Не думаю, что мной двигал разум. Скорее, ужас тела, вдруг непостижимым образом почувствовавшего угрозу своему существованию.

В четыре часа пополудни я спустился из окна по плющу и растворился среди теней парка. Я сам казался себе тенью, беззвучной и стремительной. Ограда ненадолго задержала меня. Рассекая утренний туман, я испытывал невероятное облегчение, смешанное со стыдом. Я позорно бежал, чтобы не возвращаться никогда.

Лошадей не оказалось.

– Где я могу найти лошадей? Мне нужны лошади. Немедленно! – Паника взлетела вверх по позвоночному столбу. Я почувствовал, что если не уеду сразу, побег сорвётся. Ждать сколько-то часов лошадей, идти 15 миль до станции... нет, это невозможно, невозможно! И приторные голоса: «Как, Вы хотите уже уезжать, молодой господин? Зачем же так спешить? Оставайтесь. Вы должны остаться на праздник. Это очень старинный и красивый праздник, его уже больше нигде не справляют. Вы не должны упустить такой возможности. Ваш дед будет просто убит, если Вы его не увидите». Нагло и льстиво.

Холодное скользкое щупальце сжало горло. Здесь все всё знают. Мне никогда не дадут лошадей и никогда не выпустят отсюда. Бесполезно бежать. Раздавленный, я возвратился в замок.

Попытка к бегству не осталась тайной. Я почувствовал это сразу. Теперь, даже будучи один, я ощущал чьи-то внимательные взгляды. В парке меня сопровождал садовник. Окна на ночь стали запирать. Почти бесшумные шаги лакея по коридору стали всё чаще замирать у моей двери. О Боже, если бы я только знал, что мне что-то грозит. Лишь бы не эта обволакивающая, оцепеняющая неопределённость.

Вторая аудиенция у деда была ещё торжественней, чем первая. Жёлтое, полное несокрушимой воли лицо на белых подушках. Доктор Крозе в смокинге, чёрный и значительный. Жёсткий взгляд, от которого сжимается сердце.

Бумага, которую он мне протянул, поразила меня как громом. Сегодня, 31 октября 18... г., я, согласно дарственной, вводился во владение замком и землями.

– Распишитесь, господин барон.

Я долго не мог понять, что эти слова обращены ко мне.

– Завтра праздник, люди захотят увидеть своего лорда.

– Да, да, но... О, сэр! – Я даже не знал, что сказать. Глаза деда были всё также беспощадно холодны.

Когда сознание выбито из колеи, оно цепляется за мелочи – за золотую цепочку доктора Крозе, за дату. Первое ноября, первое ноября, где я недавно видел эту дату? Ну, конечно. На надгробии! 1-го ноября, ровно 20 лет назад, умер дядя Адам.

– Д-р Крозе, можно задать Вам вопрос?

– Спрашивайте, милорд.

– Скажите, Вы не знаете, как умер мой дядя Адам?

– О, это была необычная смерть. Он утонул. В бочке с вином. Самхайн – очень весёлый праздник.

Первое ноября. Холодный туман цепляется за тёмные ветки. Какой странный день для праздника. Я всё ещё не могу поверить в случившееся. Барон, барон.

Толпа всё гуще.

– Прикажете выкатить эль, милорд?

Милорд? Ах, да.

– Да, распорядитесь, прошу Вас.

Мы выходим на террасу. Эли держит меня под руку. Боже, она ведь моя бабка! Все кричат, все смотрят на нас. Там, внизу, что-то происходит. Играет волынка. Льётся рекой эль. Люди становятся в круг. Кружатся, кружатся. Всё плывет, неужели я пьян? Актёры в масках. Что они играют? Кажется Лира?

Нет, я не хочу пить.

– Пейте, милорд, за здоровье короля!

– Ах, короля.

Когда я сошёл с террасы и очутился в круге?

– Сегодня славный день!

– Да-да, славный...

Плывёт туман, блестят мечи. Ах да, они же должны убить короля.

Лица. Какие странные лица. Как они странно сосредоточенно пьяны. Какое странное веселье. Нет, нет, они не веселятся, они ждут. Боже, чего? Неужели смерти короля? Надывается музыка.

– Слава нашему лорду! Слава!

– Благодарю

– Видимо, Вам нужно отдохнуть, милорд. Покои готовы.

Эли, как она бледна, как вцепилась в мою руку. Куда мы идём? Почему вокруг так много людей? Ведь жилые комнаты в другом крыле.

– Господа, постойте.

– Слава нашему лорду. Слава! Слава!

Тяжёлые двери, морёный дуб.

– Ваши покои, милорд.

Каменное кресло на возвышении чем-то напоминает саркофаг.

– Постойте, постойте. Это не моя...

Двери захлопываются, и мы остаёмся вдвоём. Она висит на мне в полубомороке. Что они с ней сделали?

Что они сделали? Они сумасшедшие! Они заперли нас. Полумрак. За толстыми стенами едва слышны вопли ликования. Тряся головой, я пытался стряхнуть наваждение. Мешал запах. Запах пыли, тумана, старого дерева и дыма. Он одурял и беспокоил, и я никак не мог собраться с мыслями. Роскошный зал-склеп. Но почему так сильно пахнет дымом?

Дрожащий красноватый свет. Огонь! Они подожгли замок! Дым всё гуще. Треск пламени, стремительно рвущегося к потолку. В отчаянии я бьюсь о двери. Окна. Окна слишком высоко. Эли! Она в обмороке. Не уйти, не уйти. Идиотски красивая смерть. Как кружится голова! Я лёг на пол и стал ждать, когда рухнут перекрытия. Лучше задохнуться, чем сгореть заживо. Рёв толпы. Какой фейерверк! Обугливаются панели. Рухнула горящая балка. Конец.

Меня несут на руках. Растерянные лица.

– Барон умер, умер барон.

Доктор Крозе: «Вам повезло. Умер барон».

Но я жив!

Усмешка.

Да, ВЫ живы, милорд.

Замок выгорел почти целиком. Д-р Крозе говорит, это было красивое зрелище. Всё время болезни я провёл у него в доме.

– Нельзя слишком долго обманывать судьбу, – говорит он с усмешкой, – народу нужен молодой лорд, и не только народу. Вы постройте новый замок, милорд. Вам подскажут, где.

Меньше всего я думаю о замке. Странная апатия по-прежнему гнетёт меня. Ночами мне снится дракон. Он внизу, под домами, холмами, замком. Спит и видит меня во сне. Весь город – его сновидение.

Даже днём он меня преследует. Его холодный нечеловеческий разум стучится в мой череп.

Врач сказал, что я должен совершать прогулки. Нет, всё-таки эти люди абсолютно безумны. Кажется, они принимают меня за католического патера, – целуют руки, просят благословить детей. И никто не глядит в глаза. Это невыносимо.

Едва оправившись, я снова решил бежать. Бежать возможно дальше. В Италию, к нормальным людям, цветам и солнцу. В сундуке, оставшемся от деда, не считая чеков, акций и векселей, я нашёл крупную сумму золотом, достаточную, чтобы добраться хоть до Китая. Лошади были предоставлены мне по первому требованию.

В воздухе висел плотный тяжёлый туман, почти скрывая дома и уродливые чёрные деревья. Вскоре они совсем исчезли. Едва угадывались холмы. А потом непроницаемая завеса скрыла и их. Лошади шли резво, почти без понуканий. Вскоре должна была показаться станция. Странно. Мне казалось, до неё ближе.

Когда из тумана на меня вдруг надвинулась чудовищная громада крепости, я засмеялся жалко и всхлипываяще. Старый замок ждал меня.

Пока я всё ещё существую, хотя и боюсь глядеть в зеркала. Этот «я» – жалкий пульсирующий комок среди моря ледяного спокойствия. Не знаю, сколько Вечная Леди и мой тесть-дракон будут терпеть его. Когда-нибудь в Новом замке проснётся в одиночестве уже только один Господин барон – Извечный Лорд.

Игра

Духота клубилась над дорогой различным глазу маревом. Раскалённое солнце, едкая пыль, застилающий глаза пот, мухи, равномерные толчки сплавлялись воедино с доводящим до безумия однообразием ландшафта. И имя ему было вечность.

Когда это началось? Капитан напрягся, но не смог вспомнить. Наверно, это было всегда. Разве может что-то меняться среди этих жёлтых скал и серой земли, способной родить только такую же серую, чахлую зелень. Любое воспоминание здесь неизбежное дежа вю. Пыль, мухи, солнце. Солнце, скалы, мулы. Он попытался подумать о чём-нибудь другом, что-нибудь вспомнить, хотя бы лицо матери, ведь была же у него мать. Солнце, скалы, серая пыль.

Лай облезлых собак возвестил о приближении селения. Почему-то все постройки в этой стране выглядят как развалины. Казалось, безнадежная усталость сковала здешних людей столетия назад, и с тех пор они так и сидят как каменные изваяния, следя неподвижным безразличным взглядом за путниками как за облаками. Или здесь не бывает облаков?

Усилием воли он заставил себя встряхнуться. Перед глазами поплыл красный туман. Караван втягивался в расщелину улицы между кубами серо-жёлтых домов.

Лёжа на кошме у тускло горящего очага, капитан с безразличным отвращением слушал негромкий голос проводника. Почему этот старик всё время врёт?

– Нет, Абдалла, я не дам вам денег на всю эту чепуху.

– Тогда Вам следует поискать другого проводника

Старик сидел спиной к огню, отрешённо глядя в темноту, он давал понять, что разговор окончен. Он знал: больше никто не поведёт караван через эту чёртову пустыню и горы.

Этот видимо безнадежный маршрут был выбран не случайно: на дорогах кишели банды. Проще сражаться с природой, чем лезть в пекло гражданской войны и разбираться с преступниками и фанатиками

– Хорошо, Абдалла, на этот раз я Вам уступлю, можете закупать свои кожи и опиум, – он был уверен, что старик улыбнулся.

– Вы мудро решили, капитан.

В путь тронулись через сутки, ночью. Обглоданная луна своим белёсым светом превращала город и скалы в декорации. На поверхности огромного ущербного светила чётко просматривались пятна. Невольно вспомнилась легенда о солнце – злой жене, избивающей своего бледного мужа. Выли шакалы. Чёрные отчётливые тени мулов и людей то рельефно скользили по серовато-белому искрящемуся песку, то сливались с тенями валунов. Впереди проводник, за ним капитан, рядом трясётся долговязая тень дока, дальше погонщики, казаки.

И снова капитан почувствовал, что его сознание соединяется с декорациями рельефа, что он сам – часть этой декорации в неестественном свете лунной рампы.

Что от него осталось, кроме цели, цели, которая, порой казалась порождением бредовой фантазии? Но рукопись, рукопись, найденная в кишках тарантулами развалинах шахского дворца, где его рота занимала позицию, безусловно существовала, и док прочёл её.

Время превращает слова в песок. Глядя на пустыню, каждый может стать философом. Она была как огромное озеро в оправе из скал. Плоская и пустая. Сотни поколений должны были говорить, не переставая, чтобы наместить её. Возможно, судьба человечества – быть занесённым собственными словами. Где-то в глубинах памяти шевельнулось воспоминание о «Книге Песка» – бесконечной книге, где из-под корешка появлялись всё новые и новые

страницы и никогда нельзя было во второй раз найти уже виденную. И о Вавилонской библиотеке – бесконечных шестигранниках с книжными шкафами. Должно быть, «Книга Песка» была её каталогом. Безумные библиотекари переходили от одного шестигранника к другому в поисках книги, кратко излагающей содержание всех остальных. Чудаки. Они не догадывались, что остальные – это комментарии, написанные к той, единственной.

Капитан бросил горсть песка.

– Что это, док? – В неподвижном воздухе слабо покачивалось несколько чёрно-жёлтых столбов, отдалённо напоминавших человеческие фигуры.

– Не знаю точно, кэп, но несколько смахивает на смерчи, а? – сказал он, оборачиваясь к проводнику.

– Дивы, они нападут на нас ближе к полудню, – голос Абдаллы был бесцветен. Капитан засмеялся, переходя на кашель. Ну конечно! Мысли, книги – как это дико и неестественно. Разумеется, дивы. И ничего, кроме дивов, здесь быть не может.

– Если мы до полудня дойдём до белого камня, то сможем там переждать, а затем в один ночной переход пересечь пустыню. Только так можно её пересечь.

– Сделаем, как говорит Абдалла, кэп, всё-таки он переходил через пустыню.

Капитан махнул рукой.

Всё же они немного опоздали. До ослепительно белой скалы, воткнутой, как кость в горло пустыни, оставалось ещё с полмили, когда смерчи пришли в движение. В раскалённой, иссушающей гортань субстанции воздуха не было не малейшего дуновения, но столбы вихрей, набирая черноту и вырастая на глазах, явственно приблизились. Прикинув, что до скалы не успеть, Абдалла крикнул что-то погонщикам, и на землю полетели из тюков плотные тяжёлые кожи.

– Надо остановиться, капитан, они не пустят нас дальше. – Люди, как замороженные, глядели, как слабо покачиваясь из стороны в сторону, чёрные столбы раскрылись наверху наподобие зонтиков со сломанными спицами, как завихряется песок вокруг их хоботов, как неестественно медленно и бесшумно адские фигуры окружают со всех сторон. Ощущение реальной злой воли, сдвигающей фигуры вокруг попавшего в ловушку короля, было настолько сильно, что некоторые закричали от ужаса и стали бросать камни.

– Признайтесь, Вы много грешили, кэп? – лицо дока стало серым.

– Не знаю, – он подумал, что и правда не знает.

– Буддисты верят, что на земле в глухих уголках есть филиалы ада, и неосторожный путник может в них забрести.

– Спасибо, док. Вы всегда были оптимистом

Бездействие в эту минуту было невыносимо, и они вслед за Абдаллой стали мостить землю шкурами. Эта абсолютно бессмысленная мера, как ни странно, сработала: почти сомкнув кольцо, вихри остановились, казалось, впад в недоумение.

– Они не войдут сюда, боясь оскверниться – сказал проводник, – и попытаются уморить нас, но ночью они бессильны.

– Откуда эта напасть?

– Здесь был город кяфиров, поклонявшихся злым духам, но Аллах съел его с лица земли.

Что ж, чёрт возьми, это действительно было похоже на злых духов, охраняющих сокровища.

Рассказывают, что когда Хулагу – предводитель монголов – вошёл в сокровищницу халифов в Багдаде, он увидел там груды золота. «И имея столько богатств, ты не смог собрать на них войско?! – воскликнул он. – Видно, золото тебе дороже всего». И сказав так, он приказал запереть последнего халифа в сокровищнице, где тот и умер от голода и жажды. Неиз-

вестно, что сказал Надир из племени Афшаров, усатый разбойник и завоеватель, вырывавший глаза неплательщикам налогов, когда вошёл в сокровищницу Великого Могола в Дели. Во всяком случае, он сохранил падишаху жизнь и престол из уважения к нему как к потомку Чингис-хана. Но бесчисленные сокровища он забрал себе. С трудом упробил его Могол вернуть драгоценные платья из гардероба гарема, а редкостную книгу «Тайны Хамзы», украшенную дивными миниатюрами, Надир обещал вернуть, когда прочитает. Но, кажется, зачитал.

Только переплавленная кухонная утварь дала 18 тонн золота. На 4000 верблюдов были навьючены тюки с драгоценностями, на 2000 – золотые предметы с драгоценными камнями, на 6000 верблюдов – золотые монеты, на 24000 мулов – платиновые и серебряные предметы, на 2000 верблюдов – золотые и серебряные троны. Всего ценностей на 26 кураров туманов или 130 миллиардов динаров. В эту сумму не входила стоимость 2-х бесценных камней – алмаза Дарйа-и-нур и рубина Айн-ал-нур и, главное, невероятного Павлиньего трона – огромного сооружения из чистого серебра, усыпанного крупными драгоценными камнями (не меньше 20 карат каждый). 70 верблюдов везли в разобранном виде этот удивительный трон. Ещё 700 миллионов рупий было награблено в Дели, 20 миллионов дали контрибуции и ещё 5 миллиардов – излишки добычи, отобранные у своих солдат.

В радости от неслыханной добычи, Надир на три года освободил подданных от налогов. К индийским сокровищам он, впрочем, так и не притронулся.

Русскому императору Ивану и его родне шах подарил 37 драгоценных предметов ценой в 120 млн. динаров, не меньше должны были стоить дары турецкому султану. Когда тиран пал от руки заговорщиков, его походную казну захватила афганская гвардия. На эти деньги был основан Афганистан. Немало звонкой монеты могло быть растрчено в последующих войнах. Но где драгоценности? Список сохранившихся индийских сокровищ из той добычи, местонахождение которых известно, невелик: 17 вещей из даров Надира составляют бесценную коллекцию Эрмитажа, 2 предмета в шахской сокровищнице в Тегеране, 2 алмаза в Алмазном фонде в Москве, третий украшает Британскую корону. Где остальное? До недавнего времени ответа не мог дать никто. До вчерашнего дня.

Док торжественно улыбнулся.

Этот разговор случился бесконечно давно.

Пробуждение было ужасно. Капитан вскочил, безумным взглядом огляделся по сторонам и тотчас, скорчившись, застонал. Перед глазами плыла раскалённая серо-жёлтая долина-расщелина. Голая растрескавшаяся почва без следа растительности, нестерпимо сверкающие крупницы соли и, в страшном исчерна-синем бездонном небе, как будто издевались, покрытые вечными снегами вершины. Даривший надежду сон стремительно таял. Нет, с памятью определённо было что-то не в порядке, и это заботило гораздо больше, чем видимая безнадежность положения. Вместе со сном таяло ощущение близости выхода. Подперев голову, капитан тупо следил за медленно ползущей тенью.

Абдалла говорил, что хафзаи не любят чужих и убивают гяуров.

– — Если прохода нет, то зачем Вы брались вести здесь караван? – спросил капитан, глядя на крошечные фигуры на гребне скалы.

– Я обещал, что проведу капитана в крепость, – ответил Абдалла. Предатель. Потом в памяти был провал. Помнилось только, как, обдирая руки, он спускался, держась за верёвку, в тёмную расселину. Где теперь эта верёвка? Потом он долго пробирался среди валунов, стараясь держаться тени от нависшей скалы. Солнце – это смерть. И снова он шёл, пошатываясь, превращаясь на ходу в высохшую мумию, и хрипло смеялся, увидев на скале маслянисто поблескивающее мумиё. А после, упав, умирая от жажды, он с необы-

чайной отчётливостью осознал истину о воле Аллаха и вспомнил о суфиях, блуждающих по пустыне, положившись на божью волю. Он знал, что умирает, и знал, что не умрёт, ибо рука, дёргающая ниточку его судьбы, ещё не устала.

– Поиграй со мной, – всплыла в глубине памяти чья-то просьба. Игра его жизни продолжалась. Смерть – прекращение игры. Но прекращение ли?

Его спас пьяный дервиш.

На обрыве, под которым упал капитан, были развалины монастыря. В глубоких чёрных норах пещер была вода. А может, и вино? Пробивающиеся в пролом лучи скользили по закопченным стенам, высвечивая слабо фосфоризирующие призрачные фигуры. Каменный исполин умирал на боку в позе льва.

Пьяный дервиш дал ему воды, но не дал вина. Он смеялся и бил в бубен. Он говорил, что не всякий достоин вина забвения.

– Если ты заснёшь достаточно глубоко, – говорил он, – ты перестанешь видеть утомительный сон жизни, и тогда властелин судеб забудет о тебе. Но не всякий достоин вина забвения, – смеялся он и бил в бубен.

– Я не хочу забвения, – твёрдо сказал капитан, – я хочу пробуждения.

– Ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое и много денег, – смеялся дервиш. – Ты не умеешь играть и даже сейчас пытаешься играть по своим правилам.

Капитана била дрожь, слова дервиша стучали как молотом по голове. Где-то в глубине он, казалось, нащупал кончик ниточки и замер в смертельном страхе потерять его. Осторожно, чтобы не вспугнуть, он нашептывал имя – имя, могущее стать путеводной звездой в лабиринте. Вцепившись, он повторял его снова и снова. Что-то твёрдое расплавлялось в нём, таяло и вытекало под жаром разгорающегося огонька. Он будет играть, чего бы это ни стоило.

За каменной дверью был длинный тоннель, чёрный и бесконечный. Оттуда пахло ледяным холодом. Каждый шаг ударом отзывался в сердце. Тяжёлые удары в непроницаемой тишине. 3000 шагов – 3000 ударов. Наконец, впереди забрезжил свет. У выхода стояли мулы и сидел Абдалла.

– Людей и поклажу забрали хафзаи, – сказал он, – но я обещал провести капитана к крепости.

«Печаль легла на сердце моё, печаль легла на сердце моё... – бессмысленно стучало в висках. – Почему я не хотел играть? – думал капитан. – Письмена её на сердце моём. Сын, мой сын – это он хотел поиграть со мной. И имя моё как печать её». Память прорезалась вспышками молний. Как будто лопнул хитиновый панцирь, и душа забилась, потеряв свои горизонты. Отныне всё было легко и просто.

Лагерь хафзаев был в узкой долине, похожей на расщелину. Абдалла не задавал вопросов. Он показал капитану обходную тропу. Хафзаи забрали поклажу, оружие и груз опиума, но лучшая снайперская винтовка была заблаговременно спрятана в камнях. Забрав её, капитан вскарабкался на утёс. Он шёл со стороны руин и мёртвой долины, и стража не заметила его. С высоты он видел шатры как на ладони. Это была банда, отколовшаяся от племени, одни мужчины. Собравшись у костров, хафзаи курили опиум. Первыми выстрелами капитан снял часовых на скалах и у пещеры, где содержались пленники.

Солнце играло на скалах. Люди играли в войну и смерть – игру, излюбленную мужчинами, детьми и богами. Лишь одному хафзаю удалось добраться до капитана и броситься

на него с ножом. Капитан засмеялся, приняв удар клинка в предплечье, и ударом приклада опрокинул противника в пропасть.

(«Почему тебе всегда некогда? Поиграй со мной. Давай, ты будешь искать клад». Да, я забыл о тебе за суетой и работой. Я вечно гнался за деньгами, и ты решил подарить мне клад – как будто существуют другие клады. «Во что мы будем играть?» – как будто существуют другие игры. Искусство игрока – знать, что играешь, и знать – с кем.)

Стены крепости желтоватого камня, осев, почти сплывались со скалой и стали трудно-различимы. Время запорошило их песком. Капитан улыбался, угадывая знакомые детали. Кирюша был верен себе: всё было как на картинке.

Запылённый и похудевший док разглядывал карту.

– Да, это здесь, – сказал он наконец, – вход должен быть с запада.

Немногочисленные путники спешили. Когда-то эта местность цвела, и кяризы были полны водой, но уже много веков они пусты. Найдя и раскопав древний колодец, люди спустились в прохладу кишашего змеями подземелья. Они добрались только до первой камеры, дальше ход преградил обвал. На верёвке поднимали они наверх кожаное ведро с россыпями монет. Не раз сверкали в нём зелёными и красными огоньками самоцветы, сплошь обливавшие золотую и серебряную утварь. За день им удалось достать ценностей на несколько миллионов фунтов. Один человек умер от укуса гюрзы. Двое, обезумев, убили друг друга.

Последняя часть операции была особенно рискованной. Весь день капитан не отходил от передатчика. Всю ночь горели буквой «С» костры из привезённого с собой топлива. И самолёт, взявший курс из Пешавара, сумел найти их.

После погрузки ценностей в самолёте осталось только одно место. Док стал смертельно бледен – только сейчас до него дошло, что один из них может остаться среди скал навсегда. Но капитан, смеясь, уступил место ему.

Когда серебряная точка, махнув на прощанье крыльями, скрылась за горизонтом, капитан, повернувшись, успел заметить, как тают в воздухе мулы и Абдалла. А потом, нащупав в кармане ключ, он отпер двери квартиры.

P.S.

Говорят, что с того дня, когда гяуры перебили друг друга у развалин Тахмасп-кала, там поселился дервиш по имени Абд-ар-Рахман, которого многочисленные в тех краях зиндики называют нечестивым именем Абу-Рахман.

Гордыня

Стены монастыря сомкнулись, как створки раковины. Вечные стены, стены из посе-
ревшего камня со мхами и паутинами. Пока Игрок смотрел на них, впитывая их вязкую
прелость, его лицо застывало, складывалось в омертвелую маску, изборождённую тысяче-
летними морщинами. В сердце он уже слышал стук часов на башне, сырость подвалов,
полумрак церквей. Тысячи монастырей сливались, чтобы на мгновение стать Монастырём,
и с ехидной улыбкой Игрок прозревал в нем Не-Монастырь, аббатом коего он состоял.

* * *

Настоятель с трудом поднял свое грузное тело с колен. Молитва очистила его, сердце
размякло от умиления и на глазах стояли слёзы. Вернувшись к столу, он снова взялся за перо,
чтобы закончить главу своего монументального трактата, посвящённого изобличению вели-
чайшего из грехов, отца и матери всех пороков – греха гордыни. «Не малая премудрость, –
писал он, – заключается в правиле, обязывающем раздеть обвиняемую донага в присутствии
членов трибунала и осмотреть её тело на предмет наличия дьявольской печати в виде нечув-
ствительной к боли родинки. Мудрость же сия заключается не в изобличении козней дья-
вола, чей пронырливый ум всегда найдёт способ обмануть человеческую проницательность,
а в том, что гордыня грешницы опирается на её одежды, и, совлекая оные без остатка, как
верхние, так и нижние, мы лишаем её сей опоры. Ибо сколь бы не высоки были сан и досто-
инство грешницы, явив другим лишённое покровов естество, она как бы теряет их и, вместе
с ними, и свою гордость. Гордыня же – единственный порок в совершенной душе человека,
в коем диавол может найти прибежище».

Вдруг смутная тревога проникла в сердце настоятеля. Встав из-за стола, он подошел
к окну кельи. В раскрытые ворота монастыря вползал караван паломников. Призвав келей-
ника, настоятель произнес: «Скажи братии, дабы молились неустанно, ибо диавол проник
сейчас в монастырь».

* * *

Отец же наш, будучи прозорлив, узрел диавола, проникшего внутрь обители, и повелел
братии молиться беспрестанно, и не мог диавол войти к ним. И тогда обозрел диавол сердца
монахов и увидел, что засовы на некоторых не закрыты, и сказал: «Войду к ним». И вошёл
в сердце некоего усердного в молитвах монаха, и закричал тот: «Свет небесный зрю!» – ибо
мнилось ему, что узрел.

* * *

Монах Арсений и впрямь узрел небесный свет. Когда он, стоя на коленях, молился,
то вдруг услышал привычные слова молитвы как бы заново. Дивной музыкой заиграли они
в нём, и почудился ему аромат сладчайший.

– Кто это? – подумал Арсений и поднял голову. И в тот же миг будто рухнула кровля,
и всё вокруг наполнилось дивным светом, и собственная келья показалась ему раем.

– Господи, слава тебе, Господи! – только и успел произнести потрясённый монах, как
свет вошел внутрь него. Нет, точнее, как бы воспламенилась сама душа его, и кто-то внутри
долго, бесконечно долго спавший вдруг проснулся, открыл окно, выглянул наружу и, потя-
гиваясь, подумал: «Надо же, уже день». Так дивно и светло стало на душе у Арсения и такой

восторг и парение охватили его, что, видимо, он действительно не выдержал и прокричал: «Свет небесный зрю!» Когда его привели к настоятелю, он счастливо улыбался, потому что видел, что вокруг парят ангелы, и внутри других монахов ангелы, и даже, страшно подумать, сам настоятель – тоже ангел.

Когда настоятель увидел светящееся лицо Арсения, его охватила глубокая печаль. «Господи, за что? – взмолился он. – За какие грехи наши?» Ибо знал, что сей недуг трудно искоренить. Но надежда ещё не покинула его сердце. Он подумал, что иногда это проходит само. Но какой соблазн братии! Решение пришло мгновенно. Он приказал крепко связать Арсения и заставить выпить кувшин вина покрепче. Пьяный Арсений даже в Духе не представлял такой серьезной опасности, а через пару дней может само пройдет. Но оно не прошло.

* * *

И пьянствуя, вопяще тот мних неразумные словеса, и было то великой прелестью и соблазном. И пришед к нему настоятель, и вопрошал: «Что зришь?» Тот же отвечал: «Бога зрю». Отец же наш игумен рек: «То не Бог, а диавол». Тут засмеялся тот мних великим смехом и сказал: «Се речешь, а сам и есть Бог». И ужаснулись все сиим словам. А брат келарь рече отцу нашему: «Вели его бити плетью».

* * *

Келарь и впрямь произнес эту чушь и напомнил в качестве прецедента давний случай. Тот случай был очень сложен, а возможно, просто сам настоятель был тогда ещё мало опытен. Аббат хранил его в памяти во всех подробностях.

Был некий священник по имени Гуго, посвятивший себя философии и через то впаавший в великую гордыню. Проповеди его совратили многих людей.

– — Долга широкая дорога, коей идут многие, – говорил Гуго, – но избранным через особую милость Божию дано пройти тропой узкою, путём кратчайшим, и философия к нему путь указывает.

– Безумец, ослеплён ты своей гордыней! – отвечал ему аббат. – Лишь два пути есть: ведущий к спасению и ведущий к гибели. Никто не может спастись сам собой, но лишь милостью свыше, равно всех осеняющих – и праведных, и грешных, и до Страшного Суда не откроется тайна, кто спасён (так думал он тогда). Святые же Господа не святостью своей спасаются, но милостью. Святость же дана им, дабы светила, как маяк в ночи для грешников, дабы видели те и дивились, сколь великие страдания и труды дано перенести святым во имя силы и славы Господней, явленной через чудеса их. И увы тем, кто возгордится чудесами, говоря: «Я их сотворил». И тем, в блаженстве пребывающим, ибо получили они уже награду свою. Ибо посылает им диавол ложные видения и ложную мудрость. И превыше увы тем, кто и оной награды не получив, сам вообразил её, впад в блудодеяние, именуемое язычниками философией, ибо, ослеплённые, сойдут они с пути и вскарабкаются на скалы, и падут, и разобьются! – так наставлял он.

Гуго же, к стене припираемый, изворачивался, подобно угре, и говорил: «Мы сыны Божие» или: «Мы есть Ничто и Бог, в том Ничто пребывающий». И настоятель отвечал:

– Воистину, мудрец изрек, что душе не дано видеть себя, и, обращаясь на себя, видит она или Творца своего, или пустоту. Истина же дана в Откровении. Вы же в гордыне своей безмерной стыдитесь быть тварью и рабами Божьими, пылью у ног Его и трепетать в страхе

пред Господином своим, и мните себя сынами, в душе своей лелея: «Мы равны ему», или говорите: «Мы ничто», ибо в гордыне своей бесконечной согласны быть ничем, лишь бы не рабами. Но накажет Господь рабов своих строптивых.

Так избличал он Гуго в ереси, и лишили того сана, и отдали настоятелю. Настоятель же, стремясь сломить его гордыню, много поучал его, и не в премудрости, а в делах простых, и сделал низшим из низших, и поставил на чёрные работы, а за малейшие провинности велел сечь его нещадно, и раба его поставил начальником над ним. Но безмерна была гордыня Гуго, и говорил он себе: «Господь послал мне испытания» и «Господь испытывает веру мою», и «Страдания мои безвинны», – и тем величался внутри себя, и смирение его было паче гордыни.

Настоятель же убеждал его: «Смирись, Гуго! Великие бедствия сам навлекаешь на себя». Но тот, ослеплённый, самими бедами своими тешил гордыню. И тогда настоятель придумал вот что. Приказал он связать Гуго, посадить его по пояс в дерьмо под толчок, и все монахи испражнялись на голову его. Стену же велел разобрать, дабы видели все Гуго, в смраде сидящего. И все монахи наставляли его. И свершилось чудо. На четвёртые сутки возопил Гуго и зарыдал, и просил выпустить его. И когда разрезали путы, плача ползал он и лобызал следы настоятеля, ибо сломилась гордыня его, и понял он, что есть прах и от праха взят. И возрадовался настоятель, и облобызал Гуго, и смягчилось сердце сего еретика, и плакал он от радости, и стал кроток, подобно овце, и тем доволен.

Об этой истории и напомнил келарь, интеллект коего, как давно с огорчением отмечал настоятель, не слишком отличался от одного у барана. Плети, по его мнению, были универсальным средством, независимо от тяжести болезни. Настоятель хотел было напомнить келарю о бичевании Спасителя, но решил не смущать его простое сердце. Он понимал, что без Божией помощи не справится, и обратился ко Всевышнему с горячей молитвой.

* * *

И взмолился отец наш к Господу, подобно Моисею в пустыне, и бысть чудо: нашла на еретика слепота и немота, и проказа на теле его, и ужаснулись все, еретик же покался. И взмолился отец наш вновь и прошла проказа, немота же осталась как печать на уста, богохульные слова изрекшие.

* * *

Махнув хвостом,мышь отчаяния исчезла в бездонной норе здравого смысла, из крошечного мрака которого нет иного выхода, кроме как на виселицу.

О, сколько здесь мышей! Уж не для мышей ли поставлен сей монастырь мудростью Божией, дабы плодились они и размножались? Игрок вбирал в себя запах старого зерна и мышей, надеясь пропитаться им насквозь и приобщиться к святости. Ночь стучала когтями по стенам башен и парила на голых крыльях над провалами дворов. Под низкими сводами в узких кельях сотни монахов стерегли узкие врата спасения и молились, чтобы не заснуть. Осторожно, почти незаметно тронул Игрок одну струну. Тихое, но пронзительное гудение устремилось к небесам. Колокола ответили низким гулом – звонили к заутрене.

* * *

И рек диавол: «Горе мне и посмеяние от старца сего, но не отступлюсь и воздвигну сильных мира сего на обитель его». И так сказав, воздвиг на отца нашего гонение от некоего епископа, в мире славного, именуемого Исидором.

* * *

Его преосвященство епископ Исидор был известен своей добродетелью и глубоким благочестием. Помимо прочего, его отличало и полное бескорыстие. Все свои немалые доходы без остатка тратил он на нищих. Вечно одетый в простую рясу, он сам посещал больных и убогих, лечил, наставлял, подавал милостыню. Но главное свое призвание Исидор видел в борьбе с расплодившимися ересями. Множество ересиархов он прихлопнул как мух своими увесистыми трактатами и дал им на земле испытать, что такое адское пламя, в которое вели они своих последователей.

И вот Исидор проведал о странной ереси, процветающей в одном весьма богатом монастыре (а правду сказать, не любил он монахов). Еретики во главе с настоятелем утверждали, что узкие врата спасения, о коих говорится в Писании, это вполне реально существующие врата, причем находящиеся в том самом монастыре. Будто бы Христос лично показал их апостолу Иоанну, а тот своим ученикам по цепочке, вплоть до нынешнего настоятеля. Будто бы только прошедший или пронесенный в гробу через эти ворота получает (естественно, после принесения покаяния) доступ в вечному блаженству, прочие же обречены на погибель. Стремясь скорее изобличить эту странную ересь, епископ немедленно отправился в путь.

– Опомнись, – сказал он настоятелю, – в своей страсти к стяжанию ты зашёл слишком далеко. Скоро ты за плату начнёшь распределять места у Божьего Престола.

– То ложь, – ответил настоятель. – Никому не преградил я путь к спасению из-за бедности его. Дары же принимаю во спасение душ дарящих, ибо чем больше пожертвуют они, тем больше будут печься о душе своей, дабы не пропали их деньги даром. В смирении своем не отклоняю даров, ибо гордецы те, кто говорит: «Не нуждаемся ни в чём и бедностью своей спасемся», и трижды гордецы те власть предержащие, кто кичится праведностью, говоря: «Я не таков, и приношения и почести не нужны мне. И силу мышцы моей не обращаю на страждущих, ибо праведен я, прочие же властители грешны, ибо я хорош, а они плохи». И воздвигается смута, и мятеж, и поругание на святыню. Воистину безмерно угоднее Богу грешник кающийся и в смирении своем дары приносящий, чем праведник гордящийся.

Епископ же отвечал: «Безумец, мне ли о смирении говоришь ты, в своей гордыне вознесшийся и говорящий, что нет спасения, помимо тебя. Или ты Христос?»

– Разве я поставил врата сии или своей волею приставлен к ним? – говорил аббат. – Или своей волею решаю, кто пройдёт, или говорю: «Кто пройдёт, тот спасётся»? На все воля Божия.

Глядя на заплывшую морду аббата, епископ с трудом удерживался от желания двинуть по ней булыжником.

* * *

И поносил тот епископ отца нашего игумена, и обличал ложно. Отец же наш стоял пред ним смиренно и в плаче и увещевал его кроткими словесами, ибо власть епископа от Бога поставлена. Когда же сказал диавол через епископа: «Разрушу сии врата», взмолился отец наш ко Господу, и пал епископ мёртвым посреди двора.

* * *

Внезапно он почувствовал удушье, как будто чья-то рука перехватила горло, судорожно вздохнул и полетел куда-то в разверстую бездну.

«Без покаяния», – с ужасом промелькнуло в голове. В голове ли?

– Господи, Тебе вручаю душу мою, – хотел произнести он, и не смог. Вокруг была абсолютная чернота и глухая вязкая тишина, и при этом полная ясность сознания. Епископ пытался молиться и вдруг понял, что Бога здесь нет. Н-е-т!!! Ужас, который охватил его, невозможно не выдержать, ни пережить. И самое ужасное, что этому ужасу не будет конца, что это навечно. За что!!! Господи, уж лучше скрежет зубовой. И страшная, доводящая до безумия мысль: а что если... Всё это, во что он верил, было не более чем усмешкой Сатаны, и изначально где-то была допущена ошибка, и все святые низвергнуты в ад... Ворота! Всё дело в воротах!

* * *

И был страх велик, и все пали ниц, и архидиакон, с епископом бывший, сказал отцу игумену: «Ты убил его». Отец же наш игумен отвечал: «Мне сие неподвластно», и молил Господа: «Господи, яви чудо!» И бысть чудо. На 3-й час воскресил Господь одного Исидора, но был тот бел как стена и полумёртв. И молил он: «Пронесите меня через узкие врата». Братия же говорила: «Не достоин он сего». Игумен же со слезами просил за него, и как пронесли одного епископа через врата, так он исцелился. Дьявол же вышел из него, ибо не мог пройти через врата.

И принял дьявол образ паломника и подошёл к отцу нашему и вопрошал его много.

И вопрошал: «Отче, ежели Бог наказует грешников, отчего невинные страдают?»

Игумен же отвечал: «Сыне, в аду Бог наказует грешников, а паче не верящих, а паче прегордых. Здесь же посылает он грешникам страдание как милость, дабы опомнились и покались. Прочим же страдания как милость, дабы не возгордились и помнили, что прах есть».

И вопрошал: «Отче, удовольствия не грешны ли?»

И отвечал: «Всё от Бога».

И вопрошал: «Отче, зрят ли праведники, в раю пребывающие, адскую бездну?»

И отвечал: «Писание глаголет, зрят. Читай притчу о Лазаре. Зрят, сыне, и трепещут и оттого еще сильнее славят Господа и Славу его, и милость Его к ним».

И вопрошал: «Уж не Сатана ли Отец ваш Небесный?»

И отвечал игумен: «Узнал я тебя по вопросу сему. Ты дьявол. Давно ждал тебя».

И сбросил дьявол личину паломника и предстал в своем виде нелепом и безобразном. И сказал: «Ты ждал меня, я здесь».

* * *

– Вижу, отче, надёжно окормляешь ты свою паству и опояешь, – сказал Игрок, придав своему лицу выражение дьявольской ухмылки.

– Так вот ты каков, дьявол, – произнёс настоятель растроганно, – истинно говорят: нелеп.

– Видишь, я добрее Бога.

– И добро без Господа есть зло. Ты же не добр.

– Верно, – рассмеялся Игрок, – я не добр, я гуманен.

– Отчего же противишься ты Богу и гонишь нас? – спросил настоятель с любопытством. Видно было, что визит Игрока он считает для себя немалой честью.

– Не гоню, а лечу. Я врач, а вы больные. Из тысячи тысяч правил игры вы выбрали немногие и сказали: «Они важны». И игра потеряла всю прелесть, превратившись во что-то другое, весьма убогое. Теперь вам приходится играть тайно, оглядываясь на своё важное.

И любая ваша игра становится игрой в вину. Я провокатор. Я провоцирую, и вещи теряют важность. У вас, отче, в руках Библия. Переверните её, и буквы превратятся в тайные знаки. Посвятите жизнь их расшифровке, и вам откроются новые небеса. Вы считаете грехом многознание, тогда изучайте познание познания, и вы перестанете что-либо знать вообще. Советую. Я занимаюсь этим уже многие десятилетия. — Игрок рассмеялся.

— — Давно думал я, отчего Господь дал тебе такую великую власть, — сказал игумен, — а ныне понял. Так наградил он тебя за смирение твоё, ибо гордыня твоя смиренна. Недостойный видеть вещи, следишь ты лишь за их тенями, и тем доволен. Немалое смирение нужно для этого, брат диавол.

И рассмеялся игумен, и подмигнул Игроку, и рассмеялся Игрок, и подмигнул игумену.
* * *

И речет тут отец наш игумен: «Изыди, Сатана!» И воскликнул диавол: «Увы мне и ох! Посрамил меня старец сей, изыду в пекло». И изошел.

* * *

Тысячи вещей, сверкая бесчисленными гранями, застыли на мгновение, приветствуя заходящее солнце, и вновь понеслась, покатилась, загудела миллионноликая Игра. И Монастырь, возникнув на мгновение из мрака, рассыпался, став монахами и паломниками, камнями и блудницами в череде иных бесчисленных превращений, переливавшихся в лучах заката, пока всепоглощающее время не пожрало их.

* * *

Впервые за последние дни почувствовав себя спокойно, настоятель благочестиво перекрестился и, не глядя на склонённые спины и восхищённые взоры, вернулся а келью. Там удовлетворённо склонился он над открытым трактатом и, окунув перо в чернила, продолжил, начав от последней точки заполнять белый лист мелкими, но чёткими знаками.

«Так, однажды предстала пред трибуналом некая девица, саном принцесса, чарами возбудившая в короле недозволенную любовь, ибо приходилась ему кузиной. И хотя была боса и простоволоса, смеялась над судьями и говорила: „Я дочь короля, не властны вы надо мной“. Когда же совлекли с нее одежды и оставили нагой, поняла, что власть Божия превыше человеческой и стала рыдать, и молить, и просить пощады. Так сломилась гордыня ея. А Господня Слава да пребудет!»

Парк

На душе было серо и гулко. Шёл дождь. Тикали часы. Если открыть окно, наверное, станет свежее. Но вставать не хотелось.

Уже несколько суток я не делал ровным счётом ничего. Оказывается, можно просто лежать или просто сидеть, глядеть в окно, или даже не глядеть, не думать, а позволить мыслям течь в любом направлении, и при этом не испытывать скуки. Идти всё равно было некуда, читать не хотелось, люди раздражали. Иногда я поднимал телефонную трубку, набирал номер и слушал долгие гудки. Абонента не было и, вероятно, никогда больше не будет. Наверное, и это скоро станет мне всё равно. Бездействие не угнетало меня. Но кто-то внутри, наконец, возмутился и потребовал не тратить время впустую. Ну что ж, потратим его как-нибудь иначе. Я встал и надел шляпу и плащ. Дождь почти перестал, а может, тоже задумал передохнуть.

Я шёл по улицам, не обходя луж, лениво рассматривая высокие чешуйчатые крыши домов на фоне тёмно-серого неба. Взгляд отрешённо скользил, примечая детали – кошка на подоконнике, ступенчатая кладка, полустёртый герб на фронтоне. Городок быстро кончился. Когда-то такие городки особенно умилили меня здесь. Под мокрой сенью вековых лип показалась ржавая решётка ограды и навеки запёртые ворота парка. Сколько раз я проходил мимо, раздираемый любопытством, но, почитая местные обычаи, ни разу не покусился. Заколдованная надпись: «Частное владение. Посещение запрещено» действовала на аборигенов как самое страшное табу на дикарей. Глядя с ужасом и восхищением на их степенные и серьёзные лица, я понимал, что решётка успеет проржаветь насквозь, каменная ограда – обвалиться, а они десятилетиями, веками будут также проходить мимо, ни разу не попытавшись нарушить границы собственности неведомого владельца. Даже дети. Их твёрдость в своей вере внушала мне благоговейный трепет. Но теперь мне было всё равно.

А почему бы и нет? Я был уверен, что владение не охраняется и не посещается уже бесконечно давно. Под градом капель я подошёл вплотную. Из-за холодной шершавой решётки пронзительно пахло мокрой зеленью и туманом. Дорожка почти заросла травой и подорожником. Наступая на перекладину, на выбоины в столбе, я без труда перемахнул через ограду. Брюки намокли сразу почти до колен. Отныне я порывал связи с обществом, религией и законом. Ну и что?

У кустов были большие растопыренные шелковистые на ощупь листья, на каждой ворсинке капелька. Какая-то прижившаяся экзотика. На берегу заросшего пруда каменные глыбы то ли «руины», то ли обвалившегося грота. Зелёный Амур в зелёной оправе кустов кокетливо прижимал пальчик к пухлым губам. Снова пошёл дождь. Маленький ручеёк, булькая, устремился к пруду из-под камней. Пахло совсем не так, как снаружи, а свежо и одуряюще, как в первые минуты грозы после долгой жары, с примесью незнакомых ароматов.

Я не спешил. Куда мне теперь спешить? Можно было годами сидеть на мокром, покрытом мхом валуне, улыбаться Амуру и слушать дождь. Дождь в кронах вязов, дождь на воде, дождь, плюхающий по ряске, дождь, стекающий с ветки струйкой на блестящую статую. Почему-то вспомнился далёкий северный город, мокрый снег, вода, хлещущая с крыш, и холёная красotka в пляжном костюме, недовольно глядящая с рекламного щита под ледяным мартовским ливнем. Печаль пронзила сердце, а потом стало спокойно и даже легко.

Я будто снова стал ребёнком, а мир вокруг – удивительным, прекрасным и загадочным. Забыв обо всём, я зачаровано бродил среди громадных стволов. Длинная извилистая ясеневая аллея пробиралась среди изумрудных лужаек и холмов, открывая всё новые и новые пейзажи. Каждый шаг будил во мне воспоминания, поразительно яркие и отчётливые. Каждое дупло и гнездо, каждая лужа были пронзительно знакомы. Как, как я мог забыть об этом?!

Переживания захлестнули меня. Помню, обняв старую, всю в лишайнике берёзу, я горько и отчаянно рыдал. Почему, почему у меня отняли этот мир шелковистой травы, жуков и колокольчиков, где каждый лопух рос на своём, одному ему предназначенном месте, а каждый муравей был не каждым, а конкретно этим муравьём, и можно было не обращать внимания на мир, потому что он всегда был со мной, тёплый и ласковый, Мой мир. А теперь река снова была моей рекой – поросшей травяными джунглями Амазонкой, и трава – лучшей в мире травой, и каждая палка – особенной палкой, готовой к бесчисленным трансформациям. Задыхаясь от восторга, я носился без дороги по зелёным лугам, обрушивая на себя фонтаны росы, и в каждой рощице жила тайна.

Давно уже выбравшееся из-под облаков солнце ослепительно блеснуло последний раз и, озарив всё красноватым тревожным светом, стремительно скрылось за деревьями. Подул прохладный ветерок. По телу пробежала дрожь. Где я?

Тёмные деревья нависли надо мной, внимательно изучая. Или это не деревья? Что со мной происходит? Кто я? Зачем я здесь? Меня била дрожь. Почему Он смотрит на меня? Какое ему до меня дело? Почти крича от ужаса, я бросился бежать по аллеям. Выпусти! Выпусти! Деревья сомкнулись чёрной стеной. Это был какой-то космический ужас. Ужас перед разверзшимся ночным мирозданием. Перелетая через ограду, я упал, ушибся, и некоторое время лежал, задыхаясь от ужаса. Хорошо, что улицы были пусты, и никто не заметил, в каком виде я вернулся домой.

* * *

События того дня глубоко потрясли меня. Прежняя апатия исчезла. То, что недавно казалось катастрофой, отошло на второй план. Несколько дней я пребывал в лихорадочном возбуждении. Вся моя жизнь выстроилась перед мысленным взором, и ночами я принимал её бесконечный парад. То, что случилось со мной, было почти непостижимо.

Спустя неделю, раздираемый противоречивыми чувствами, я снова стоял у ворот парка. Всю неделю меня тянуло сюда как магнитом, но здравый смысл отчаянно сопротивлялся. Очень долго, чувствуя себя последним дураком, я стоял, спрятавшись за ветвями, у самой ограды, не решаясь перебраться. День был солнечный, и временами мимо проходили люди. Но меня останавливало не это и даже не боязнь оказаться смешным. Я боялся, снова оказавшись за оградой, обнаружить обычный, скучный запущенный парк. Я слишком хорошо осознавал, что то, что я пережил, случается лишь однажды. Я не раз давал себе зарок никогда не возвращаться туда, где был счастлив или пережил потрясение красотой, – каждый раз меня поджидало там разочарование. Наконец, внезапная решимость покончить с этой историей заставила меня перелететь через ограду.

Плотная зелень сомкнулась за мной. На дне, глубоко под изумрудными колышущимися волнами, царил полумрак. Солнечные пятна и столбы света играли среди волнующихся теней. Нет, парк не был скучным. Пели птицы, бегали белки, картина змеящейся между холмами реки и наполненных до краёв прозрачных прудов была по-прежнему чарующа. На этот раз я решил не поддаваться настроению и, внимательно изучив парк, понять, что в прошлый раз вызвало в моём сознании столь резкие перемены. И всё же он снова поймал меня.

Это случилось, видимо, когда я присел на поваленный ствол у небольшого пригорка.

Глубокая и узкая перспектива прорезала пласт многоцветной волнующейся зелени, а бегущие облака вносили непередаваемую игру света и тени. В какой-то момент я понял, что сижу здесь уже много, не знаю сколько, часов. Заходящее солнце придавало пейзажу удивительную яркость и рельефность. Я жадно вдыхал плотный золотой воздух, как какую-то благоухающую энергию, и она бурлила и прыгала внутри меня. Не хотелось ни думать, ни уходить, а только смотреть и дышать. Однако бьющая через край сила подбросила меня, как

мячик, и понесла в припрыжку – это был почти полёт. У реки, скинув одежду, я погрузился в сине-зелёный дрожащий сумрак. Стремительно и легко пронзал я струящуюся прохладу под низко склонёнными ветвями. Звонкий голос звал меня, и я знал, кто это. Овеваемый тёплым ветром, я поклялся перед луной и звёздами в том, что счастлив.

* * *

С тех пор я часто бывал в парке. Каждый раз я словно возвращался домой. Я знал, что он ждёт меня, возможно, как ждёт музыкант свой совершенный инструмент. Я бродил по парку долгими часами, забредая всё глубже и поражаясь искусству его неведомого создателя. Казалось, здесь нет ничего случайного, и каждая точка была выбрана гениальным живописцем для обозрения его совершенного пейзажа. Но сделав шаг, я открывал новый ракурс, не менее совершенный. Казалось невероятным, что за всем этим никто не ухаживает, что всё здесь живёт и меняется. Неизвестный чародей как будто на века вперёд просчитал, как изогнётся та или иная ветка ещё не выросшего дерева, наметил, где расцвести каждому цветку. Ни одно произведение искусства не оказывало на меня такого мощного эмоционального воздействия, как какой-нибудь здешний куст бузины на берегу ручья. Пейзажи будто вплетались друг в друга, и каждый элемент был центром сразу многих переплетающихся систем.

Стремление разгадать тайну парка превратилось в своего рода манию.

Я быстро убедился, что расположение видовых точек не случайно. Парк оживал и в движении. Разыскивая старые, заросшие травой тропы и медленно бродя по ним, я вслушивался в звучащую во мне симфонию чувств. Иногда я думал, что начинаю понимать, чего хочет от меня парк, и исправлял какую-нибудь деталь, становясь добровольным садовником; в другой раз это казалось мне кощунством. Я давал имена холмам и прудам и тут же их забывал. Бродя среди невероятных, невообразимо громадных деревьев, я начинал думать, что парк никем не создан, а существовал извечно, что неведомый владелец в незапамятные времена отгородил участок вечного леса, спасая от руки варвара и фанатика прекраснейший из храмов. Потом мной овладела мысль о тайнописи, о невероятном божественном тексте, где каждое дерево – живая буква величайшего из священных писаний. Я пытался составить план, но мне это не удалось. Я никак не мог ни соблюсти масштаб и найти точку отсчёта, ни постичь алгоритм этих немыслимых, перетекающих друг в друга пейзажей. Казалось, я слегка приблизился к цели, открыв сложную водную систему парка, её каналы и протоки, надземные и подземные. Много дней я провёл, зачарованно пробираясь то по поясу, то по груди в воде – исследуя парк с нового, необычного ракурса, приоткрывающего грани и границы других. Я начинал маниакально верить, что где-то есть точка, найдя которую, я увижу весь парк целиком, разом постигнув изначальный замысел его творца.

Я сильно похудел, и моя хозяйка поинтересовалась, не вызвать ли врача. На меня стали смотреть ласково, как на помешанного, я боялся, что за мной начнут следить. В действительности же, я чувствовал, что излечился, наконец, от долгой болезни – никогда я не проводил жизнь более ясно и осознанно.

* * *

Осенью я узнал, что должен покинуть страну: мне было отказано в продлении визы. Последний раз я решил навестить парк. Все, казалось, знали, куда я иду, но никто мне не препятствовал.

Воздух был прохладен и удивительно прозрачен. Всё наполнено сухим шорохом. Парк как бы чуть отстранён и погружён в себя. Жёлтый, пурпурный, зелёный, чёрный, голубой

не пестрели, а сливались в холодноватую, несколько отрешённую гамму. Глубокая печаль пронзила моё сердце. Какой благородно—изысканный траур!

Все границы как будто раздвинулись, раскрылись к прозрачно-голубым горизонтам. Наверное, это действительно конец. И воздух, сухой и прохладный, с привкусом дыма. Спокойно и благородно. Без тени упрёка.

Пройтись по шуршащим дорожкам, подержаться за шершавые ветки, уйти не оглядываясь.

Когда я закричал, небо, казалось, вздрогнуло. Настолько странен и неуместен здесь был этот крик. Я опустился на колени, вцепился в землю, сгребая зелёные жёлуди. Я был абсолютно спокоен. Вся страсть, вся любовь, вся печаль сжались в отточенный тонкий клинок моей молитвы. Без тени сожаления, без тени упрёка я отдал всё без остатка, не оставляя ничего, что бы я мог назвать собой.

Потом я встал, повернулся и, не оглядываясь, зашагал к мосту. Это был последний мост перед воротами парка. Зелень ив над чёрной водой была пронзительна на фоне лимонно-жёлтой листвы. Весь мир сошёлся в одну точку и повис вечно длящимся мгновением тишины. Крик пролетающих гусей потряс меня. Удары моего сердца слились с чьим-то другим пульсом, мощным и глубоким.

Я шёл и шёл, а парк всё не кончался. Мне стали попадаться дома, машины и люди. Я понял, что заблудился и больше никогда не покину пределов парка.

Битва с дьяволом на мосту Янгуань

Вечер душен, и небо – как недозревший лимон. Алые цветы, разросшиеся по сторонам от беседки, будто готовы задушить путника в своих объятиях. Их приторный аромат тревожит лошадей, и те фыркают, встряхивают головами. В беседке над рекой два воина пьют подогретое вино. Ночь наступает стремительно. С каждой чаркой меняется цвет вечера, с каждой зажигается новая звезда.

Первый воин стар и смиренен. Его глаза отражают свет, как глаза кошки. Когда он разливает вино, ноздри его раздуваются. Говорят, что он уйгур и поклоняется странным богам. Его имя Гу Жимао, и он видел на своём веку столько войн, что стал их путать.

Второй – чужеземец с густой бородой. Он похож на тучу, скрывающую молнии. Его взгляд – как удар кинжалом. Он одет не по-здешнему, и имя его неизвестно. Его называют Ляо – железный.

Воины говорят на языке тюрок, но их метафоры чужды этому простому наречию.

– Ха! Трижды девять ночей мы мчались на закат, – говорит уйгур, – и луна бросала на нас свой предательский свет. Каждую ночь мы стреляли в неё и откалывали по кусочку, пока она совсем не исчезла, но потом опять родилась вновь. Трижды девять ночей мы гнались за ней, пока не достигли лунного города. Он был большой и круглый, построен из дерева и пах смолой. Он хорошо горел, этот город, ярко. Мы захватили там много серебра и лунных дев. В той стране деревья имеют белую кору, и текут белые воды. И женщины белы и полнотелы. У них белая кожа и белые одежды, и белые волосы. Когда мы обнимали их, они вскрикивали, как раненные лебеди. Три дня мы пировали на холмах. Но с тех пор луна не любит меня. Смотри. Видишь, на её лице до сих пор остались синяки. Она выслеживает меня, где бы я не был. И в такие ночи, как эта, я обычно избегаю дел.

Луна, огромная как юрта, показалась из-за деревьев, и крики цикад заглушили его последние слова.

– Она любит тебя, – усмехнувшись, сказал бородач, – женщинам нравится, когда их бьют.

Воины помолчали.

– 20 лет безумие подстерегало меня, – сказал, наконец, Ляо, – но я знал, где оно прячется, и всегда уходил, завидев его свет цвета дымного пламени. Но настал день, когда я сказал себе: недостойно воина столько лет уклоняться от битвы, и вышел навстречу.

– Ты безумен, – ответил старик, – ты должен был напасть на него из засады и убить одним ударом. Когда-то я упустил его, и теперь мне приходится убивать каждого, на ком я вижу отблеск моего безумия.

– Я вышел ему навстречу, – продолжал Ляо, – и оно схватило меня. Его руки были как тела питонов, как тёмный дремучий лес без конца было оно. Его сердце было сердцем трясины.

– Безумен тот, кто видел сердце безумия, – воскликнул старик.

– Я узнал его. В великих северных лесах я повстречался с ним, и с тех пор оно охотилось за мной. Два года, схожих с вечностью, длилась схватка, и я одолел. Я связал его кожаными ремнями и заточил в седельную сумку. Оно стало моим рабом. Теперь оно всегда со мной, но только в битве я даю ему волю.

– Безумие – лукавый раб, – заметил старик. – В решающей схватке оно подведёт тебя.

– Я знаю, – усмехнулся чужестранец, – и сегодня оно останется в суме.

– Потерянное подобно обрётённому, – сказал старик, – ибо, потеряв, обретаешь свободу.

– Победа подобна поражению, – ответил Ляо, – ибо побеждённый становится твоим господином.

И певичка, подслушивающая за ширмой, не поняла ни слова.

Певичку звали Лань – орхидея. Ей было 16 лет. Гу купил её четыре дня назад. Она была похожа на серну. Когда ей было 7 лет, воины привезли её с запада, и она знала язык тюрков.

Тишина говорила языком цикад, воины погрузились в раздумье. Старик-уйгур вспоминал свои битвы и никак не мог вспомнить ту единственную, когда победа осталась за вечно-стью. Чужеземец молчал и слушал тишину, но слышал крики чаек над западными морями. Его безумие покорно стояло в двух шагах от него, но вдруг встревожилось, услышав шорох. Рука Ляо скользнула к мечу.

– Лань, выйди к нам, – негромко позвал старик по-китайски. И девушка выскользнула из-за ширмы, трепеща от страха. Увидев её тонкую дрожащую фигурку, уйгур засмеялся от удовольствия: «Не бойся, Лань, мы не людоеды. Спой нам. Или, может быть, ты знаешь стихи старинных поэтов? Вспомни что-нибудь».

Застыдившись своего страха, Лань подняла голову и прочитала:

Что на юг, что на север – всюду в горах
под лиственным сводом – тьма;
свирепые тигры средь бела дня
бродят вокруг села.
К вечеру жертву свою они
пожирают у всех на глазах;
что юг, что север – в горах везде
олени боятся дышать.
В долине голой из года в год
всё больше и больше тигрят;
тигр с тигрицей выходят врозь,
будто не муж и жена.
В долине, вблизи от логова их, —
село на склоне холма;
свирепые тигры из года в год
крадут у крестьян телят.
Даже улинские молодцы
не смеют в тигров стрелять;
напрасно в рошу входят они
и на следы глядят.

– Ха-ха-ха, ха-ха-ха! – залился смехом уйгур, – так вот что ты о нас думаешь, дерзкая девчонка! Ну, прочитай что-нибудь ещё!

– Она сравнивает нас с двумя голодными тиграми, – перевёл он чужеземцу. Тот хмуро усмехнулся и впервые бросил на Лань взгляд. Словно обожжённая им, она закрылась рукавом.

– Читай, – приказал уйгур. И Лань прочитала:

На тысячи ли не встретится ни души,
на тысячи ли один только лунный свет.
Ушедшим в Цинхай есть ли пути назад?
Ветер осенний шумит за моим окном.

В палатах пустых печалюсь ночь напролёт;
За узорной решёткой уж год как живёт тоска.
Одиноко горит звезда над мостом Янгуань,
И, шурша, облетают листья в ночном саду

Гу Жимао посерьёзnel.

– Это знак, – сказал он на языке тюрков, – мост, где произойдёт встреча, называется Янгуань. Устами этой певички Владелец Зеркала ответил на наш вызов.

Повернувшись к Лань, он дал ей слиток серебра. И, засмеявшись, добавил: «Я понял, что ты скучаешь одна. Выбирай, с кем из нас этой ночью ты разделишь ложе?» Лицо девушки залилось краской стыда.

– Нет, – сказал чужеземец, – звёзды уже блёкнут. Я не хочу, чтобы Тот застал меня в объятиях певички.

– Ха-ха-ха! – снова залился смехом уйгур. – Я вижу, ты не сомневаешься, что она выбрала тебя. Иди, Лань, иди.

По лицу чужеземца скользнула тень улыбки: «Пусть она останется. Пусть сыграет нам и споёт. Я люблю печальные песни».

Заржала лошадь. И когда примолкли цикады, стало слышно, как в листьях бамбука рождается предрассветный ветер.

* * *

Он пришёл, как предрассветный ветер, – тот, кого назвали Владельцем Зеркала. Он пришёл с шорохом бамбука, и сиреневый свет залил восток. Он пришёл, и не было существа, которое бы не ощутило его приход. Всё заволновалось, затомилось, ошущая, как в душе рождаются новые неведомые желания. Он шёл и улыбался, радужный и элегантный, и вокруг кружились стаи бабочек и вспыхивали огромные светляки. И кричали, обезумев от страсти, обезьяны, и ревели буйволы, и ржали и бились на привязи лошади. Тысячи рук тянулись к нему, и, милостиво улыбаясь, он разбрасывал щедрые дары. Бесценные, ибо ничего не стоили, прекрасные, как огненные цветы, они рождали ослепительные надежды и бросали в расселину отчаяния. Смеясь, Он поил своих рабов сладкой водой, возбуждающей жажду, смеясь, раздавал царства и ломал миры, как надоевшие игрушки. Он любил непокорных и забавлялся с бросившими ему вызов. Он называл себя Властелином зеркал, но был не властен над Единственным.

Ночь билась в агонии, словно изнемогая от страсти.

* * *

Старик-уйгур усмехнулся.

Память давила его. Перед его взором проносились города, десятки городов и тысячи лиц. Проплывали бесконечные куманские степи и зелёные оазисы Зарафшана, ледяные реки-дороги Руси и каменные твердыни мадьяр, гибельные пустыни Синда, где людей косили неведомые болезни, и ненасытные джунгли Юньнани. Огонь, огонь... кричащие женщины... Лица товарищей. Где они теперь – покорители мира, прошедшие сквозь ад? Кто погиб от руки палача, иной сложил свою голову в кровавых раздорах, кого скосили болезни и раны.

Куда исчез тот стержень, без которого империя стала грудой обломков?

Где тот, чья воля бросала им под ноги царства, где этот безумец, созидаящий обречённое на гибель? Не довольно ли?

Тот, кто принял вызов, стоял на другой стороне моста. Старик поднял свой верный лук. Он знал, что не промахнётся.

Приглядевшись, он узнал своего командира – великого воителя с седыми космами и взглядом разъярённой пантеры. Стремительного и беспощадного, как орёл, кинувшийся на добычу. По одному его слову люди совершали невозможное.

Старик-уйгур усмехнулся и достал стрелу. Это была непростая стрела. Могучие волшебники в горных пещерах изготовили её. Из семи металлов скован её наконечник, семь страшных заклятий поведут её к цели.

Лик противника на мгновение потемнел. Теперь перед ним стоял сам император, к ногам которого они бросили мир. Он отчётливо видел его роскошные доспехи, молодое надменное лицо, нетерпеливый жест рукой.

Старик-уйгур усмехнулся, и стрела, дрожа от жажды полёта, слилась с луком. Он взглянул ещё раз.

Напротив него стоял сам божественный властелин, чьё знамя и несокрушимый дух вели их к победе. Он выглядел старым и усталым, на его руке сидел белый сокол.

Старик-уйгур усмехнулся и натянул тетиву. Теперь он сам был одним целым с луком и стрелой, он сам был готов лететь к цели. А потом исчезло всё и осталась одна цель. Он знал, что не промахнётся.

Круглая прекрасная серебряная мишень. Он засмеялся, он был счастлив, он летел к цели. Громадной, закрывшей половину неба. Последнее, что он слышал, – это серебристый звонкий смех, и навстречу ему открылись долгожданные серебряные объятья.

* * *

Чужеземец равнодушно смотрел, как исчезает река, и мост сворачивается в тёмный тоннель пещеры.

«Чужеземец» – так они его называют. Когда-то он берёг своё имя, храня его позади сердца, чтобы, когда настанет час, оно засияло, как алмаз. Но разве это цель?

Разве могла она провести его через огненную долину трансмутации? Там, где сдался даже разум, и битву вело лишь его безумие? Подобна аду была та долина, пульсирующая от приливов магмы. Вихри смертей проносились над бушующими кровавыми океанами. С него сдирали кожу литовские жрецы, его распинали вместе с Христом, сжигали на кострах инквизиции. Четверо в чёрном положили ему на грудь раскалённую свинцовую плиту и возгласили: «Восстань!» Они восклицали: «Смерти нет!» – и бросали его в пылающие печи. И он умирал и снова рождался, и снова, и снова. На пиру жизни он вкусил плоти своего отца и соединился с матерью.

– Дайте мне тело! – вопиял он, вырываясь столбом огня из жерла вулкана.

«Скуйте ему тело!» – приказала Мать. И жидкая сталь слилась в нерушимые формы. И он узрел Свет. И свет сгустился и стал плотным, как стальной столб. Он стал его волей, нерушимой, как адамант. Что в мире могло устоять перед ней?

И он, безвестный монах, стал властелином – просто так для забавы. Он стал кардиналом и ставил пап, и сбрасывал их движением руки как шахматные фигуры. В десять лет он приобрёл для церкви то, чего она добивалась веками. Империя, свернувшись у подножия Святого престола, лизала ему ноги, по мановению руки короли срывались с тронов и отправлялись за море, пламя пожрало еретиков и проклятый Богом змеинный род Штауфенов. Но разве это цель?

И он снова исчез и, став пылинкой, отправился на Восток туда, где великий монгольский дракон пожирал царства, как цыплят.

Чужеземец шёл всё дальше по тёмному проходу, пока не увидел, как впереди вспыхнул огонёк. Там ждал его Владелец Зеркала, Тот, кто принял вызов.

Отшельник зажёт свечу. В неярком дрожащем свете проступила застывшая у стены фигура. Длинный плащ скрадывал контур. Но вот фигура пошевелилась, и на стене заплескала тень. Пришелец был человеком. Отшельник тяжело вздохнул: «Вы, должно быть, устали с дороги, и я бы предложил Вам сесть, если бы здесь было сиденье».

– Не рассчитывайте на мою усталость мессир, я готов.

Теперь можно было различить лицо говорящего. Жёсткое и отрешённое лицо уже немолодого человека, уверенного в своей силе.

– Вы прошли долгий путь, прежде чем добрались досюда.

Чужеземец засмеялся.

– Мой путь занял бессчётные годы. Я умею ценить препятствия, и я благодарен Вам, мессир, за то, что Вы поставили их на моём пути.

Он помнил их все, каждый рубец, пока, подсохнув, они не покрыли всё тело несокрушимым панцирем.

– Ваш путь, без сомненья, был нелёгок, – учтиво заметил отшельник, чья размытая бесформенная фигура, едва проступая из мрака, колебалась вместе с пламенем свечи, – но не вполне понимаю, что могло Вас заставить пуститься в него, и если, как я понял, Вы достигли своей цели, боюсь, я не сумею уберечь Вас от разочарования.

Гость усмехнулся, казалось, слова отшельника позабавили его. Уклончивость, вежливость, ложь – не это ожидал он встретить у последнего порога. Ну что ж, пусть все слова будут сказаны.

– Мне нужно Зеркало, мессир, я заберу его у Вас.

Зеркало! Могущественнейшие из магов и посвящённые из посвящённых лишь слышали о нём. Он прибыл на Восток, чтобы занять трон каана, но разве это цель? Власть над землёй, бессмертие ничто перед той мощью, которое даёт Зеркало. Не оно ли сделало этого старика тем, чьё имя бояться произносить?

Он не ослышался? Отшельник смеялся.

– Ну что ж, я не решусь Вам препятствовать. Оно за этой дверью. Но не советую Вам заглядывать в него. Признаюсь, я и сам этого никогда не делал.

Отшельник исчез. Его пустая хламида осела на пол бессильными складками. На миг пришелец смутился. Но лишь на миг. Он привык идти до конца. И Ляо толкнул дверь.

Отшельник не обманул. Зеркало, круглое и серебристо-зеленоватое, слабо мерцало в лазурной оправе. Подойти не глядя, завернуть в плащ. Но поздно! Он уже вглядывался в зеленоватую глубину. И она ожила. Он услышал серебристый смех и увидел собственное лицо. Оно сияло неземным светом, и вокруг него кружили миры. Ляо охватил восторг и упоение. Но что это? Лицо раздвоилось, растроилось. Это были разные лица, но это был он!

Человек закричал, и страшен был его крик. Он видел всё! Он видел пылающие звёзды и плывущие миры, горы и леса. Китов в океане и червей в земле, рай и ад, людей и духов, прошлое и будущее – и это был он! Каждое лицо было его лицом!!! Каждый ангел и каждая крыса, каждый праведник и каждый грешник – это был он!! Он рождался триллионами рождений и умирал триллионами смертей, и не было муки или блаженства, которые бы не были его.

Его воля, его Я, откованное из стали, где было оно? Вздох – и оно распылится по мирам адами миров. Оно сжалось, предчувствуя близость конца, и вопль его потряс вселенную.

Странное, почти страшное спокойствие нарастало в нём. Миры наполнились прозрачным светом и становились всё прозрачней, всё призрачней... Но там, где замолкает разум,

на помощь приходит безумие. Недаром он годами взращивал свою волю, страшным усилием она вновь собралась в одну точку. Уничтожь, уничтожь Зеркало! В руке его сверкнул кинжал. Всю силу, которая была в нём, он вложил в этот удар.

Последнее, что он видел в этой жизни, был лунный свет.

* * *

Лань вдруг поняла, что она одна. С реки подул прохладный ветерок, и ей стало зябко. Ночь кричала предрассветными голосами, шуршала бамбуком.

– Господин Гу, – позвала она испугано, – господин Гу!

Ей показалось, что в ответ кто-то окликнул её по имени. Сама не заметив – как, она очутилась у моста. Тот, кто звал её, стоял на другой стороне, но это был не господин. Кто-то лёгкий и струистый стоял там и звал её: «Лань! Иди ко мне. Иди, Лань». Словно голос из сновидений. В груди у неё появилась странная пустота, ей хотелось летать и плакать.

– И ты хочешь бросить мне вызов? – смеялось на той стороне, – Не противься мне, Лань. Все женщины подвластны моему зову. Сегодня я весел.

Лань безвольно, как кукла, дошла до середины моста и снова остановилась. Мир вливался в неё густыми тёплыми потоками. Она чувствовала, что река течёт прямо через неё и омывает её раскалённое сердце своей прохладой.

– Не ходи дальше, Лань, – шептала река, – он обманщик.

– Не ходи, не ходи, – звенели звёзды.

– Эта ночь – ночь богов, – говорил голос, – ночь, когда каждый может стать богом.

Погляди, погляди, что я покажу тебе.

– Посмотри, не бойся, – сказала река.

– Посмотри, посмотри, – прошептали звёзды.

Незнакомец распахнул плащ. Чудное, дивное зеркало засветилось там. Круглое и серебристое. Оно мягко светило, и всё, что было, есть и будет, отражалось в нём.

«Но это же луна! Это просто луна спустилась к самому горизонту», – вдруг поняла Лань.

– Посмотри, посмотри внимательно, – зазвенел серебристый смех, – посмотри, ничего больше нет!

Серебряные лучи окутали мир, и он поблек, и выцвел, и исчез. В серебряном свете на мосту, задрав бороду к небу, лежал мёртвый чужеземец, и в горле у него торчал кинжал. Мгновение – и он тоже исчез.

– Погляди в зеркало ещё раз, и ты станешь мудрейшей из смертных, – прозвучал совсем незнакомый голос, – и Тот больше не будет властен над тобой.

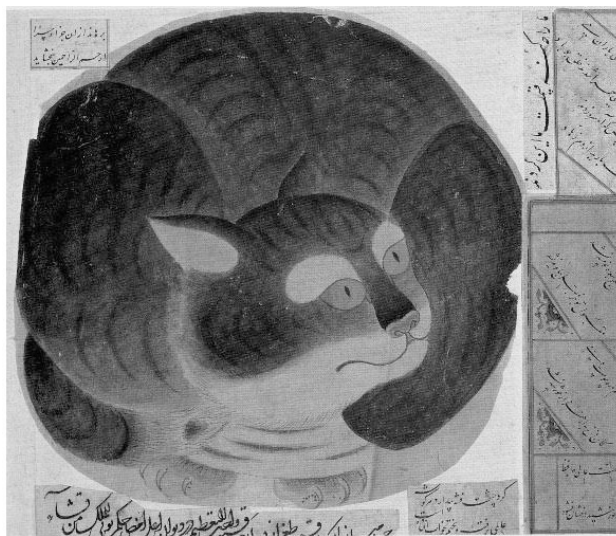
Но Лань не слышала его или не поняла. Блеснув, луна закатилась за дальний холм. А Лань, узнавшая убитого, стояла, держась за перила, и безудержно рыдала.

Небо посветлело, и над мостом Янгуань одиноко горела Утренняя звезда.

Миниатюры

Сказочки для Марка²

Реалисты

– Ненавижу фантазии! – произнёс, поморщившись, доктор Носенко.

Вечерело. Воздушный шарик, зацепившись за ветку сирени, покачивался под лёгкими дуновениями ветерка.

– Я, видите ли, реалист, – продолжал доктор, – и не могу понять людей, погружённых в собственные иллюзии. За болтовнёй они утрачивают всякую связь с реальностью! Перестают понимать элементарные вещи! А надо просто делать дело, просто работать!

– Как я с Вами согласен! – воскликнул учитель Жамсран Бодоев. – И корень всех этих зол – невежество.

– Да, сразу видно учителя, – Носенко снисходительно усмехнулся. – Но фокус-то в том, что у простого работяги часто больше здравого смысла, чем у интеллигента с фанатериями. И главное, нет этой привычки постоянно болтать!

– Да-да! Как это точно! – горячо согласился Бодоев. – Болтовня ужасна! Ни секунды тишины! Людям просто некогда увидеть реальность, осознать собственную пустоту...

– Вот-вот, именно пустоту! Лучше не скажешь. Абсолютнейшую пустоту! – доктор даже привстал со скамейки. Совершенно бессмысленная жизнь и полная безответственность!

– И несознательность, – добавил Бодоев.

– И несознательность. Они совершенно не осознают, что творят, и легковесны, как этот шарик. Даже не знаю, что с ними делать. Возьмём хотя бы моего племянника...

– Как верно Вы уподобили сознание шарiku! – перебил его учитель. – Шарик раздувается от важности, не понимая, что внутри та же пустота, что и снаружи!

– Ха-ха-ха! Да уж, припечатали, так припечатали! – доктор взглянул на часы. – Приятно было побеседовать с разумным человеком.

– Пойдите секунду! Вот что надо делать! – учитель вскочил и ударил по шарiku, как по мячу. Тот закачался, сорвался с ветки и вдруг начал расти, раздуваясь в воздушный шар.

² Написаны в 2007 г. специально для зачитывания поэту Марку Ляндю, при посещениях его дачи в посёлке Егорово.

Раздался негромкий хлопок, и явившийся из пустоты золотой феникс, взмахнув крыльями, полыхнул в бесконечность.

На траве дрожала золотая пыльца.

Покупка

«Мне нужна любовь и много денег. Ещё здоровье, долголетие, власть. И ещё я хочу убивать взглядом», – человек говорил быстро и уверенно, но в глазах его затаилось сомнение, не переборщил ли.

Скупщик поднял на него печальные восточные глаза и на всякий случай уточнил: «Всех подряд?»

Он был старый, потрёпанный и вообще мало походил на дьявола, разве что смуглой кожей, глубокой складкой у рта и характерным носом с горбинкой.

– Нет, – усмехнулся человек, – кого захочу.

Скупщик устало кивнул: «Расписывайтесь».

– И всё? – спросил человек с сомнением, поставив кровавую загогулину.

– Всё.

– И всё будет?

– Да, – дьявол определённо попался неразговорчивый.

– А потом в ад?

Скупщик молча пожал плечами и поглядел на часы, старинные массивные часы на золотой цепочке.

– А всё-таки, зачем Вам наши души? – в голосе человека послышалось отчаяние, смешанное с недоумением.

– Для коллекции, – пробурчал скупщик, растворяясь в накинутах на спинку кресла плёде.

Мгновение спустя, тяжело опираясь на палку, он брёл по кривой улочке древнего, как вечность, городка под изумрудным небом. Со счастливой улыбкой он нёс за пазухой что-то переливчато-голубое, от которого вверх, в поднебесье уходил то ли тонкий луч света, то ли золотая нить.

Когда он увидел бегущую навстречу женщину в зелёном платье, улыбка выплеснулась наружу и осветила его от шляпы до носков старомодных ботинок.

– Вот, – сказал он, – это тебе. Теперь ты сможешь выбраться отсюда, теперь у тебя есть душа!

Откуда на земле появились мыши

Вирароаорамарика был сильно рассержен, – дождь лил без указа.

Он шёл три дня и три ночи и затопил всю землю до самых ступенек божественного дворца.

Вирароаорамарика выходил на веранду и ругался с Солнцем, но и оно не хотело его слушать.

Божественная супруга Оранга-натёа полоскала одежду, не сходя с крыльца. Рыбы шныряли между сваями и, проплывая под дворцом, становились золотыми. Лесные духи, спасаясь от воды, сидели на гребне крыши, нахохлившись, как попугаи.

Наконец, вода поднялась до самого порога, и дождь прекратился.

«Наверно, я уже не бог», – подумал Вирароаорамарика и превратился в большого крокодила.

«Наверно, я уже не солнце», – подумало Солнце, плюхнулось в воду и превратилось в большую жабу. Всё окутало паром, и стало ничего не видно.

«Наверно, ничего больше нет», – подумала Оранга-натеа. – «Не буду стирать одежду!» – и побросала всё в воду.

Одежда поплыла по волнам и превратилась в новую землю. Люди, которые плавали на лодках, увидели её, обрадовались и стали на ней жить.

Но солнца ещё долго не было, и было очень холодно. Поэтому сидевшие на одежде блохи обросли шерстью и попрятались в норы.

Так на земле появились мыши.

Летний полдень

Большая пушистая кошка неспешно прошлась по исчерченному тенями дощатому полу. Пятна солнца вздрагивали от дыхания лёгкого сквозняка.

Кошка собралась с мыслями, похожими на стрекотание кузнечиков в волнующейся траве. Повела головой вправо, повела хвостом, ловя волны невидимых вибраций, и, разумеется, нашла то, что искала.

Устроившись на трещине реальности, она заурчала, наслаждаясь потоками разнонаправленного времени. Хвост кошки старел, в то время как сама она молодела.

Миллионы вселенных парили в солнечном столбе – луче изливаемой на них благодати («Когда Будда учил о пылинках, в действительности, он учил о не-пылинках»).

Кошка ещё нежится на полу, а уже минули миллионы столетий. Она подобна богам, вкусивших вечности и не заметивших её. П-ф-ф! – и одуванчик превратился в белые парашютики, которым ещё предстоит стать причиной будущих одуванчиков.

В комнату входит девочка, но это уже не та девочка. Та умерла миллионы поколений назад. Но кошка делает вид, что не замечает подмены, – действительно, они очень схожи.

Она мурлычет, и девочка берёт её на руки. Что случится, когда они покинут комнату? Скорее всего, ничего. И мистики миров-пылинок будут по-прежнему прозревать образ бессмертной богини, стоящей с кошкой на руках.

Когда Бога ещё не было

Когда Бога ещё не было, деревья росли вверх корнями и на корнях распускались листья. Ночью было светло, а днём темно. Солнце вставало на западе, и все думали, что это восток. Птицы разговаривали по-человечьи, а люди по-птичьи. У людей были перья и крылья, а у птиц – руки. Птицы ходили по земле, сажали ямс и жили в хижинах.

Всем было очень весело.

Но потом появился Бог, и всё стало не так, как раньше. Поэтому мы очень боимся Бога. Но ещё больше мы боимся, что он куда-нибудь уйдёт, и мы забудем – как правильно, и опять всё будем делать не так.

Змий

За рекой, напротив деревни стоит древняя ветхая церковь, а в церкви живёт злой дух.

Церковь такая старая, что никто и не помнит, когда она использовалась по назначению. Стены её пропитались сыростью и скорбями, и только по ночам в ней порой загорается огонёк. В такие ночи туман над рекой клубится призраками, и не всякий отважится выйти из дому.

Злой дух похож на удава. Он живёт в алтаре и выползает только накануне больших праздников. Суеверные бабки оставляли ему сметаны, «чтоб чего не сделал», и он ловил на неё крыс.

У духа была скверная привычка являться во сне. Он предвещал перемены погоды, призыв, засухи, падёж скота и визиты начальства. Встреча же с духом наяву обещала изменения в семейном положении или тёплую осень.

О том, что он злой, догадывались скорее по приметам, чем из практики: на памяти поколения, он, собственно говоря, никому ничего плохого не сделал, да и вообще не особо мешал. Но духа, видимо, устраивало, что из-за такой репутации и его особо не беспокоили.

Только однажды, тёмной августовской ночью, той самой колдовской ночью с огоньками и призраками, один не очень местный и не сильно трезвый храбрец решил бросить ему вызов. Героя удерживали, но не особо: всем было интересно. Люди видели, как с иконой в руке и бутылкой самогона в кармане он вошёл в церковь и даже видели, как он вышел, но что он там увидел, не знает никто, поскольку в деревню он больше не вернулся. Ясно только, что духу визит пришёлся не по вкусу. В церкви всю ночь ухало и гремело так, что разбуженные вороны орали, как полоумные, а со стен сыпалась штукатурка.

Наутро радио заиграло по всем каналам «Лебединое озеро», и это было только начало того, что случилось потом...

Лет через десять мужики, почесав репу, посовещались и послали бабок в церковь с богатым угощением.

И теперь перед каждым праздником носим.

А что в переходе на Павелецкую стоит мужик в рясе с бородой и подаяние на восстановление церкви собирает, не верьте. Мы его туда не посылали и согласия своего не давали.

Комета

Долина, зелёная и мохнатая, удобно разлеглась у подножия гор. Далеко внизу курились дымки суетных деревень, вспыхивали слюдяными искорками пруды и арыки. Пилигрим высморкался и утёр пот. Больше он не оглядывался. С полмили по козьей тропе среди колючих кустов на еле слышный шум падающей воды. Потом, вжавшись в скалу, 40 шажков над головокружительным обрывом и снова вверх по расщелине, скользя по мокрой глине, к провалу сквозной пещеры. Грубо высеченные ступени возвестили о том, что он не сбился с пути. Случайно обнаружить святилище было почти невозможно, столь искусно оно было запрятано в складке горы, среди непроходимых зарослей.

Тяжело дыша, пилигрим втиснулся в темноту часовни.

В зеленоватом сумраке фигура святого едва угадывалась. Старец сидел на корточках в углу и вытаскивал репы из длинной седой бороды. За годы уединения он стал видеть в темноте, как кошка, но перестал различать людей.

— Отче, отче! — простонал пилигрим, припадая к земле. — Благослови, отче!

Отшельник пошевелился и как-то неопределённо взмахнул рукой, то ли благословляя, то ли прогоняя надоевшую собаку.

Ободрённый пилигрим продолжал:

— Последние дни настали, отче! Знамение явилось на небесах — змей двуххвостый. По лесам бабы ненашей видят. А в пруду днесь поймали карася с золотыми зубами. Спаси нас, отче! Дозволь мне остаться!

Не дождавшись ответа, он выполз задом и, нарвав травы, приготовил себе ложе. Потом принёс воды, нарубил дров и скромно развёл в сторонке небольшой костерок.

Быстро темнело. В вечеряющем небе стала ясно различима громадная, с блюдце, хвостатая звезда. С прошлой ночи она выросла чуть ли не вдвое, далеко затмив прочую звёзд-

ную мелкоту. Из-за соседней горы выплыла страшная багровая луна и застыла, удивлённо уставившись на неожиданную соперницу. Кричали филины.

С умиротворённым лицом человека, сделавшего в этой жизни всё необходимое, пилигрим спал сном праведника у догорающего огня.

Потревоженный дымом из часовни выполз, путаясь в бороде, голый старик и, понюхав воздух, на четвереньках подобрался к пилигриму. Старец явно не мог сосредоточиться, и от этого зрачки его жёлтых светящихся глаз всё время куда-то уплывали, норовя закатиться под веко. Попав рукой в костёр, он взвизгнул и отскочил в сторону, неловко шлёпнувшись на спину.

В этот момент он и заметил приближающуюся комету. Судя по всему, она ему не понравилась. Оскалившись, старик несколько раз махнул рукой, словно отгоняя муху. А потом, взяв в зубы сапог паломника, отполз в сторону и, пробурчав что-то нечленораздельное, швырнул его в лохматую звезду.

Ослепительно вспыхнув, роковое светило навсегда исчезло с ночного неба.

Вознесение

Окно распахнулось, и в комнату влетел ангел. Закачалась люстра, повеяло морозным воздухом.

Ангел устроился на шкафу и нахохлился. Петренко попытался согнать его шваброй, но тот только перелетал с места на место, упорно отказываясь убраться восвояси.

– Что за жизнь! – подумал Петренко, устало опускаясь в кресло. Ангел, напевая о чём-то своём, чистил перья.

– Ну и что теперь? – уныло спросил Петренко.

– А ничего! Рай тут теперь будет! – сурово ответил ангел.

– А мне куда?

– Да ладно, живи себе пока.

По полу поползли, разбегаясь, мыши и тараканы. Заблагоухало лавандой. Замурлыкал и засеребрился кот Пахом.

– Окно-то можно закрыть? Хотя какая теперь разница...

В квартире почему-то стало хорошо. Петренко помыкался, чувствуя себя не в своей тарелке, но потом с удивлением подумал, что ему вроде как и нравится.

Зашла соседка Маша, принялась подозрительно.

– Чтой-то у тебя, Семёныч? Никак бабу завёл? А что, квартера у тебя хорошая. Прямо как в раю живёшь!

– А то! – сказал Петренко ангельским голосом.

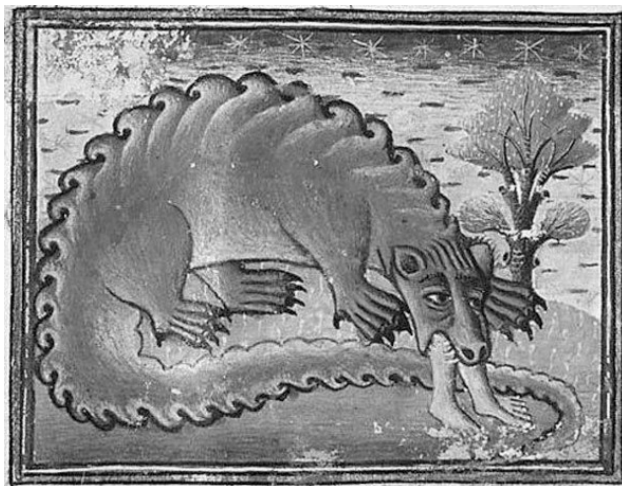
Маша вытаращилась, перекрестилась и засобиралась.

За окном запели соловьи.

– Ишь ты, – подумал Петренко, – птички божии! Хорошо! Выпить бы чего...

Пахом поднялся и лёгкой танцующей походкой направился к буфету, но передумал и, раскрыв белые крылья, закружил, закружил по комнате, поднимаясь всё выше и выше туда, где раньше был потолок, а теперь простиралась ввысь, насколько хватало глаз, радужная бесконечность.

Случайные встречи

*Дельфин – это рыба благородного происхождения, которая приобрела поросячий облик, чтобы скрываться среди волн от глаз людских.
Гервазий Тильсберийский*

Тётя и призраки

Ночью меня будит отчётливый стук копыт в прихожей. Он приближается, слышится всё яснее и громче, проносится галопом сквозь стену на кухню и постепенно удаляется.

На кухне начинают плакать разбуженные дети. Плачут надрывно и отчаянно, потом начинают просить есть. Их двое – Венечка и Танечка, и они, пожалуй, самые противные из всех. Они могут орать и хныкать часами.

На диване в гостиной ворочается и кряхтит покойная прабабушка – ей тоже не спится. Впрочем, разве в таком шуме заснёшь? На портретах задвигались предки, закачали напудренными головами. Откуда они берутся по ночам? Днём на тётиных стенах не висит никаких предков.

Тётя выходит из своей спальни с ночником – я боюсь пошевелиться, но это действительно тётя.

– Ишь, расшумелись! Видать, к непогоде. Да ты, смотри, не бойся, они у меня тихие (вот уж не сказал бы). Только чёрта не люблю!

Чёрт тут же недовольно загремел и закопошился в углу.

– Сиди, сиди, сатана! Тока высунься, попробуй, святой водой окачу!

Чёрта тётка выгнала с иконы, уж очень он там кривлялся и безобразил. Теперь нечистый сидит в углу и иногда, в знак протеста, стучит при гостях или распевает козлиным голосом арии.

Я фальшиво заверяю, что Танечка и Венечка меня не очень беспокоят, и тётя безо всякого ехидства желает мне спокойной ночи. Весь дом постукивает, поскрипывает, за окном шумит порывами ветер. Видно, правда, меняется погода.

Я притворяюсь, что сплю, и, перекрестив меня, тётя уходит. Я жду, лёжа с закрытыми глазами, пока пробежавший по спине холодок не говорит мне, что Она уже здесь.

Это единственный призрак, о котором тётя не знает. Чёрное изящное платье оттеняет бледность прекрасного лица, рыжие волосы, бездонные глаза – какая-то умопомрачительная

красота! Нет-нет, не даром из-за неё сходили с ума поэты и застрелился генерал-лейтенант Садовников. Какой она была красавицей, моя тётя, это видно даже по старым фотографиям. Она сидит передо мной молодая, устало опустив веки. И у меня замирает дыхание. Не знаю, может быть, этой ночью я решусь заговорить.

В окно светит луна. Скрипит прабабушка. В шкафу хрустально мерцает тяжёлый старинный флакон с надписью «Духи». Ах, напрасно, напрасно приняла его тётя в подарок, напрасно открыла. Но теперь, теперь уже ничего не исправишь.

Мана

Великий антрополог современности профессор Ян Казимеж Богуславский любил Туту, а Туту любила цивилизацию. Профессора же Богуславского она просто боготворила.

Брачное ложе Туту украсила проблесковым маячком и светоотражателями.

– Туту ценит авангард», – говорил профессор. Ещё Туту ценила кич, примитив и поп-арт.

Учёным друзьям Богуславского Туту наставительно говорила:

– Кушать людей нехорошо!

– Неужели? – удивлялся кто-нибудь.

– Совсем глупый! – отвечала Туту, со слезами на глазах, – очень нехорошо!

– Она у меня сущий ребёнок! – умилялся профессор.

Вечерами профессор читал ей свою монографию, и Туту слушала, подперев голову руками.

– Мана, – шептала она сквозь слёзы. – Мана! – а потом клала к ногам антрополога цветы и возжигала курения.

– Туту – единственная, кто оценил новизну моего научного подхода, – говорил Богуславский.

Она старалась вытащить Яна Казимежа на все светские мероприятия, которые очень любила, а отправляясь на встречу с любовником, всегда брала кальсоны профессора.

Всё было замечательно, но только со временем Богуславский стал какой-то снулый и всё слабее реагировал на окружающих. Друзья удивлённо переглядывались, и, кажется, только Туту ничего не замечала, весело щебетала, как птичка, или что-нибудь шептала, прильнув алым ротиком к шейке профессора.

После того как Богуславский просидел молча несколько вечеров подряд, я подошёл к нему и осторожно поковырял. Это было чучело.

Просветление

– К-гхм, гм-гм, нда-нда... – доцент Подберёзко трясёт бородой, сморкается, гримасничает, шевелит волосатыми пальцами, пытаясь ухватить расплывающиеся смыслы, – когнитивные обструкции и непреднамеренные коагуляции, м-да, м-да.

Вернувшись домой, он пьёт стаканами коньяк, и глаза его постепенно зеленеют. Но день никак не отпускает его, фразы и формулы стучатся в виски, копошатся в извилинах, предлагаются с аукциона. Подберёзко отчаянно торгуется, то набивает, то сбивает цену, морщит лоб, шевелит мохнатыми ушами, перемалывает фразы, пока его не начинает мутить. Тогда слова всплывают кверху брюхом, обнажая свою банальную подкладку, и мир предстаёт во всей красе своей непроходимой пошлости. Доцент мечется по нему, ударяясь о зазубренные поверхности штампов, перекомбинирует, перекодирует, переворачивает, втискивает и мучается от подавленной гомосексуальности.

По ночам его преследуют чёрные пиявки. Это слова. Они присасываются к вещам, наливаясь свежей кровью, набухают, выворачиваются наизнанку, почкуются, размножаются, шныряют по углам, кривляются, уходят в контекст, выпадают в осадок, плющатся, колбасятся, расползаются по текстам. Подберёзко хрипит, ворочается, дико всхрипывает и безумно вращает глазами под опущенными веками, моля неведомое божество о просветлении.

И однажды судьба сжалилась над ним. Вместо снотворного он по ошибке выпил что-то совсем другое, подложенное невидимой, но милостивой рукой.

Проснулся он в странной, ужасно неудобной позе. В комнате царила невообразимая тишина. Слов не было! Были запахи, шорохи, солнечные лучи, но, встречаясь с головой Подберёзко, они не становились словами, и сам он больше не был своей головой. Голова просто плотно и неприметно сидела между покатыми плечами. Зато теперь у него были руки, прекрасные длинные, сильные руки, ноги и всё остальное. Доцент завизжал от восторга, подпрыгнул, пробежался на четвереньках – теперь это было совсем просто! – повис на люстре, уцепившись за неё сильным гибким хвостом, и, переполненный радостью бытия, возгласил победную песнь. И звук её лился ясно и мощно и был переполнен смыслом, тем самым смыслом, который всегда ускользал от Подберёзко за плотной завесой слов.

Чаща

Иногда мне снится лесная чаща. Она подобна пещере. Сомкнутая стена деревьев почти непроницаема. Просветы между стволами, словно чёрной ватой, законопачены сумраком. Ноги тонут в слежавшейся вековыми пластами палой листве и хвое. Находиться здесь преступно – это место не предназначено для людей. Здесь обитает бог.

Сам бог почти не виден, скорее угадывается. Он мощный и упругий как спрут, тёмный, бесформенный, мускулистый. Иногда он принимает более определённые очертания, и тогда кажется, что бог – это огромный вебрь или свернувшийся кольцами чудовищный змей. Но я понимаю, что это иллюзия, абберация зрения, происки разума, стремящегося везде усмотреть признаки смысла и формы. По-настоящему разглядеть что-нибудь невозможно, но и увиденного достаточно.

Я знаю, что видеть бога величайшее святотатство, и по закону я повинен смерти. Мой разум смущён, но сердце ликует, упиваясь созерцанием божественной мощи. В глубине души я сознаю, что мне ничего не грозит, и, в действительности, я не нарушал правил игры с вечностью, ибо помимо явных правил существуют ещё и тайные, тщательно скрываемые, что среди запретных ходов находятся тайно разрешённые, и только такой ход и способен принести выигрыш.

Оказавшись в чаще и потому обречённый на погибель, я понимаю, что, в действительности, спасён – и спасён вовеки.

Встреча

Лето цвело густыми полуденными красками, рассыпалось жаркими бликами, вплетало солнечные струи в размеренную повесть дня. Было жарко, но тем особенным пряным жаром, насквозь пронизанным ветерком, который принято называть прохладой.

Мы сидели в траве под тенью огромной старой берёзы и дулись. С крайней степенью сосредоточенности мы были погружены каждый в своё дело: я пытался отчистить пятно на брючине, а Даша не давала божьей коровке добраться до вожаделенного ей колокольчика.

Мы были так заняты, что заметили прохожего только когда он подошёл к нам почти вплотную. Кажется, он был одет в синюю майку и джинсы, впрочем, поручиться не берусь. Он шёл, упорно отворачивая от нас лицо. Если бы не эта странность, мы, скованные мгновен-

ной неловкостью, всегда возникающей, когда двое сидят, а третий проходит мимо, конечно, не стали бы провожать его глазами и не заметили бы, как он, воровски оглянувшись, рванул в кусты. Того мгновения, когда он оглянулся, было достаточно, чтобы мы заметили его лицо.

Это лицо... Смешно, но я даже не могу рассказать, что меня в нём так поразило... Он был смугл и как-то странно щетинист... но это всё, конечно, не то. Глаза? Может быть, глаза. Какое-то совершенно невысказанное сочетание бесконечной мудрости и безграничной похоти.

Короче, это было совершенно нечеловеческое лицо и взгляд, после которого остаётся только уйти в монастырь или спиться. Этот взгляд словно раздевал вас до скелета. Как будто кто-то всепонимающий, брезгливый, заинтересованно-равнодушный, извечный, может быть сам мир, поглядел на нас сквозь него.

Мне казалось, что вся сцена прошла в полнейшем молчании, но Даша потом уверяла меня, что прохожий, обернувшись, пробормотал что-то вроде: «Пся крев»!

Если так, то сомнений быть не может – это был Пан.

Гриб

Одним из удивительных порождений народной фантазии является фантастическое животное Гриб. Этому животному приписываются многие волшебные качества. Оно обитает в дремучих лесах под землёй (что ясно указывает на его хтоническую природу), отличается невидимостью, вездесущностью, неподвижностью и при этом способностью появляться и исчезать в самых различных местах. Преданному искателю Гриб способен подарить часть себя, эманировав из своего сокровенного бытия видимое тело, через поедание которого осуществляется таинство приобщения к Грибу. Вкусивший дарованной плоти Гриба отныне принадлежит к загадочному лесному братству «грибников».

Сакрального и социального статуса грибников стоит коснуться особо. Для архаического сознания лес, равно как и пещера, подземный и подводный мир, являют собой образ потустороннего, запретного, сумеречного мира – мира тайных сил и могуществ, порой разрушительных, населённого архетипическими персонажами.

Для человека социума, общины, обитаемого, очеловеченного, дневного мира пребывание в лесу пугающе, социально табуировано и в тоже время втайне притягательно. Время, проведённое в лесу, как бы выпадает из хода обычного времени: это украденное у повседневности, потерянное, запретное время. Грибной культ как бы санкционирует, ритуально оправдывает нарушение табу, пребывание в лесу, за пределами бодрствующего дневного сознания.

Исключительность статуса грибников, принадлежащих сразу двум мирам – миру Леса и миру Общины, лишь подчеркивает нерушимость табу, подтверждение чего находится в многочисленных рассказах об ужасной участи людей, пытавшихся без должной подготовки приобщиться к грибному культу. Ибо дар Гриба может обернуться как благом, так и страданием и даже смертью дерзкого профана.

Суровый и милостивый, связанный со смертью и изменёнными состояниями сознания Гриб является характерным архетипическим образом, порождением мифо-поэтического восприятия мира.

Отравитель

«Милорд», – так все его называли – «милорд». Всегдашнее выражение утомлённой респектабельности придавало его неприметным чертам некую значительность.

Флакон с ядом он всегда носил в кармане. Это был удивительно красивый гранёный флакон, выточенный из цельного граната. Безмятежный взгляд, отвлекающая внимание

фраза, стремительное движение фокусника – и вот яд уже в вашем бокале. С годами его мастерство всё возрастало, пока, наконец, не достигло виртуозности. Даже обидно, что его жертвы не осознавали, сколь искусно их отравили.

Впрочем, большинство из них так и не догадывались, что отравлены и продолжали себе жить как ни в чём не бывало или, в худшем случае, отделялись рвотой.

Отравитель был живой человек и, конечно, такое положение вещей не могло его не беспокоить. Он успокаивал себя тем, что яд все равно уже находится в организме и рано или поздно подействует, может быть спустя годы, при каком-нибудь особом стечении обстоятельств. Мысли о том, что его яд не годится, он даже не допускал. Но иногда его посещало сомнение: а вдруг яд слишком старый? Вдруг люди за многие поколения так привыкли к нему, что утратили всякую восприимчивость?

Он начинал экспериментировать, подбирать для каждого индивидуальную дозу, смешивал яд с различными ингредиентами и иногда добивался неплохих результатов – один из отравленных скоропостижно скончался, а другой признался, что потерял смысл жизни.

Но и теперь нашёлся человек, отравивший ему всю радость. Некий старичок-профессор пристрастился к его ядам и теперь преследовал его по пятам. Выхватив бокал с отравой у очередной жертвы и осушив его, профессор закатывал глаза, прищёлкивал языком и произносил: «Раствор белладонны со спермой чернозобого дракона. Не так ли? Помнится, таким снадобьем алхимик Ю-лань Дао отправил к предкам третьего У-Юэского вана». Старый пердун имел абсолютный иммунитет и ориентировался исключительно на вкусовые ощущения.

И только один случай вселял в отравителя уверенность, что его жизнь прожита не напрасно. В тот раз лицо человека, принявшего яд, осветилось неземной улыбкой, и, шагнув в окно, он растворился в бездонной синеве неба.

Женщина и святой

Святой был сутул и плохо выбрит.

У женщины были тонкие пальцы и красивые коленки.

Святой имел сердце голубя и совиные крылья, он был задумчив невпопад и невыносим в компании.

Женщина верила, что в человеке всё должно быть прекрасно, что честному неплохо бы быть красивым, а умному – богатым.

Святой мчался, он мчался настолько быстро, что казался неподвижным, круг него разверзались бездны и рушились миры.

Женщина находила, что это довольно неудобно.

Сидя на кухне, святой ощущал себя в центре Вселенной.

Женщина и не сомневалась, что это здесь.

Иногда святой, сам того не замечая, творил чудеса, и женщине приходилось устранять их побочные последствия с помощью половой тряпки.

Иногда женщина совершала чудеса, но святой их не замечал.

– Ты святая! – говорили женщине подруги.

– Погляди, – говорил святой, отворяя окно, – это Божий День!

– Класс! – отвечала женщина.

И наступал Божий День.

Водяной

В поле светло. В середине колодец. В колодце водяной, зелёные усы за уши заложил. Заглянул в колодец мужик. Увидел водяного, испугался, перекрестился.

– Ты, это, чего? – спрашивает.

Водяной молчит.

– Ты, того, ... твою мать, а?

Водяной молчит.

«Вот, ё, по-русски не понимает», – подумал мужик, да и пошёл восвояси.

А водяной усмехнулся в усы, открыл блокнотик и записал: «В ситуации, когда человек говорит и выражает себя в симулякре, необходимым условием коммуникации выступает реконструкция адресатом квази-семантических коннотаций адресанта...»

Дзяды

Деды всё помнят. Стоят, ждут.

Белые, глухие, бороды ниже пояса.

Дым стелется, туман плывёт. Тихо.

Стоят. Много их. 18 черепов над землёй в домовине сложены.

Недобрые. Но не злые – родную кровь чувствуют. Ждут.

Деревья из-под земли тянутся, хотят схватить кусок солнца, оплести ветвями, затащить в сумрак, утопить в тине. Чтоб светило со дна омута – грело старые корни.

Без корней нельзя. Без корней конец. Деды – корни. Стоят, ждут.

Затрепещет петух, закричит мёртвым криком. Кровь прольётся к сырой земле, живая кровь. Побежит по жилам, напитает корни, согреет кости. Голодно дедам, голодно. И хлеба принёс, и сыта. Ешьте, пейте.

Темно здесь, ох темно в белой мгле!

Ешьте, пейте, деды! Напитаются корни, заструится вверх сок по стволу. Оживут ветви, распустятся листья, брюхатыми будут снохи.

Ешьте, пейте!

Светаёт. Уползает в омут туман. Домовина на столбах как чёрная изба. 18 черепов.

Снятся. Нет покоя. Голодно им, голодно.

Атеист

– Вот пан Бог, – пан Михайловский незаметно показал глазами на блондина с бородкой, одиноко сидящего за соседним столиком.

– Этого никак не может быть, – отозвался пан Коснарский, – вы меня разыгрываете. Проше пана, как это Бог может сидеть за соседним столиком и пить пиво?

– А где же он, по-вашему, должен сидеть? – желчно усмехнулся Михайловский.

– Ну, наверное, на небе, – не очень уверенно предположил Коснарский.

– Проше пана, может, вы ещё скажете, что он сидит на облаке? Пан сам пробовал сидеть на облаке? Разве вы не знаете, что такое атмосфера?

– Ну, хорошо, – смутился Коснарский, – тогда, наверное, правильно сказать, что Бог везде.

– Везде, кроме этого погребка, вы хотите сказать? То есть вы можете назвать причину, которая может помешать пану Богу выпить кружку пива в погребке у Лиздянского?

– Но по какой причине он мог тут оказаться?

– Пути Господни неисповедимы, совершенно неисповедимы, любезный пан, – и Михайловский довольно усмехнулся в усы.

– Ну, так я сам его об этом спрошу! – вспылil уязвлённый аргументами оппонента Коснарский, и прежде, чем пан Михайловский успел схватить его за рукав, он уже оказался за соседним столиком.

– Пан дозволит? Проше пана, простите меня за назойливость, но верно ли говорят, что пан, э-э-э, имеет отношение к Богу?

– Бога нет, – печально ответил блондин. – Официант, счёт пожалуйста. – И, пронзив Коснарского бездонной голубизны взглядом, то ли вышел, то ли исчез, оставив после себя лёгкий запах озона и ладана.

– Кто это был? – ошарашено спросил Коснарский.

– Пан Бог, – невозмутимо ответил официант, уходя за стойку. А потом, видимо пожалев смущённого пана, добавил – Да вы не переживайте, он со всеми так шутит.

Часы пробили полдень.

Дао электричек

Умереть девять раз легко;

сберечь в сердце постоянство хотя бы на дюйм – трудно.

Китайская поговорка

Мало было в былые времена грамотных людей. Одни жрецы, почитай, грамотные и были. Чем и пользовались. Бывало, надо древним людям куда поехать, так с раннего утра на платформе сидят – ждут, может электричка какая появиться. А электрички-то редко тогда ходили. Опять, откуда знать, к какой платформе подойдёт? Поди, набегаешься. А иная, бывало, не со всеми остановками, проедешь свою – так котомку за плечи, да и топай. Которые похитрей, приметы всякие примечали. Вот, скажем, ежели, красный огонёк горит, то нескоро будет, а ежели зелёный, то, может статься, и поскорее. А иные совсем глупые приметы бывали: по камешкам цветным гадали, по курам, по жене смотрительевой. Да рази их, электричек, угадаешь...

Вот и приходилось на поклон к жрецу идти: «Помоги, батюшка!» Жрец-то пузо выпятит, очки водрузит, расписание с важностью откроет, да и скажет – в 8.45 придёт, буде на то Божья воля. А часов-то у простого народа тогда тоже не было, – снова жрецу в ножки кланяйся: «Ты уж посвисти, батюшка, когда время-то придёт, а мы уж тебя не забудем». Ежели богатый посетитель-то, то жрец зад свой, бывало, от сидалища оторвёт, да на станцию сходит – изменения поглядит. А ежели электричка по написанному не придёт, так то, скажет, по грехам нашими. Много они над простым народом поизгалялись. Старые люди ещё помнят.

После революции-то жрецам прикорот вышел. На платформе часы повесили, стали безграмотность ликвидировать, чтоб всякий мог сам в расписание смотреть. Да только опять хорошего не вышло. Электрички почему-то не по расписанию стали ходить.

Иные говорят, есть у них расписание, да только простым людям его не показывают. Хранят его начальники в железном шкапе тока для своих, чтоб им, значит, без тесноты ездить. А то, которое на виду висит, это, значит, тока для отвода глаз. Как какой важный начальник решит поехать, так ему специальную секретную электричку подают, а прочих начальников предупреждают: такое вот в расписании изменение, а простому народу чтоб ни-ни! Это только кто случайно на такую электричку попадёт.

Ну, народ, известно, стал кумекать – ездить-то надо. Разные способы стал придумывать, как её, проклятую, вовремя вызвать.

Напервый способ – это ругаться по-чёрному. Так её, голубушку, честить, такие ей заковыристые пожелания придумывать, чтоб её страх взял, и со страху бы приехала. Инда ей слышно, что про неё говорят.

А ещё другой способ есть: на приман. Достать надо литровую банку самогона, откупорить, сесть вокруг да приговаривать: «Эх начать, шоли, шо нам этот машинист!» А другой отговаривает: «Та подождём ещё трохи, може ещё приедеть...»

У учёных людей свои разговоры, сядут на платформе и разглагольствуют. Один говорит: «Эх, цивилизации у нас маловато, демократиев надо, тогда и электрички будут ходить...»

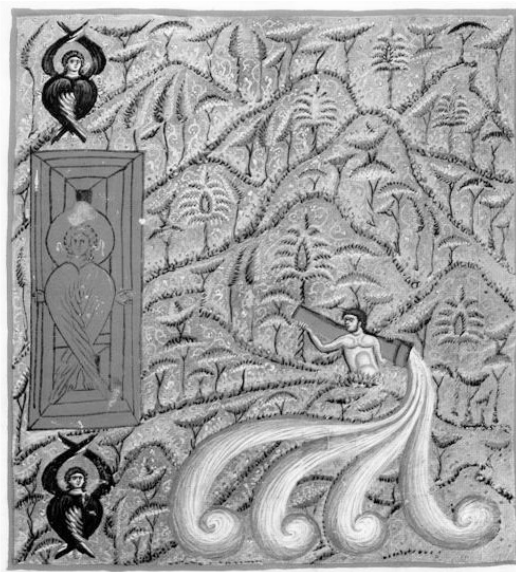
А другой кулаком застучит: «Каких таких демократиев?! Вон, при царе как часы ходили. На каждой платформе опер с секундомером стоял, – как на минуту опоздал, так сразу к стенке...»

Ну, это у них одни разговоры только. Был, правда, один учёный человек, как рогом упёрся: разберусь да разберусь, говорит, по какому какому расписанию они ходят. Сутками на платформе сидел, графики чертил, формулы составлял. Сначала по теории вероятности, потом по теории относительности, а потом вообще по квантовой механике. Что-то даже получаться стало, только, говорит, либо во сколько придёт, могу вычислить, либо на какой путь, а одновременно не получается – закон природы такой.

А мы уж лучше к шаману: начнёт в бубен бить, по комнате кружить, душа его на волшебном коне в небо взлетит, поглядит сверху – где электричка?

Но главная мудрость не в этом. Главную мудрость только особые тайные люди знают. Но вам, так и быть, скажу. Мудрость такая: ежели хочешь ты куда-нибудь уехать, фиг ты туда уедешь. Поэтому сиди-ка лучше дома, совершенствуй внутреннее, укрепляй целостность, пестуй сокровенное. И когда потом случайно забредёшь на платформу, твоя электричка будет уже тебя там ждать.

Апокрифы

Бытие 1

И был вечер, и было утро.

И время было вечностью.

– Нет, – усмехнулся Змей, – вы не умрёте, но станете как боги, знающие добро и зло.

– Зачем ты это сказал? Чего, собственно, хотел добиться?

Да, ты сказал правду, но кому она нужна, твоя правда? Они верили мне и были счастливы. Ты отравил их сомнением.

– Дети рано или поздно взрослеют, Элохим.

– Но зачем? Зачем? Погляди на них – они прекрасны, Змей. Они бы жили долго и счастливо. Их потомки постепенно населили бы весь Рай, – прекрасные люди-дети, не знающие горечи и сомнений.

– Ты сам не веришь своим словам, Элохим. Иначе зачем ты посадил это дерево? Ты знал, что когда-нибудь это случится. Они слишком похожи на тебя...

– Твоя мудрость так же ядовита, как твои зубы. Неужели ты считаешь, что мы обречены ходить по кругу и что на Земле невозможно ничего другого? Теперь они стали такими же, как мы, и это бессмысленно... Я не хочу их больше видеть, пусть уходят и ищут свой путь. В качестве дара я оставлю им смерть.

– Смертные боги – это жестоко, Элохим.

– Нет, Змей, это мудро. И будь ты проклят!

И был вечер, и было утро.

И время стало историей.

Каин

Каин поднял с земли камень – тяжёлый бурый камень с острым, будто обрезанным краем, холодный, надёжный и уверенный, и со всей силы ударил Авеля в висок.

– Что ты делаешь, Каин? – прошептал голос. – Это смерть, ты открыл дорогу смерти.

– Это не я, – усмехнулся Каин, – это он. Он убил ягнёнка. И когда я увидел кровь и неподвижность, и застывший взгляд, я понял – это смерть, и ещё я сказал себе, что когда-нибудь убью Авеля и посмотрю, как он станет таким же мёртвым и неподвижным.

– Каин, Каин, где брат твой Авель? – спросил голос.

– Я не знаю, теперь не знаю. Когда он убил ягнёнка, то сказал, что отдал его Богу. Я мог бы сказать так же, но я не знаю. Я даже не знаю, Авель ли то, что лежит у моих ног.

– Ты отдал его кровь земле. Авель – это кровь. Теперь земля восстанет против тебя. Тебе придётся уйти.

– Дважды я видел смерть, – задумчиво сказал Каин, – и теперь я знаю, что и меня когда-нибудь кто-то убьёт, и мы станем равны.

– Нет, – ответил голос, – никто не посмеет убить тебя, ибо в возмездие за твою смерть погибнут семеро. Это закон.

Так на земле появился закон.

И пошёл Каин, и поселился в земле Нод к востоку от Эдема.

Потоп

Дождь был тёплый ласковый, прозрачный, тихоструйный. Луга дымились паром, и лужи вскипали под градом капель. Ночью он усилился. Где-то прорвало плотину, и ручей обрушился в долину грозным потоком.

– Гляди, гляди! – кричали дети, показывая на проплывающие дома. Те проплыли, порой заваливаясь на бок, сверкая свежевывитыми стёклами, лоснясь мокрыми кирпичами. Проплывали машины, церкви, полицейские будки.

Где-то играл духовой оркестр.

Деревья стали невероятно зелёными, свежими, как мокрые листья салата.

Рухнула колокольня, и колокола, падая, обрушили свой звон на округу и поплыли, утробно гудя в водоворотках.

Люди разбрасывали мокрую солому с крыш и улыбались.

– Этот дождь послал Бог, – говорили они, – надо бы сказать Ною.

Тяжёлый мрачный саркофаг ковчега возвышался над городом, как памятник страху. Внутри, в душливом мраке, дышали звери и пахло навозом. Всё затаилось, и только слышно было, как дождь всё настойчивее и требовательнее барабанит по крышке.

– Я не умею плавать, почему ты не научил меня плавать? – всхлипывал Афет.

Ной молился, втиснувшись поглубже в свежеструганный дощатый сумрак.

Час за часом проваливались в никуда.

Вдруг что-то плюхнуло по стене мягко и тяжело. Заскрипели перекрытия. Саркофаг задрожал, начал валиться куда-то. Дико заверещали обезьяны, забились, заметались в тесных загонках копытные, завывали собаки. И словно бы от этого вопля ужаса ковчег швырнуло в другую сторону, что-то заскрежетало о стены и днище. Животные бесновались. Люди вжались в пол, задыхаясь от сладостного смрада, словно заранее вживаясь в смерть.

Но вот гигантский сундук стронулся с места и грузно и неуклюже повлёкся вслед за течением. И те, кто были в нём, не видели, что в небе зажглась радуга, и люди, звери, птицы, поднимаясь по ней, исчезают в сверкающем туннеле – разрыве в глубине громогласных лиловых туч.

Иерихон

Иерихон, Иерихон, в свете луны ты прозрачен, как хрусталь Альп.

Войди и иди по улицам, заглядывая в стены домов. Улицы кривые, и, переплетаясь, они сливаются в неведомые знаки. Мудрый прочтёт.

О, звезда Ханаана, чьи жители стрекочут, как цикады обратившись к луне. Ты слишком мудр, о город, для этого мира!

Мы вошли тремя воротами, настав на стражников магический сон, и шли, обходя людские пути, по улицам, мерцающим глубинным огнём, и впитывали мудрость, сочащуюся со стен. И сердца наши переполняла радость, ибо кружева улиц сплетались в имя Бога. Это Его город – достойная жертва, благородное всесожжение. Он слишком совершенен, чтобы оставаться на земле. Он созрел для горнила смерти и воскрешения. Он полон, как чаша священного возлияния. Да не прикоснётся рука наша ни к чему в городе, да будет проклятие на том, кто покусится хоть на малость из богатств его. Полным, полным, как чаша, будет протянут он Господу.

Последняя из улиц гнутым клинком уперлась в крепостную стену, возведённую из безмолвия. Столетняя тишина, настоящая в пещерах умами подвижников, скрепила её камни-скрижали. Последний из домов дал число 13 – знак переизбытка и превращения, знак руки предающей, врат перехода. И, переглянувшись, мы поняли, что стезя привела нас к цели.

И вошли мы в дом блудницы по имени Раав...

Адресат и отправитель неизвестны

Начало текста повреждено

Любезный Гней! Твоё письмо, в котором ты выражаешь столь живой интерес к моей стариковской болтовне, порадовало и позабавило меня. Клянусь, ты ещё проклянёшь день, когда допустил такую оплошность. Ну что ж, теперь сиди и слушай.

Твой интерес к эпохе Тиберия вполне оправдан. Без сомнения, то был золотой век секретной службы. Ты знаешь, Нерон относился к ней с не меньшим вниманием, но его импульсивность сильно вредила делу. Полагаю, если бы не ошибки Нерона, дело в Палестине никогда бы не дошло до открытого мятежа. И только успешным операциям времён Тиберия мы обязаны тому, что это пламя не охватило весь Восток.

В те времена, о которых я говорю, Восточное бюро, возглавляемое Марком Луцием Карром, делилось на два направления. Первое ведало Кавказом, то есть Иберией, Арменией, Албанией, Осроэной и другими областями Верхней Месопотамии, и должно было контролировать ситуацию в Малой Азии и Фракии. Второе, которое возглавил я, ведало Сирией, Аравией, Египтом и индийской торговлей. Оба направления в качестве основного противника, безусловно, имели Парфию и её службы.

Гней! Что бы ты ни планировал, как бы ни оценивал ситуацию на Востоке, никогда не упускай из виду Парфию. Дом Аршака всегда был нашим естественным врагом. До тех пор, пока существует Парфия, империя никогда не будет в безопасности. Любой наш промах – и весь Восток окажется под ударом. Оценивая любое событие, никогда не забывай об этом.

Парфия – не просто наш соперник в борьбе за контроль над регионом, это наш идейный враг. Само её существование есть вызов Римскому миру. Ты скажешь, что и мы, и они давно хлебаем из одного колодца – эллинской премудрости. Не верь этому. Они не такие, как мы. Восток – это яд, он отравил греков и македонян, и сейчас медленно ползёт по нашим жилам. Погляди на эти толпы сирийцев, разгуливающих по нашим мостовым. На храмы Изиды и Митры в самом Риме. Веря в превосходство и могущество нашей цивилизации, можно было бы отнестись к этому с насмешкой. Но, Гней, Парфия, не забывай про Парфию.

Второй вопрос, который никогда не следует выпускать из внимания, – это иудеи. Сейчас, после недавних событий, это, полагаю, понятно всем.

Среди всех сирийцев иудеи наиболее сплочённые. Их сила, Гней, в их религии. Они считают, что Юпитер (они почитают его под варварским именем, наиболее произносимым как Иегова) избрал их из всех народов, одним им открыл истину и наложил на них в знак избрания особые от всех обычаи (многочисленные и весьма затруднительные в исполнении), строжайше запретив придерживаться каких-либо других. В награду он обещал им власть над миром. Не смейся, не смейся, Гней, это гораздо более серьёзно, чем ты думаешь. Эта вера и обособленность придают им силу.

Наши боги подобны магистратам, высший из которых Юпитер или Зевс. Для иудеев, народа восточного, Юпитер-Иегова – царь-тиран, а все прочие боги – его рабы, они даже не считаются богами, а так – прислужниками. Гней, подумай о нашем чрезмерном либерализме... Огромное количество иудеев живёт в Парфии и отлично ладит с их царём, а остальные рассеяны по всему Римскому миру и озлоблены. Подумай, подумай об этом, Гней.

Но здесь я хотел рассказать о наиболее успешных и интересных операциях нашей службы. Думаю, ты не удивишься, что они в большинстве своём были проведены в Иудее. И, конечно, прежде всего, дело Иисуса, которое вызвало в последнее время столько толков. Не скрою, Гней, это дело – предмет моей величайшей гордости. Хотя бы по масштабам. Часто ли Гней, тебе приходилось проводить операции, завершающиеся арестом бога? Да-да, Иисус был богом или, по крайней мере, сыном бога!

Ты опять смеёшься. Старый эпикуреец, ты не слишком-то веришь и в отечественных богов, не говоря уже об иудейских. «Ха, старик слишком долго пробыл на Востоке и заразился всеми тамошними суевериями!» – смеёшься ты. Напрасно смеёшься, Гней, Восток – страна тайн. И тайны эти имеют, большей частью, политическое свойство. Что же касается детей Зевса, вспомни хотя бы Геракла или Александра, или Диониса. А теперь подумай, что бы мог натворить такой герой, давно с нетерпением ожидаемый всем народом, встав во главе иудеев?

А они ждали именно его, Гней.

Из всех противников никто не вызывал у меня такого интереса как личность, как этот Иисус. Признаюсь, в тайне я даже ему симпатизировал. Да-да, Гней, не смейся.

Мать Иисуса – Мария происходила из жреческого сословия, и ребёнок, как рассказывают, был посвящён богу. Мужем Марии был некто Иосиф – плотник, претендующий на знатное происхождение. Однако отцом Иисуса был не он. Поговаривали, что таковым был некий Пантера, сириец, но в действительности отцом Иисуса был Юпитер. Астрологи предсказали, что мальчик станет царём Иудеи. Об этом донесли тогдашнему царьку – Ироду, и родителям Иисуса пришлось скрыться в Египте.

О тайне своего рождения он узнал только в 30 лет. Когда Иисус совершал священное омовение в Иордане, сам Юпитер из облаков громогласно назвал его своим сыном и на плечо Иисуса опустил орёл. Впрочем, некоторые утверждают, что это был голубь. После этого потрясённый Иисус удалился в пустыню, где размышлял, не захватить ли ему трон немедленно, но, к счастью, принял другое решение.

Следующие три года он бродил по стране и собирал вокруг себя толпы народа, выступая с речами и совершая чудеса, подобно небезызвестному тебе Аполлонию. Все эти годы мы пристально следили за ним.

Надо полагать, Гней, всё это для тебя странно. Тебе, наверное, покажется смехотворной сама мысль, что какой-то нищий бродяга мог представлять угрозу для нашей власти. Но ты не знаешь Востока и не знаешь иудеев так, как их знаю я. Эти люди живут слухами и жадой чудес. Они горячи, легкомысленны, легковёрны и воспламеняются, как сухое дерево. Слух о том, что долгожданный предводитель (они называют его «мессия») явился, распростра-

нился со скоростью бури. На востоке верят пророчествам, и ты не представляешь, сколько бед там может принести кем-то сказанная галиматья, способная вызвать у разумного человека лишь презрительную усмешку. В то время бытовало пророчество о царе с Востока, который захватит власть над миром. (Позднее, как ты помнишь, мы успешно использовали его для обоснования прав Веспасиана). А этот бродяга действительно был сыном Юпитера; в этом, в отличие от иудеев, у нас не было сомнений. Он даже воскрешал мёртвых.

Ты спросишь, почему нельзя было тихо разделаться с ним, как с Германиком, или, скажем, как с Иоанном, которого некоторые тоже считали мессией? Отвечу тебе – именно поэтому.

Не премину сказать, что Иесус соблюдал крайнюю осторожность, никогда открыто не заявлял своих претензий и ни в чём не преступал римских законов. По натуре своей он был добр и миролюбив, и в его учении было что-то от учения орфиков. Но при этом он терпеливо отбирал тех, кто верил ему безоговорочно, и обещал им, с помощью Юпитера, вернуть на Землю золотой век. Единственные, на кого он открыто ополчился, была секта фарисеев.

Должен тебе сказать, Гней, что среди иудеев существовало несколько соперничающих сект. Из них именно фарисеи были наиболее влиятельны и наиболее чужды нашей цивилизации. Они имели тесные связи с Парфией (их учение во многом напоминает религию парфян), а их покорность Риму была скрашена немалой дозой лицемерия. Но, к счастью, Иесус симпатизировал маловлиятельной секте ессеев, всецело занятых почитанием своего божества и в чём-то схожих с индийскими гимнософистами.

К счастью, повторяю я, потому что на взаимной антипатии наших противников и была построена вся операция. Право, не знаю, Гней, что бы мы делали на Востоке, не будь страсть к разногласиям заложена у иудеев в крови.

Уверяю тебя, что все высказывания Иесуса мы через свои каналы исправно доводили до сведения Синедриона.

Когда Иесус в очередной раз прибыл в Иерусалим, мы организовали ему пышную встречу. О, его встретили, как триумфатора! (Признаю, это был рискованный шаг, но технически, зная пылкость иудеев, уверяю тебя, устроить это было не сложно). И Синедрион дрогнул. Конечно, храмовая стража доложила, кто стоит за торжественной встречей Иесуса, и они решили, что Пилат готовит им очередной сюрприз.

Напомню тебе, что Понтий Пилат был тогда прокуратором римской части Иудеи, и он был один из худших администраторов, которых я знал. Его отвращение к иудеям было столь глубоко и нескрываяемо, что постоянно вредило делу. Но сейчас на репутации Пилата мы и решили сыграть.

Арест Иесуса был произведён тайно, ночью, но вряд ли прошёл бы столь успешно, если бы страже не помогал один из ближайших учеников Иесуса по имени Иуда.

История этого Иуды столь удивительна, что я и сам бы не поверил этому, если бы не прослужил столько лет на Востоке. Этот Иуда был ревностнейшим из учеников Иесуса и всё не мог дожидаться, когда же тот громогласно провозгласит себя мессией и поразит своих врагов молниями. Триумфальная встреча Иесуса окончательно лишила Иуду разума. Он вбил себе в голову, что Иесус для пущего сценического эффекта решил отдаться в руки Синедриона, что бы затем на глазах всего Иерусалима свершить величайшие чудеса, развеяв сомнение в своей божественности и у самых маловерных. И что для этой миссии Иесус избрал его – Иуду. Позднее, когда Иесус был действительно схвачен и умер на кресте, Иуда был потрясён до глубины души и разуверился в божественности своего кумира. Говорят, что терзаемый совестью в том, что погубил невинного, он удавился.

Что же касается Иесуса, то рассказывают, что этот замечательный человек предчувствовал опасность и умолял своего отца о помощи, но после, истолковав молчание как то,

что его жертва угодна Юпитеру, решил идти до конца и, не пытаясь спастись, мужественно принял смерть подобно Сократу.

Приговор Иесусу подписал Пилат, но так, что ни у кого не осталось сомнений, что вся вина за содеянное лежит на Синедрионе, добивавшимся этой казни с упорством, нарушающим всякие приличия. Да, таковы иудеи, Гней. Я сам видел их гнусную смердящую толпу, выкрикивающую: «Распни его! Распни!»

Смерть Иесуса сопровождалась грозными знаменами, и тело его вскоре исчезло. Но, как известно, иудеи никогда не признают своих ошибок.

Согласись, Гней, что ликвидировать руками самих иудеев предначертанного им свыше царя и навлечь на них, а не на нас гнев Юпитера, – это была остроумная затея. И мой триумф омрачила лишь идиотская шутка, от которой не смог удержаться Пилат. Ну зачем надо было писать на кресте «Иесус Назаретянин – царь Иудейский»? Можешь себе представить, какое это вызвало бешенство у иудеев.

Ладно, я слишком заболтался об этом деле. Я вижу, что ты мне всё равно не веришь, Гней. Ты всегда старался держаться подальше от дел божественных и наверняка решил, что старик просто расхвастался в припадке старческого слабоумия, вообразив себя каким-то олимпийцем и вершителем судеб мира. Поговорим о делах более земных.

Итак, ты просил меня рассказать об обстоятельствах ликвидации Германика...

Далее текст повреждён.

Письмена на рысьей шкуре

В те дни мы все были молоды и самонадеянны, и нам казалось, что мир хорош. Мы были молоды и нетерпимы, жестоки и нетерпеливы. Мы были дети. Мы думали, что люди – это игрушки, и обижались, когда выходило не по-нашему. Мы думали, что можем всё переиграть по-новому, и однажды, устав от противоречий, приняли решение, за которое мне стыдно. И каждый раз, когда я вижу радугу, мне становится стыдно.

С той поры мне приходилось глядеть на неё каждый раз, когда глаза мне застилал гнев. А это случалось часто, слишком часто! Ибо, клянусь небесами, эти люди испытывали моё терпение!

Но когда я встретил её, остальные стали мне безразличны.

О Рахиль, любовь моя! Ты была как необъезженная кобылица! Ты не уступила мне сразу, ты боролась со мной, ты дралась как разъярённая тигрица. И это было мне по нраву. Ты стала избранницей моей и женою моей. О, сколько раз потом мне хотелось убить тебя! Ибо ты истерзала моё сердце ревностью.

О Рахиль, любовь моя, единственная моя! Любил ли я кого-нибудь как тебя? Как я ревновал тебя! Как истязал тебя! Живого места не оставил я на теле твоём! Но, клянусь Землёй, ты давала мне повод!

И я возненавидел братьев своих, ибо в каждом видел я соперника. Нет, не жажда власти двигала мной, когда я восстал на них, но ревность, ревность испепелила моё сердце и дала мне силу!

О, нелегко далась мне победа. И не мальчишкой, но мужем и великим царём вышел я из битвы. Народы склонились к стопам моим, и ты вернулась ко мне с восхищённым взглядом.

И я принял её, хоть дни молодости её минули, и она принесла мне сына.

О Рахиль, теперь ты была мне верна, и ревность пронзила твоё сердце. Пронзила сердце и затуманила разум. Безраздельно хотела владеть ты мной, к собственному сыну ты приревновала меня! В безумии своём хотела ты лишиться его жизни, чтобы остаться единственной. И этого я тебе не прощу.

Я знаю, старуха, ты всё ещё любишь меня и хранишь мне верность, которой я жаждал во дни твоей юности. Но я не прощу тебя. Может быть, потом.

Сын мой возлюбленный! В тебе было теперь моё благоволение! Народы и царства я вручил тебе, с тобой разделил престол мой. О, сколько царств ты завоевал для меня!

Сын мой, наместник мой, настал день, когда слава твоя затмила мою. Я знаю, ты невиновен, ты по-прежнему верен мне. Клянусь, не против тебя я поднял племена, но против твоих лицемерных слуг.

Милосердием хотел править ты. Но знай, ты жесток.

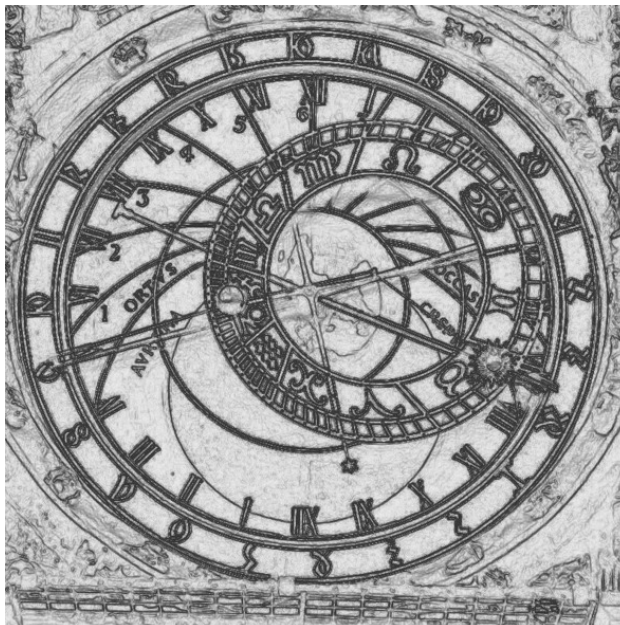
О, как жестоко для людей бремя свободы! Как невыносима для них ноша любви! О, сколько лжи породили они!

И я вернул для слабых лёгкое бремя закона. Не осуждай их. Лишь искренней верности хотел я теперь от людей. Ибо на большее они не способны.

Ты скажешь, что я стал стар. Да, я стар. Кое-кто даже считает, что я умер. Но я просто стал мудр, мудр и осторожен. Поступь моя неслышна. Может быть, я стал излишне терпелив и склонен к созерцанию. Может быть. Опыт бесчисленных ошибок не проходит бесследно.

Но я здесь. Я всё ещё здесь.

Мистерия

Стук часов в замке подгоняет время. Все часы спешат. Тени шуршат как сухие листья. Улыбка бюста. О, время большой хитрец! Заставить всех поверить, что ты есть, даже тех, кто верит в Бога, поверьте, непросто. Бюст улыбается, стрелки бегут и за окном зажигают зарю.

* * *

Пламя. Пурпурные мантии. Пурпурные облака как перья попугаев. Великий шаман в небе колотит в свой раскалённый бубен. Лошади цвета киноvari. Чёрные всадники с белыми волосами в белых одеждах несутся стремглав, боясь засветиться. Радость земли – голоса духов. Красный цвет, цвет воинов и духов. Цвет людей-духов и богов-воинов. Радость и власть, сила и кровь, заря мира. Люди поднимаются из пещер напиться крови солнца. Смерть порождает жизнь. Битва – пир жизни. Несутся всадники. Принёсший в жертву коня станет царём.

Море тюльпанов. Блестит медный нож, поют жрецы. Все жрецы – кардиналы, одетые в содранную кожу врагов. Вновь и вновь убивают они бога, вновь и вновь воскресает бессмертный в остановившейся вечности. Кровь на цветах. Да не погаснет солнце!

* * *

Бог все выше.

Второй час пьян жаром. Небо и тени черны от синевы. Все плоды – апельсины. Струя ледяного оранжада беснуется в хрустальном стакане. И на глазах застывает в янтаре. Янтарь возят возами и зимой продают вместо угля. Сколь сладок янтарный дым! Разве в мире бывает ночь? Это ложь! Сосны прорастают сквозь память.

Торговцы любят золото и рыжих кошек. Не хотите ли купить рыжую рабыню, гибкую как кошка, с золотистой кожей? Отдам за пять рыжих коров. Или у Вас есть золото для обмена? Я подарю его богу, ведь боги тоже любят золото. Оно приносит удачу. Рыжее золото сродни огню. Только огонь и золото чисты. Безумный алхимик сказал, что очистит

мир огнём и всё превратит в золото. Как палит! Я вижу, он начал исполнять своё обещание. Тем и страшны алхимики – они всегда держат слово.

* * *

Лучшее золото с малиновым оттенком. Прекрасно пурпурное золото, но в отливках хорошо и белое золото, и колдовское золото с зелёным отливом, его лучи не обжигают.

Великий час мудрости и милосердия. Одиноким монах в одеянии нищего вошёл в Асгард, город богов. Улыбка его светла и печальна. Вечно золото листьев. Они не опадут.

Только нищие способны делать подарки. Их богатство неисчерпаемо. Они дарят царства и миры. Их сокровища бесценны. Их прикосновение превратит в золото даже золото, но они не прикасаются к нему. Почему радостен монах, почему печален? Боги спускаются с тронов, олени говорят.

Час исполнения желаний. Чьи желания исполнить труднее всего? Того, кто ничего не желает. Час просветления. Бабочка застыла в косом луче.

* * *

Зелень струится, накатывает волна за волной и бурлит чистой радостью бытия. Лягушки на болоте и коровы на лугу прозревают истину. Истина – июньский жук в изумрудном панцире, она летит и гудит торжественно и сердито. В зелёном небе зеленые огоньки светляков. Почему под ногами? Наверное, просто вы стоите на голове. Перестаньте. Мир не надо думать, его надо пить как зелёный настой из дождей и хвои, лугов под росой и дубов на закате. Кто сказал, что мир непознаваем? Сорок ящериц за голову Канта, этого старого осла! Дайте, дайте ему зелёного отвара, и как только он забудет про нравственный закон, ему сразу станет понятно звёздное небо.

Жужжит истина, играют зелёные блики.

* * *

Голубой – цвет тишины. Он рождается из беззвучия. Всё гудит и поёт своими головами – дома, деревья, птицы, и рождается тишина. Голубая песнь безмолвия.

Всего лишь на час или минуту мир забывает себя, и сквозь него проступает изначальная пустота. Голубые травы бездонны. Я ухожу из дома, чтобы избавиться от тени. Она преследует меня так давно, что я начинаю свыкаться. Иногда мне даже начинает казаться, что она неизбежна, и что это нормально, когда тебя всюду сопровождает твой собственный призрачный. Голубые стены бесплотны.

Голубые лошади на лугу. Они едят голубые травы и наполняются голубизной так, что им кажется, будто они на небе. Возможно, возможно, они и правы. Однажды в турецком городе Нигде я ел кю-кю из баранины. Увы, что осталось у меня в памяти? Наверно, это тоже было на небе...

* * *

Сине. Дорога прямая как стрела, тонет в синеве. Куда уходят слова, потерянные для памяти? Синяя дорога забвения. Память – непосильный груз. Забвение милосердно. Дымят костры, пламя уже ушло, но дым остался. Глупцы те, кто за каждым дымом ищут пламя. Зачем огонь в синеве? Синие всадники проносятся и исчезают бесследно. Начало их пути много таинственней цели, ведь тайна не таинственна. Там, где исчезает всё, обретаются начала. Когда-нибудь *когда* не будет, будет никогда.

Синие птицы, все синие птицы отсюда, и сюда слетаются в свой синий птичник и стаскивают наворованные души. Увы, даже здесь, за сапфировыми занавесами, тоже всё то же.

* * *

Накануне мир фиолетов.

В лиловой дымке кусты лиловой сирени. Час фиалок. Бронзовая сирена поддерживает горящий фиал. Игрок в лиловой мантии, сидя на террасе, склонился над шахматной доской. Чёрные фигуры из аметиста, камня епископов. Он обдумывает первый ход. Увы, белых на доске нет. Неизвестно, кто играет белыми, где и когда он сделал свой первый ход, и какой, и сделал ли? Игрок не знает этого, но игра состоится, непременно состоится. Этого требуют правила, и уклониться невозможно. И кто знает, последняя ли это игра.

В замке бьют часы. Они, как всегда, спешат.

Названия деревень (путешествуя по карте)

Ялта
Ливадия
Новый Свет
Туркмен
Мордовка
Старая Ведерня
Изворотень
Мыслятино Хорошово
Перетрусово
Пустое Рождество
Мардарьево
Зады
Башки
Бородёнки
Берёзовый мостик
Масляный горочки
Большое Свинорье
Малые Семёнычи
Бабёнки
Шмелёнки
Жучата
Коробята
Свиненки
Добрые Пчёлы
Радование
Пёсье
Жабье
Свинское
Бутылки
Мочалки
Шестимирово
Жизненные Волны
Вечна
Арья
Староподастрамьево
Синий Колодезь
Красная Берёза
Красные Баки
Красное Эхо
Красная Горбатка
Жилконцы
Агро—Пустынь
Аварийный
Диктатура
Идеал

Чернуха
Околенск
Чесноки
Большие Козлы
Животинки
Мокрый Корь
Матов Сад
Висючий Бор
Пенье
Чертовики
Обжориха
Лежебоково
Затеиха
Новая Указка
Сквозняки
Малое Содомово
Подопхай
Новодурово
Кочемары
Будочки
Жмурово
Большое Подовечье
Никола—Ленивец
Хобот—Богоявленское
Мураевня
Лубонос
Остро—Пластиково
Солдатская Духовка
Свеженькая
Мордовская Поляна

Черномуж
Руны
Чернопенье
Мордовская авгура
Мордовские парки
Мордовская Норка
Новый Шуструй
Мыс Доброй Надежды
Затеиха
Лежебоково
Пихтень
Конец
Большие Мошки
Старая Старица
Страшевичи
Страна Советов
Урдом
Нечаевшина

Дрыгома
Обжориха
Переварово
Заморино
Мордасы
Клевеци
Пискуны
Побоишня
Старухи
Самосделка
Юго-Северная
Жутово-2-е
Путь Правды
Новорусский
Крутой
Бабки
Братки
Ботановский
Большое Лохово
Баклуши
Хреновое
Пановы Кусты
Дуплятомаслово
Сухобезводное
Рождественская Хава
Верхний Телелюй
Дрязги
Весёлая Лопань
Кузнечик-1-й
Вышняя Замарайка
Рогатик
Париж
Амамбайка
Абдул-завод
Самовольно-Ивановка
Подъём-Михайловка
Старый Буян
Идея
Мусорка
Старая Бесовка
Беловодье
Русские Найманы
Большие Хомяки
Задушное
Лысые Денисковичи
Большая Поломка
Безденежные
Спас-Лом

Имя дождя

Старый сарай впал в меланхолию. А вокруг пахло сеном и стрекотали кузнечики.

– Всё пройдёт, всё, – говорил он задумчиво и вздыхал.

Но потом всё прошло

* * *

– Как Вы отстали от жизни! – обличила муха холодильник. – Ваши воззрения так и застряли на стадии ледникового периода!

Но холодильник остался холоден.

* * *

– Это всё от нервов! – нервно говорила улитка, передёргивая рогами.

– Это следствие Вашей бесхребетности, – проворчала в ответ лягушка. – Но постарайтесь, по крайней мере, сохранить хладнокровие!

* * *

Самая зелёная зелень зеленее салата, зеленее укропа, зеленее майской травки и намного зеленее, чем крокодил. Самая зелень, вообще, зеленее.

* * *

– Глубокоуважаемая цапля, – сказала лягушка, – Ваши кулинарные воззрения не совместимы с духом лягушизма, религией и нравственностью. За Ваши грехи Вы после смерти попадёте в Зоологический музей и...

Увы, цапля не понимала ни слова по-лягушиному.

* * *

– У-уу, какой огромный пузырь! И это в нашей-то луже! Как он огромен и воздушен! Как радужно-прекрасен! Какой пузырь! Нет, всё-таки какой пузырь! – восхищались все. И недолговечность придавала ему особое очарование.

* * *

– Как имя дождя? – спрашивала всех пожилая жаба. И никто не мог ей ответить. А дождь шелестел и тихо радовался. И все вокруг тихонько радовались. И только жаба всё время озабочено шептала: «Плюх-плюх? Тук-тук?»

* * *

Навозный жук был глубоким мыслителем, и его почтительно именовали скарабеем, или даже просто беем.

– Бей-ага, – говорила ему кошка, – только Вы да я имеем отношение к светилам и потому достойны почитания.

Но жук мудро молчал: он знал, что надо держаться ближе к земле.

* * *

– Промедление смерти подобно! – воскликнула улитка, отправляясь в путь. И даже добравшись до самого края капустного листа, всё ещё бормотала: – Weiter! Weiter!

* * *

Змея поселилась под колодой не потому, что ей там нравилось. Просто она чтит традиции и зависела от общественного мнения. Она даже пробовала питаться прахом и полагала, что все удивляются её мудрости. Пока, наконец, однажды её не приняли в темноте за верёвку...

* * *

Майский жук Майя была склонна к иллюзиям и считалась большим знатоком календаря.

И только одна злобная медведка всегда предрекала, что она всю жизнь будет маяться и закончит свои дни под майонезом.

Но это просто из вредности.

* * *

Страус Эмма казалась всем существом сверхъестественным, и никто даже не удивился, когда Эмма сказала, что в действительности она Эманация. И только простоватый Барбос решил, что Эмма толкует про амуницию.

* * *

– Как Вы себя чувствуете в воде? – спросили однажды рыбу. Но рыба промолчала. Наверное, не хотела давать повода для зависти.

* * *

Конкурс на самую красивую курицу завершился победой петуха. А чего ещё можно было ожидать?

* * *

Однажды кошка сидела на Древе Познания Добра и Зла. Но она совершенно не любила яблок.

* * *

В зарослях полыни поселился некто. Иногда оттуда доносилось громкое чавканье и похрюкивание.

Но самого некто никто так и не увидел. И его сущность признали непостижимой.

* * *

Куда бы ни шла дорога, она неизменно оказывалась в Риме. Она пробовала петлять, пытаясь попасть в Верону или Болонью, или, на худой конец, в Пизу, но после, поняв, что не у неё одной такая проблема, смирилась.

Стихи разных лет

Ветер в сосновых ветвях.
В прятки играет луна
С теньями на снегу.

* * *

А снег всё идёт...
От холода вздрогнув, луна
Закуталась вновь в одеяло.

* * *

У-у-уу! В ржавом небе
из-за горы показалась
людоедская рожа луны.

* * *

Кхм, что-то бок откололся.
Не иначе дракончик родился

Из серебряного яичка.

* * *

И луны, вроде, нет на небе
А всё хочется выпить...
К чему бы?

* * *

Четыре хайку о счастье

Бродил по дальней стране,
Думая счастье найти.
Вернулся и понял – имел.

* * *

Звонко-синее счастье
Ручьями повсюду струится.
Сумеешь найти – твоё.

* * *

Как тайну счастья узнать
Подскажут тебе
В заводи жёлтые лилии.

* * *

Если садовник умел,
Даже в полыни цветёт
Счастья цветок
Дома не был только три дня,
Но успела забраться осень —
Всюду желтеют следы.

* * *

Ленин на пьедестале
В белой шапке стоит.
Холодно очень.

* * *

Истина! Истина!
Села.
Оказалось, ворона.

* * *

На дороге
Одинокий путник
На КАМАЗе...

* * *

Если бы.
Ах, если бы...
О, тогда бы!

* * *

Воскресенье.
Поднимаются тела
Из своих грибниц.

* * *

Осень по лесу
Потеряно бродит.
Молодость ищет.

* * *

Ищу адресата

Написал письмо:
Чистые листы.
Кто бы прочитал...

* * *

Сезоны

* * *

Там липы и ели веками старели,
И травы желтели, и листья летели,
И сон навевали седые метели.

Звенели капли, и грозы гремели,
И птицы, домой прилетевшие, пели...

А дни не спешили, текли еле-еле
и тихо скрипели от ветра качели.

* * *

Шороху зелени влажно внимая,
В светопотоке, в воздухотрели,
В глыбах прозрачных воздуха мая
Свет одуванчиков мокролужайный.
Эо, Весна! Эо, Весна!

В солнечных пятнах, в дождепотоке.
Зелень струится, солнцеликуя.
Эо, Весна! Эо, Весна!

В серо-зелёном мокровоздушье
Ласточки носятся в бешеном танце.
Эо, Весна! Эо, Весна!

Прыгнул с разбега
В зелени волны
И рассмеялся, тысячеликий.
И раздробился в тысячах бликов
Зеленопенной мокровселенной.
Эо, весна! Эо, весна!

* * *

Уйти!
Раствориться в бескрайних лугах,
Быть песней, и тайной, и роком, и зовом.
Исчезнуть,
Отхлынуть с кипящей волной
И стать вечно-новым.

* * *

Был сад и дождь.
И в сердце у меня
Стучали капли
И в листве шуршали.

Был дождь и сад,
Но не было меня —
Я сам с собой
Простился без печали.

И влажный шум
Стал именем моим,
И запах зелени
Моею стал душой.

Я был один,
Я шелестел в ветвях
И расстился
Серой пеленой.

* * *

Серый дождь зашумел
И дохнуло свободой,
И поют уходящие в небо стволы.
Слышишь шорох грибов,
Раздвигающих своды
Прошлогодней опавшей листвы?

* * *

Услышать неба ширину
За облаками,
И гор безмолвных тишину
Обнять руками.

Лизнуть шершавым языком
Дерев кружение,
И пошататься босиком
По отражению
Бесплотных сосен в глубине
Ночной прохлады.
Никто не вспомнит обо мне...
А и не надо.

* * *

Мост над рекою. Лето.

Снятся зелёной иве
Над лягушиной прохладой
Волны дрожащего света.

В каждой кубышке тайна,
Не разгадать стрекозам.
Ловят своё отраженье,
Вечным Сейчас согреты.

Мудро молчит корова —
«Видела всё на свете
и снова сюда вернулась».
Мост над рекою Лета.

* * *

Там считают время по-древнему —
Не на дни, а на поколения.
Там стрекозы над тихой заводью
Ловят трепетные мгновения,
А слова зелёного бархата —
Не беседные, а для пения.
Там луга плывут под туманами,
О погоде одной сомнения...
Даже смерть там — только прелюдия
В ожидании продолжения.

* * *

Это слово пишется так:
Осторожно, с лёгким нажимом,
Мягко — словно лапой кошачьей
По карнизу над звёздной бездной,
Словно ласковые объятья — не-е-жно.
— Л-я-а-гушка.

* * *

Горячее золото света
Расплавало мрамор колонн.
Грусти ленивой потоки,
Неся аромат лимона,
Струились со всех сторон.

Дню уже снился сумрак,
Но солнцу садиться рано.
И кралась белые кошки
Туда, где свернувшись, мурлыкал
Мраморный лев у фонтана.

* * *

По площади Амилкара Кабрала
Идёт печальный Агостиньо Нетто
(а может, кто-то на него похожий),
А всполохи пронзительного света
Рождают тени за спиной прохожих.

Над голубой продымлённой Москвою
Горят лучи июльского заката,
И исчезает бывшее когда-то,
Теперь уж навсегда, стремясь к покою.

Над площадью Амилкара Кабрала
Витает запах гари и черешни,
И памятью о зрелых апельсинах
Ещё полны картонные коробки.

Но вечер разливается туманом,
И скоро смоем запах апельсинов,
Исчезнет привкус дыма и черешни
И с ними призрак Агостиньо Нетто.

* * *

Над зеленью пруда
Роняют капли ветви.
Осенний первый дождь...
Или последний летний?

* * *

В пустынный серый мир дворов
Охалку жёлтых листьев бросив
И мелким дождичком полив,
Все окна затворила осень.

И вход загородив огнём
В свои уютные пещеры,
Уснём, свернувшись клубком,
Оставив дождь пустыням серым.

* * *

Прохладный, дивный, светлый и лучистый,
Прозрачный, и печальный, и седой,
Загадочный, надмирный, серебристый,
И вечный, и всегда другой.

Волнующий, безумный, просветлённый,
Хранящий солнце в океане тьмы,
Волшебный, призрачный, нездешний, отрешённый
О СВЕТ ЛУНЫ!

* * *

Пылали дни,
Подожжены безумным Фебом,
Как апельсиновый закат
Над спелым хлебом.
Пронзали душу фонари
Под жёлтым небом.
Сгорел, как факел на ветру, сентябрь,
Как не был.
Ах, солнца мы не запасли на всякий случай,
И бьются тучи о стекло
Дождём плакучим.

* * *

Как тревожно и одиноко
На дороге этой ночной.
Пустота заполняет бульвары
И шумит, шумит тишиной.
В вышине проносится небо,
Слабо звезды в разрывах мерцают.
Очертя голых веток сплетенья,
О зиме фонари прорицают.
Сколько теней лежит на асфальте!
И шуршат, и бегут стороной...
Не оглядывайтесь напрасно —
Это осень у вас за спиной.

* * *

Как давит небо!
Скорее домой
Дальше от сутолки серо-сырой.
Сжаться, нащупать дрожащей рукою
В длении времени точку покоя
И в полудрёме, скользя по странице
Слиться с диваном, с книгою слиться.
Ближе к огню!
Чтобы, ярко горя,
Пламя рассеяло гнёт ноября.

* * *

Нет, горы не про нас,
И не про нас кометы.
Мы – свет свечи
И шум дождя в ночи,
И мокрый блеск листвы,
И ровный ход кареты,
И солнца предзакатные лучи.
Не полдень мы,
Но сумерки природы,
Печальный ветра вздох,
Последний лета взгляд,
Спокойствие забывших про невзгоды
И возвращение назад.

Романтическое

* * *

Вы погладьте небо рукою —
Небо шёлковое на ощупь,
Голубою огромной кошкой
В тишине белый хвост полощет.

Лежит, один глаз прищуря,
И следит с чеширской улыбкой,
Как плывут в тазу-океане
Кораблей золотые рыбки.

А потом, желтый глаз зажмуря,
Порезвиться оно пускает
На свою голубую шубку
Светляков серебристых стаю.

И когда все дневные краски
Растворятся в чернилах ночи,
На прогулку уходит небо
И гуляет себе, где хочет.

* * *

Золотые звоны в бирюзовом небе,
Стайкою весёлой мчатся облака.
Радость неземная, даже не поверишь!
Мир наполнен счастьем,
Льёт через края.

Но закрыты ставни и заткнуты щели.
И за ними жили, кушали и пили,
Охали, вздыхали, о судьбе гадали,
Счастье проморгали. Время утекло.
Так зевали долго, нудно и протяжно,
Что от скуки челюсть
намертво свело.

* * *

Мои знакомые сороки
Меня встречают на мосту.
Мои знакомые собаки
Хвостами машут за версту.

Мои сирени водопадом,
Мои черёмухи в цвету,
Кометой проносясь по саду
Ловлю я солнце на лету.

Нахально молод и беспечен,
Весёлым пламенем объят,
Я смехокрыл и смеховечен,
И яснолунен, и звездат.

* * *

Затопила мир
Колдовская тьма.
Над лесной рекой,
Ворожит луна.

И текучесть вод,
И зыбучесть трав,
И плакучесть ив
Обращает в навь.

И манит на дно
Серебристый блеск.
В тишине ночной
Лишь русалки всплеск.

* * *

Врезаться этой ночью
В землю решила луна.
От ужаса встала дыбом
Зелёная шерсть холма.

Чёрные пальцы менгиров
Судорожно сжали небо.

Ветер с упругой силой
Швыряет запах травы.
От луны заразясь безумьем,
Мечется тень совы.

Зелёный всполох зигзагом
Высветил мрака бездну,
Близость неведомой мощи
Сгибает стрелы в колчане.

Сгустилась воля древних владык,
Неотвратимая, словно рок,

Дикая радость кипит волной:
Великой битвы подходит срок.

* * *

Вспыхнув вселенским пожаром,
Небо сгорело в мглу.
Ветер, поживу чуя,
Рассеивает золу.

Крадясь голодным шакалом,
В город вползает ночь...
Право, напрасно рыдает
Убитого князя дочь.

Земля нам отдана Богом,
Нету преграды нам.
Воля его швыряет
Царства под ноги коням.

Что убиваться и плакать —
Вечный закон таков,
Что побеждённых имя
Сгинет во мгле веков.

Внуки убитых нами
В песнях Нас воспоют,
Имя Наше прославят,
Предками Нас назовут.

* * *

В девятый год Великой Тишины ханьский Сюань-ду, исходя из «побуждения к покорности и поощрения искренности» пожаловал усуньскому гуньмо титул «всегда верный и послушный князь» и выдал за него принцессу Ю из Западного дворца.

Двести баранов зажарить велел
В честь торжества владыка.
Даже рёв труб заглушить не смог
варваров песни и крики.

Сотни костров отгоняют тьму
Льётся кумыс рекой...
И только принцесса
Глядит на луну,
Напрасно ища покой.

Даже сюда, за тысячи ли,
В дикую эту страну
Былая подруга
Осенних ночей
Пришла навестить её.

* * *

Зыбкая плесень тумана,
Блёклость стеклянных вод,
Чёрные камни дольмена —
Призрака стылых болот.

Кем-то оставленный вестник —
Давно позабытый код
Безмолвно ждёт адресата,
Который уже не придёт

* * *

Туннели, туннели, огни, провода,
Летающие стрелы-дороги – куда?
Платформа, ветер, «не спи, смотри!»,
Прицельно метят в окно фонари.
«Умри, умри, умри...»
В клочья изодрана неба тьма,
Чёрный провал – отражение сна.
Стуком колёс стучащая грудь.
«Забудь, забудь, не будь...»

* * *

Сен-Жермен

Граф пришёл под занавес эпохи
Нарядившись в маску шарлатана,
Чтобы пригубить вино событий
С мудрою улыбкою гурмана.

Чародей, проказник, проходимец,
Фокусник, алхимик и святой,
Кто он был?
Сгущение тумана или ангел вечно молодой?

Не понять, судьбу с судьбою сверив,
Не забыть.
Он ушёл из нашего пространства
В может быть.

* * *

А в церкви имени Бога
Опять зажигают свечи,
И словно душа поэта
Настежь распахнут вечер.

Огромные, как вороны,
Звёзды на гребне крыши.
А я провожаю знакомых —
Выше, выше, выше...

«Ну что, пора расставаться.
Жду вас опять под небом».
Вечер, который вечен.
Город, в котором не был.

Неромантическое

Душеспасительное

Если Вы потеряли дом,
Не грустите, сеньор о том,
Ибо выстроен Вам приют
И уж скоро Вас призовут.

Если Вы потеряли жену,
Не грустите, сеньор, о том,
Не стенайте, не лейте слёз,
Ибо встретись вы потом.

Если деньги потеряны все,
Не жалеете, сеньор, о них,
И стократно воздаст Господь,
Ибо любит Он верных своих.

Если Вы потеряли всё,
То не надо о том рыдать:
Испытанья послал Господь,
В них видна Его благодать.

И когда Вы покинете мир,
Где пришлось вам столько страдать,
Поспешите на небеса —
Вас в раю уже будут ждать.

* * *

Патриотическое

Солнце пробиралось к горизонту,
Колыхалась жирная трава.
Два еврея в радиоэфире
Толковали что-то про права.

Посижу над сонною рекою.
Покормлю российских комаров.
Выпью водки, и такой порою
Мне не надо никаких правов!

* * *

Психиатрическое

Если я открою дверь,
А за дверью никого.
Значит, он уже успел
И забрался на трубу.

Если выгляну в окно
А его опять там нет,
Значит, опытный, подлец —
Не поймаешь просто так.

Телевизор я включу,
И в него я посмотрю.
Там уж точно будет он,
Тут ему не ускользнуть.

* * *

Историческое

«Заимствуй у Европы!
Пусть будешь брит, но сыт», —
сказал Пётр, получивши
В Голландии кредит.

А как проели деньги,
Осталось лишь мечтать:
«Хоть у китайцев, что ли,
нам несколько занять?»

* * *

Решая в спешке историческую задачу,
Потерявши бороду, по голове не плачут.

* * *

Была свобода, не было морали.
Но и свободу мы потом про... ли.

* * *

Превращенье обычное
Для спасителей родины:
Стоит к власти прийти —
И тотчас робингуды
Превращаются в робинов-бобинов.

* * *

Есть хрен и редька,
и вопрос вопросов:
«Что слаще мне?»
О, где ответ ответов?!

* * *

Подражание Хайяму

Глупец всегда клянёт свою судьбу.
Пушай окажется хоть в райском он саду,
Ему хоть поднеси сосуд с нектаром
Тотчас заплачет он: «Где крышку я найду?!»

* * *

Час пик.

Заводят мотоциклы рокеры,
На биржу устремились брокеры,
Садятся за компьютер хакеры,
Собрались на молитву квакеры,
Хрустеть во рту готовы крекеры,
Во всей колоде одни джокеры,
В метро,
в метро,
в метро.

Ползём, сливаясь на глазах,
помечены единым родом.
Ах, в этот час любой из нас
Становится народом.

Народ всё гуще. Под землёй
Спаслися от дневного света.
А этот, в шляпе, – вот герой! —
Ещё читает газету:

«Крутые, как яйца, килеры
вчера замочили дилера!
(почём мочёные дилеры?)
Недосмотрели филеры!»

(на мотив рэпа):
Ребята, подвиньтесь, тут моя нога.
А морду хочешь, старая карга?
И каждый раз на этом месте.
Бог, спаси нас от старух,
Как тараканы под ногами.

Задавил вчера двух.

Иисус Христос – Бог!
Иисус Христос... Ох! – Вот прёт скотина!
Библия истинна... Отдал единокровного сына...
У, нахал! Вам ни за что бы не отдал.
Библия истинна. Библия ...Библия ...истинна.
А-ах! О-ох!
Бочкарёв – правильное пиво... Бочкарёв...

Глаза – осколки пустых зеркал.
Пальто и сумки.
Мордеют лица.
Кубы, кубы, проезжаем вокзал —
здесь треугольнику не разместиться.

Перед глазами чёрный квадрат.
В ушах какие-то стоны.
«Конечная остановка – Ад.
Просьба освободить вагоны.»

* * *

Ем, сплю, хожу в туалет.
Хожу на работу (значительно реже), езжу.
(Да, ещё не забыть про окна —
Наши вечные спутники, они хранят память
о нашем дыханье, движении глаз,
о нас,
И отражение звёздного взгляда.
– Может сюда их не надо?
– Надо.)

А мгновения, брошенные в дрожащие переулки,
Хватание любви, хватание памяти
В спешке, судьбе глаза в глаза,
Страх о себе, на месте топтание.
В водовороте кипящем лиц
поиск единственного, отчаяние.
Тела последний торжественный вынос...

Минус, минус, минус...

Что же осталось в отрезке времени —
Том, что не продан, не отдан
Ни друзьям, ни врагам, ни семье.
Что же в последнем остатке, осадке?

Так, ничего —

Бытие.

* * *

Я жизнь свою сложил из дней других людей,
Из вырванных листов календарей,
Из краденых ночей и брошенных друзей,
Забытых и оставленных вещей,
ночных путей.

Из чьих-то судеб выдирал клоки,
Выпрашивал подачки у реки, у звёзд.
Ловил мгновенья,
и брал займы и без отдачи у творенья
я всё что мог.

И, видно, Бог из вырванных случайно из огня
Страниц
когда-то сотворил меня.
Случайные фрагменты бытия
Нанизаны на нитку.
Нитка – я.

* * *

Концерт

Да будет звук!
Волною томной
Окутан зал.
Он беззаконие свободы
Уже познал.
И песни рая, и безумье,
И буйство inferнальных сил,
И скрежет мира обречённый
В себя впустил.
И в сотнях ликов безотрадно
Себя узнал —
Разорван занавес надежды
В стране зеркал.

* * *

Художник Матисс
рисует жёлтое небо,
жёлтые женщины
плаваются не спеша.
Время и вечность
над морем играют в кости.

Кости его, а ставка —
его душа.

Другой стороной

* * *

Спустились в сырые пещеры
Сквозь тьму, не знавшую света.
Проникли глухими путями,
Забытыми от сотворенья,
Туда, где корни земли свисают
В крошечную бездну.

Достигли предвечного мрака,
Где Бог ещё не родился,
Туда, где слипается время
И вечной ночи кошмары
Куда залетать бояться.

И там провели тайну —
Причину неравной доли
Для всех сотворённых в мире —
Но нам её не открыли.

* * *

Сказки дядюшки Юнга

Наши беды и тревоги,
Наша узость кругозора,
Наши мненья и сомненья.
Склоки, лет прожитых бремя
Пёстрым вышиты узором.
А основа ткани — время.

В мире копится усталость.
Но не надо лезть в бутылку,
Коль узоры нам приелись,
Надо просто сделать дырку

И, забравшись потихоньку,
Посидеть совсем немного
У развесистого древа,
Что растёт там у порога.

Землю обняло корнями
Приютило в ветках звёзды,
Чтобы звёзды пели песни,
Чтобы звёзды вили гнёзда.

И, не ведая, сомнений
У корней огромной липы
Там живут слегка чудные,
Но не злые архетипы.

Там встречаются легенды,
Не мешая жить друг другу,
И, разматываясь, время
Вечно бежит по кругу.

Все тревоги и сомненья
Там исчезнут безвозвратно.
И, набравшись новой силы,
Можно вылезать обратно.

* * *

Лягушка-путешественница (индийский вариант)

«Ну и пусть!» —
Сказала гусю жаба,
И болото глухо заурчало.

Ну и пусть
Всё вышло не по плану.
Можно всё опять начать сначала.

Я хочу опять увидеть небо
И слышать стаи гоготанье.
Я теперь на опыте узнала —
Смерти нет, есть только расставанье.

* * *

Боги умирают незаметно,
Потерявшись в зарослях созвездий
И заснув на тропах мирозданья,
Постепенно превратившись в тени,
В имена на стёртых пьедесталах,
В символы, в бездумные напевы,
В колдуна глухое бормотанье...

Те, кто слепо веровал в бессмертье,
Угасают, как уходит лето,
Как растаял в розовом сиянье
Утлый чёлн луны, не пережив рассвета.

* * *

Сны

Ища друзей в бездонности пространства,
Бездомные зажглися фонари.
Смотри, смотри!
Навстречу к ним спустившись, отрешённо
Повисли звёзды на ветвях сосны...
А может сны?

Судьба – задумчивая птица
Глядит печально сквозь ресницы...
Снится, снится...

Идёт человек по улице
Устало идёт, сутулится.
Скрипит, скрипит деревянной ногой
И гасит звёзды одну за другой.

Осторожней! За печатью печалей
провалы подвалов. Осторожней!

Серые потрескавшиеся ступени,
Скрипы, тени.
В щелях застряли потерянные мгновения.
Воспоминания, запах тления,
Память вечно длящегося старения.

О, неужели здесь храм истории?!
Тории, арии, реи, Яи...
«Яи, Яи жёлтый цветок, Яи...»

Дин-дин, поглядим.
Дин-дин, поглядим.
Дин-дон, украдём.
Дин-дон, уведём.

Учусь бегу у времени,
Лечу, не зная преград,
Оборванные звенья
Звонят, звонят, звонят.
Сквозь серые забвения
К пронзительному дню,
Навстречу пробуждению
От сна к другому сну.

* * *

Все ходящие и преходящие,

Бывшие, ставшие, выпавшие и впавшие,
купившие и продавшие,
верящие и уставшие!
Знайте – Я есмь.

Сегодня для вас и только сегодня
Раскроются небо и преисподняя!
(Неба исподнее огненно-красное,
Раз-облаченья хотели? Напрасно!)

Сегодня узнаем, чьи верны идеи
И результат мировой лотереи!
Входите!
Сегодня открыты сердца!
Билеты бесплатны!
С любого конца.
СЛОВА

* * *

Звуки ложились в знаки,
Знаки сплетались в строки,
И становились пегги
Белой листы бумаги.

Чтение будило мысли,
Люди искали смысла,
В мире плодились книги
И умирали боги...

* * *

Поэт

Вошёл в закрытые врата,
Куда не звали.
Ходил, разглядывал вокруг,
Как на базаре.

Спросил, почём здесь благодать,
И без ответа
Пошёл в саду себе ломать
Цветы-сонеты.

Ушёл домой с охапкой строф,
И, догорая,
Звенели долго на земле
Звучанья рая.

* * *

Я куда-то вышел,
И меня нет долго.
Из часов минуты
Капают без толку.

За окном закатом
Время вечереет.
Где-то не хватает,
Кто-то пожалеет...

Только благодатный
Случай подвернулся.
Я куда-то вышел,
Да и не вернулся.

* * *

Спросили у кошки,
Но промолчала кошка,
Лишь усмехнулась кошка,
И сохранила тайну —
В зелёных глазах отраженье
Бескрайнего океана...

* * *

Глядите, глядите!
Наверно Природу Будды
Забыла где-то собака.
Бежит без Природы Будды...

* * *

Эпиграмма

Каждый может войти
В открытые двери, открытые окна
Её души.
Но не остаться. Сквозит.
Ветрена эта душа...

* * *

За годы, что я мимо прохожу
Засомневался в том, что нету сладу
Со временем.
Так медленно вращает колесо

Судьба над этим домом, этим садом...

* * *

Нет, я не пьян,
Так что нечего вам беспокоится
Это пьяны сегодня
Кривые заблудшие улицы,
Это пьяная церковь,
Покосившись, на горке стоит,
Это пьяное море
Под ветром пьянящим волнуется.
Сам я не пьян.
Но какой замечательный вид!

* * *

Пустая страница
Как снег бела.
Где здесь граница
Добра и зла?

* * *

Одностииия

Не каждый день я начинаю для...

Собачья жизнь – когда год за семь...

На мой ответ не подобрать вопроса...

И вот сижу, богатый протеином...

* * *

Тот, кто строки писал,
Истину ведал.
Тот, кто знаки сложил и прочёл,
Истины слово увидел.
Только в сердце его
поселились мёртвые знаки.
Истины слово
стало великой ложью.
Первый мудрец, несомненно,
истину ведал,
И не солгал,
Только с ним она и осталась.

Послесловие

Даже люди, живущие бок о бок, зачастую живут в разных мирах, в разных мифах, выбраться из которых невероятно трудно. Слесарь и хипстер, медсестра и бомж – наши миры часто едва замечают друг друга, проходя друг сквозь друга неясными тенями.

Скажем, мир североамериканского индейца середины 19-го века был радикально иным, нежели мир его европейского современника или наш с вами мир. Однако мы не можем ни назвать того индейца сумасшедшим, ни определить каким-либо образом, что он жил в нереальном мире. Индеец был эффективен (поскольку его народ сумел выжить на протяжении десятков тысяч лет), а значит, адекватен. А между тем он разговаривал с животными и растениями, и к нему на полном серьёзе приходили духи предков. И для него это была самая что ни на есть реальная реальность, которая была частью его эффективности и его жизненного пути вообще.

Эти миры испокон веку изучаются и осваиваются мистиками. Тексты, которые вы только что прочитали или будете читать, если решили сначала ознакомиться с послесловием, – тексты мистические.

Здесь нет ничего абсолютного и постоянного, но за непрерывно текущими формами просматривается Мир Идей.

Мир Йоширо Оямы реален, Йоширо адекватен, но свойства его мира были таковы, что меч Хатимана был всегда с ним, и на границе «мира желаний» он встретил собственное отражение в Великом Зеркале, сразился с ним и победил его, отрубив голову. В нашем же мире люди нашли лишь обезглавленный труп того, кого считали Йоширой Оямой. Таково свойство нашего мира.

Здесь всё относительно, нет ничего абсолютно ложного, и всё напрямую зависит от состояния сознания героев. Например, то, что для кого-то кажется воплощением зла, для другого человека оборачивается белым и пушистым Зверем Николаенко, несущим в себе тайну бытия. Для одного человека рай предстаёт сказочными кущами и вершиной мира, а для другого это берёзка над рекой, обнесённая оградой, это трава, колышима ветром.

Даже сам стиль этих книг – иронический и зачастую гротескный – выбивает из-под ног читателя последнюю опору – опору этой новой для него картины мира.

Книги, представленные в этом сборнике, ведут нас дальше и дальше по зеркальным коридорам сознания, нигде не останавливаясь. Они о мифе, о мире архетипов, из мира архетипов и, непостижимым образом (и что особенно ценно), из-за его пределов.

Их можно читать двумя способами, которые, впрочем, не противоречат друг другу.

Первый способ – читать их, руководствуясь научным подходом: снабжать каждый образ, который мы здесь встречаем, целой статьёй пояснений со ссылками на различные

мифологические системы разных времён и народов. Но так мы будем лишь играть с отражениями. Хотя такой способ, безусловно, добавил бы объёмности в картину, поскольку каждая деталь в этих книгах многомерна и отсылает нас к множеству смысловых слоёв.

Но можно читать и иначе. Тексты эти намеренно созданы таким образом, чтобы допускать неограниченное число толкований. За непрерывной сменой образов и интерпретаций мы можем попытаться ощутить то, отражением чего являются эти образы, поскольку их источник живёт в каждом из нас. Попытаться взглянуть на происходящее глазами обитателей тех мифов, которые разворачиваются на страницах этих книг, а не изнутри нашего персонального мифа. Таким образом, чтение этих книг становится полноценной медитацией и актом самопознания. В этом случае нас ждёт множество открытий, говорящих с нашим сердцем напрямую.

Мистерия о Геракле.

Каждый миф можно представить как манифестацию некоего архетипического явления. Таких мифов-манифестаций может быть множество, в зависимости от эпох и культур. Сам же архетип внекультурен, надличностен.

Так вот, с этой точки зрения, скажем, миф о Геракле – это одна из манифестаций определённого архетипа. В своей повести «Мистерия о Геракле» автор широкими мазками набрасывает многомерную панораму множества отражений этого архетипа в различных сознаниях и эпохах, зачастую намеренно гиперболизированных таким образом, чтобы выдвинуть на первый план жизнь самого архетипа, который, удивительным образом, и становится главным героем повести, проявляясь как нечто статическое, вечное, в динамике непрерывной смены картинок.

Сеть Индры.

Сеть Индры – это образ, описываемый в тексте буддийской Гандавьяуха сутры. В ней мир представляется в виде сети из драгоценных камней. При этом каждый из камней отражает все остальные камни и сам также отражается в них. И мы становимся свидетелями жизни целой связки мифов, которые под рукой мастера внезапно разворачиваются перед нами в том виде, в каком они предстают перед взором человека, вышедшего за их пределы. Всё в одном, одно во всём, всё во всём, одно в одном. Перед нами чередой проходят различные миры. И мы видим, как они удивительным образом отражаются и преломляются друг в друге, нигде не находя «истинного центра» и складываясь в итоге в ту самую Сеть Индры.

В «Сказочках для Марка» мир раскрывается с неожиданной стороны. Казалось бы, течёт обыденный разговор, но со стороны одного из собеседников он является проповедью Дхармы, которую второй собеседник даже не замечает. Дьявол, покупающий душу, оказывается любящим существом. Кошка, дремлющая на трещине реальности...

«Мистерия» проводит нас через цепь архетипических миров, каждому из которых соответствует определённый цвет радуги.

«Имя дождя» – философские этюды, почти анекдоты, всего в несколько строк, выводящие нас за пределы обычного дискурсивного мышления.

«География Камалоки». Камалока – это шесть миров буддийской космографии: адский мир, мир животных, мир голодных духов, мир людей, мир асуров, мир богов.

В «Записках из Авичи» рассказывается о нараках, обитателях Авичи – наиглубочайшего из адов буддийской космографии. Согласно учению, в Авичи человек попадает в результате одного из следующих деяний:

– преднамеренное убийство отца или матери;

- убийство архата (святого) или пролитие крови Будды;
- внесение смуты в буддийское сообщество.

Главный герой, один из нараков, стал свидетелем спасительного вмешательства бодхисаттвы, которое пробудило в нём способность рефлексии и стремление двигаться за пределы мира Авичи.

В «**Бабочке**» – человек, оказавшийся в ловушке замкнутого островка зелени и, через смещение сознания в позицию бабочки, оборачивается Чжуан Цзы, которому приснилось, что он бабочка.

В «**Самхайне**» главный герой становится невольным участником древнего ритуала, в результате которого его сознание трансформируется в обитателя одного из замкнутых миров сознания. Жители этого мира показаны как с позиции внешнего наблюдателя, так и изнутри.

«**Игра**» повествует о пересечении внутреннего мира западного человека с миром древних легенд. И опять погружение в этот древний мир показано как изнутри, так и снаружи. Для человека внутри этой игры всё закономерно, для внешнего же наблюдателя это выглядит как безумие.

«**Гордыня**» – в строго религиозный мир, срисованный с бескомпромиссного средневекового христианского миропонимания с его акцентом на априорную греховность человека и на маниакальную борьбу с гордыней, является тот, кого обитатели этого мира чётко определяют как Диавола. Однако, с точки зрения буддийской мифологии обе стороны конфликта можно отнести скорее к существам асурического плана.

В рассказе «**Парк**» старый заброшенный и заросший парк внезапно оказывается вратами в иной таинственный мир.

И наконец, в рассказе «**Битва на мосту Янгуань**» трое героев подходят к границе Камалоки, охраняемой «Отцом иллюзии» Марой.

Представленные здесь произведения можно рассматривать как своего рода художественный путеводитель по этим мирам сознания. В «Мистерии о Геракле» миф об этом древнегреческом герое рассматривается с позиции мистического восхождения, а значит, вместе с героем мы проходим по «лестнице» миров до самой вершины. Похожий вертикальный маршрут мы проделываем с героем эпизода «Сети Индры» – Йоширой Оямой, который успешно преодолевает границу Камалоки и в следующей жизни предстаёт перед нами как Евгений. Духовный путь – восхождение в разных его ипостасях (как бы с разных сторон одной горы) показан не только для Евгения, но и для Стоянова, Фиры и Рудика. Вертикальная траектория до самой границы Камалоки также показана в «Битве на мосту Янгуань», но в этом случае переход через границу был неудачен.

Возможно, читатель усмотрит в текстах, представленных в данном сборнике и иные смыслы. Нужно помнить о том, что все они имеют право на существование и все они по-своему верны. Никаких канонических и эталонных толкований здесь не существует.

Олег Павлов